

Нина Матвеевна Соротокина Императрица Елизавета Петровна. Ее недруги и фавориты

«Императрица Елизавета Петровна»: Вече; М.; 2010
ISBN 978-5-9533-4569-9

Аннотация

Недоброжелатели Елизаветы Петровны приписывали ей любовные отношения с огромным количеством мужчин. Но это не так. В своих отношениях с сильной половиной человечества императрица Елизавета никак не похожа на Екатерину Великую. Она была по-своему добродетельна, а если и грешила, то это было вполне в духе эпохи. Красавец С. Нарышкин и достойный во всех отношениях А. Бутурлин, неофициальный «супруг» А. Разумовский и симпатичный А. Шубин – они были возлюбленными и друзьями императрицы. Книга известной писательницы Н.М. Соротокиной – о фаворитах и недругах, о непростых личных взаимоотношениях дочери Петра Великого и ее окружения.

Нина Матвеевна Соротокина Императрица Елизавета Петровна. Ее недруги и фавориты

Пролог

Я занимаюсь XVIII веком без малого сорок лет, но ни в коем случае не могу назвать себя профессионалом, потому что не сидела в университетских аудиториях, не слушала лекции великих педагогов. Я самоучка; правда, в этом есть своя прелесть. В школе мы «проходили» «Мертвые души», «Преступление и наказание», что отвратило нас на долгие годы от этих произведений, и уже совсем взрослыми людьми мы поняли значимость и величие этих книг. Студенты тоже часто учатся через пень-колоду: гормоны играют и слишком много времени уходит на сопутствующие любви приложения. Я же стала заниматься историей, потому что мне было безумно интересно. Какие-то отрывочные знания у меня, конечно, были, и они порождали массу вопросов. И когда я находила ответы на эти вопросы, то очень радовалась и удивлялась – вот оно, оказывается, как было дело!

Я, например, никак не могла понять, почему в XVIII веке русский трон занимали сплошь женщины и куда подевались мужчины из рода Романовых. Почему дочь Петра I Елизавета стала императрицей не сразу после смерти матери, а трон занимали по очереди какие-то непонятные и, как мне казалось, случайные люди. Но оказалось, что все эти «случайные» правители имели вполне законные права на русский престол. Виной этой царской чехарды был закон Петра I о престолонаследии, и, прежде чем начать рассказ о Елизавете Петровне, необходимо разобраться с ее многочисленными родственниками. Многих уже не было к ее рождению, но память о них была жива, кровавая память. Шла активная борьба за власть, и в этой борьбе дочь Петра вообще не принималась в расчет.

Семья Романовых была огромной. Батюшка Петра Великого – Алексей Михайлович Тишайший – имел шестнадцать детей. От первого брака с Марией Ильиничной Милославской – 13 человек, из них восемь девочек и пять мальчиков. Трое мальчиков умерли – остались Федор и Иоанн.

После смерти Милославской царь Алексей в 1671 году сочетался вторым браком, с Натальей Кирилловной Нарышкиной, у них был сын Петр и две дочери – Наталья и Феодора, последняя умерла в младенчестве.

Царь Алексей умер 30 января 1676 года и завещал трон сыну Федору. Федор Алексеевич достойно правил шесть лет и умер, так же как и его отец, от цинги. После смерти царя Федора трон в результате Стрелецкого бунта заняли два малолетних царевича – старший Иоанн (по матери Милославский) и Петр (по матери Нарышкин) при регентстве царевны Софьи (по матери Милославской).

В 1689 году регентша была свергнута, заключена в монастырь, трон заняли Иоанн и Петр. Иоанн был очень слаб здоровьем и «скорбен головой», как писали о нем старинные хроники, но до самого его смертного часа (Иоанн умер в тридцать лет) Петр соблюдал в отношении брата все официальные правила соправителя. У Иоанна было три дочери: Екатерина, Анна и Прасковья. Петр позаботился о судьбе княжон и выдал Екатерину и Анну замуж: Екатерина стала прозываться герцогиней Мекленбургской, Анна – герцогиней Курляндской.

У самого Петра было 12 детей. От первого брака с Евдокией Лопухиной в 1790 году родился сын Алексей. После заговора 1797 года Петр сослал жену в суздальский монастырь, а сына отдал в Преображенское сестре Наталье Алексеевне. Алексей не оправдал надежд отца – Петр подозревал его в измене (я думаю, совершенно напрасно). В 1718 году Алексей был казнен в застенках Петропавловской крепости. Второй женой Петра стала ливонская крестьянка Марта Скавронская, после крещения – Екатерина Алексеевна (крестником ее был царевич Алексей). У Петра и Екатерины было 11 детей, но в живых остались только две дочери: Анна и Елизавета. Был мальчик, Петр Петрович, любимый «шишечка», но и он умер в четырехлетнем возрасте. Царевну Анну уже после смерти Петра Екатерина I выдала замуж за герцога Голштинского. Анна умерла через два месяца после родов. Осталась одна Елизавета.

Петр Великий очень боялся, что все сделанное им за тридцать шесть лет правления после его смерти пойдет прахом. После казни царевича Алексея и смерти младенца Петра Петровича он принял в 1719 году новый устав о наследовании престола. По этому уставу

наследником становился не старший сын, как было ранее, а лицо, назначенное самим государем. Но он так и не успел назначить наследника. Трон в результате организованного Меншиковым гвардейского переворота заняла Екатерина Алексеевна.

Детство

Елизавета родилась 19 декабря 1709 года в Петербурге, а годом раньше в Москве родилась ее старшая сестра Анна. Две юные принцессы все детство и юность шли по жизни буквально взявшись за руки, два персонажа из немецкой сказки: Беляночка – кокетка Елизавета и Розочка – чернявенькая умница Анна. А это уже русская быль – обе красавицы были незаконнорожденными, что им несправедливо и жестоко всю жизнь ставили в вину. Мать их, ливонская крестьянка Марта Скавронская, была метрессой, то есть любовницей государя. Она попала в Россию в 1702 году при взятии Мариенбурга. Шла Северная война, Марта досталась унтер-офицеру в качестве трофея. Но красавицу заметил фельдмаршал Шереметьев, и она перешла в его дом. От фельдмаршала Марту увел Меншиков, а потом красавицей завладел Петр I. Обычная история: государь мог брать в любовницы кого угодно и даже иметь от нее детей, но отношение потом к этим детям соответственное – они бастарды, и не о чем здесь говорить.

Петр любил Екатерину, она была не только его возлюбленной, но другом, советчицей, верной попутчицей в его бесконечных поездках. Она умела заговорить головную боль и унять гнев царя, а в гневе он был страшен. Наверное, вначале Петру и в голову не приходило сделать ее женой, а потом пришло. Известно из песни, что по любви «не может жениться ни один король», но Петр смог. Он наплевал на общественное мнение и сделал крестьянку императрицей. Его панически боялись, никто не мог ему возразить, разве что церковь, но Петр подмял под себя и церковь.

Екатерине сочинили дворянское происхождение и принялись всюду искать ее первого законного супруга, некоего шведского капрала. Капрала так и не нашли, но и это не смутило царя. Бытовала такая легенда. Стилым зимним вечером 1707 года Петр с Екатериной сидели у камина. Царь смотрел на огонь и о чем-то размышлял. Потом он вдруг велел запрячь лошадей, они с Екатериной сели в сани. Лошади примчали их к маленькой церквушке у реки. Там их тайно и обвенчали. Видимо, это чистый вымысел. Если бы после этого венчания осталась бы какая-нибудь церковная запись, Петр сумел бы ей воспользоваться.

Официальный брак Петра и Екатерины состоялся в 1712 году в деревянной церкви Исаакия Долмацкого (ее сменил потом Исаакиевский собор). Венчание было скромным – не надо было без нужды ворошить улей. Отпраздновали торжество тихо и пристойно в аустерии «Четыре фрегата», за столом только свои и никакой, обычной для такого праздника, пальбы из пушек и народного гулянья.

Дочери Елизавета и Анна в Исаакиевской церкви были «привенчаны», есть такой термин на Руси. Во время обряда за родителями вокруг аналоя ходили четырехлетняя Анна и трехлетняя Елизавета. После обряда девочки официально стали называться царевнами. Теперь им выделили отдельные от матери покои, у них появился свой двор с челядью, няньками, «дохтурицей», поварами, а потом учителями и гувернантками.

К образованию девочек, по желанию отца, относились серьезно. С раннего возраста при них состоял «мастер немецкого языка» Глик, учителей подбирали внимательно. Анна была способнее и любознательнее младшей сестры, она любила учиться. Елизавету учеба интересовала мало, французский и немецкий языки кое-как освоила, но любимым ее предметом были танцы.

Жизнь отца протекала «на колесах», Екатерина сопровождала мужа. Девочки часто жили без родителей и были очень дружны. Художники оставили нам их портреты: два ангелочка с крылышками за спиной. Крылышки прикреплялись к одежде шнуровкой – вот такие бывают ухищрения моды.

Юность

Девочки подрастали, надо было подумать об их замужестве. В женихи Анне был выбран герцог Карл Фридрих Голштейн-Готторпский. Выбор этот был чисто политическим. В 1718 году давний враг Петра Карл XII был убит в Норвегии при взятии крепости Фридрихсгаль. Герцог Голштинский Карл Фридрих стал претендентом на шведский трон. Трон, однако, ему не достался, а перешел к сестре Карла XII Ульрике Элеоноре. Но ведь и она не вечна! Кроме того, Петр надеялся скоро окончить войну и с помощью герцога Голштинского заключить мир со Швецией на выгодных для России условиях.

В июне 1721 года герцог Голштинский по приглашению Петра прибыл в Петербург. Удивительно, но жених долгое время не знал, кто его суженая – Елизавета или Анна. Судя по документам того времени, одна из двух принцесс была предназначена ему в жены, сроки не оговаривались, точное имя не называлось. Его представили принцессам сразу по приезде; Анне – тринадцать, Елизавете – двенадцать. Камер-юнкер из свиты герцога в своих дневниках с восторгом описывает юных красавцев. Предпочтение он отдает Анне – она старшая, а потому, вероятнее, именно она станет женой его господина; но и младшей он уделяет внимание: «...вторая принцесса, белокурая и очень нежная, лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное. Она годами двумя моложе (ошибся на год!) и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худа». Да, со временем Елизавета очень сильно располнеет, но до этого далеко. Валишевский пишет: «В первой молодости, в костюме итальянской рыбацки, в бархатном лифе, красной коротенькой юбке, с маленькой шапочкой на голове и парой крыльев за плечами – в те времена девушки носили их до 18 лет, – а впоследствии в мужском костюме, особенно любимом ею, потому что он обрисовывал ее красивые, хоть и пышные формы, она была неотразима. Она сильно возбуждала мужчин, чаруя их вместе с тем своей живостью, веселостью, резвостью».

Торопиться было некуда, герцог надолго застрял в России. В ожидании венчания он жил очень весело: юбилеи, годовщины, дни рождения, спуск на воду судов и даже похороны – все давало повод к застолью, обильному питию, а значит, веселью. Елизавету уже в 13 лет признали совершеннолетней, Петр сам ножницами срезал ей крылышки, после чего девочка стала равноправной участницей всех торжеств. Произошло это в 1722 году, в годовщину Ништатского мира. Этот праздник отмечали не просто широко, а с неким присущим Петру безумством. В честь победы над шведами он приказал всем подданным быть в эти дни веселыми и счастливыми, для чего в Петербурге был объявлен обязательный восьмидневный всенародный маскарад, то есть ты не имел права отсиживаться дома (в чем дал подписку), ты обязан был выйти на улицу в обязательном маскарадном платье. И ведь обрядился народ в одежду всех времен и народов, и ликовал, как было велено. И демонстрация, как сказали бы сейчас о празднике, скажем, 7 ноября, была. Демонстрация была вся расписана заранее, все, кроме священства, шли в костюмах, очередность была установлена согласно этикету, и юной Елизавете было отведено в ней почетное место.

Двор переехал в Москву, и Анна с Елизаветой поехали в старую столицу. И там веселье. Юные принцессы вместе со всеми пьют венгерское вино, а потом – танцы до упаду. Танцы были весьма разнообразны, Елизавета в них блистала. Вот образец одного бального действия, описанный Берхгольцем.

«Генерал Ягужинский, так сказать, царь всех балов, был необыкновенно весел и одушевлял все общество. Между прочим он устроил один танец, состоявший из 11 или 12 пар, которым сам управлял и который продолжался по крайней мере час, так что я не помню, случилось ли мне когда-нибудь видеть подобный. Начал он с очень медленного, но притом исполненного прыжков англеза; потом перешел в польский, продолжавшийся чрезвычайно долго и с такими прыжками, что надобно было удивляться, как дамы, уже порядочно-таки потанцевавшие, могли выдержать его. Тотчас по окончании польского составил новый танец (который не знаю, как назвать), похожий несколько на штирийский; в нем опять страшно прыгали и делали разные весьма забавные фигуры. Однако ж, генерал этим еще не

удовольствовался: не находя более новых фигур, он поставил всех в общий круг и предоставил своей даме, г-же Лопухиной, начать род арлекинского танца, который все по порядку должны были повторять за ней, с тем чтобы кавалер следующей пары выдумывал что-нибудь новое, ближайший к нему также, и так далее до последней пары. В числе многих выдумок были следующие: г-жа Лопухина, потанцевав несколько в кругу, обратилась к Ягужинскому, поцеловала его и потом стащила ему на нос парик, что должны были повторить все кавалеры и дамы. Генерал стоял при этом так прямо и неподвижно, как стена, даже и тогда, когда его целовали дамы. Одни, сделав перед избранной дамой глубокий реверанс, целовали ее; другие, протанцевав несколько раз в кругу, начинали пить за здоровье общества; третьи делали щелчки на воздух; четвертые вынимали среди круга табакерку и нюхали табак (маленькая дочь княгини Черкасской делала это так мило, что все восхищались); иные целовали его высочество, что начал молодой Долгоруков. Но лучше всех сделал генерал Ягужинский, который был последним: заметив, что некоторые не участвовавшие в танце смеялись, когда в кругу целовали дам или когда дамы должны были целовать кавалеров, он вышел из круга и перецеловал всех зрительниц, которые, так неожиданно пойманные, уж не смели отказываться целовать его и других. Этим танцем бал окончился». Мы не рассмотрели в кругу танцующих Елизавету, но она там, в первых рядах. Возраст нежный, до настоящих романов еще далеко, но кокетничает она весьма успешно. Каждый запомнит улыбку красивой и веселой девочки.

Наконец дело решилось: женой герцога Голштинского будет старшая дочь Анна. 24 ноября 1724 года состоялось торжественное обручение, но венчание произошло много позднее. 28 января 1725 года от уремии и почечной болезни скончался Петр I, через месяц умерла младшая, последняя дочь Екатерины – Наталья. Плач стоял во дворце. Императора вместе с малолетней дочерью похоронили в Петропавловском соборе.

Бракосочетание принцессы Анны и герцога Карла Фридриха состоялось только 21 мая 1725 года. Слава богу, одна дочь замужем, теперь надо пристроить вторую. Екатерина придумала для красавицы дочери поистине великолепную судьбу. Еще у Петра относительно Елизаветы были далеко идущие планы. Ему нужно было упрочить отношения с Францией, был задуман франко-русский союз. Дипломатическое оформление этого союза продолжалось и после смерти Петра. Разговоров было много, а тут еще саксонский посланник Лефорт дул императрице в уши, превознося Елизавету до небес: «Она как будто создана для Франции, и любит лишь блеск остроумия!» Екатерина по простоте душевной не поняла, что это просто фигура речи, такую красоту можно дорого продать. В голове у нее возник фантастический план. Она задумала, ни много ни мало, выдать замуж Елизавету за юного французского короля Людовика XV. Франция удивилась, более того, она обиделась. Как могли в супруги королю предлагать незаконнорожденную принцессу? Такие вещи в Европе считались совершенно недопустимыми. Вскоре пришло сообщение, что король Франции уже обрел себе супругу из королевского английского дома.

Однако царица не угомонилась. Через зятя, герцога Голштинского, она донесла до ушей Франции, что во имя добрых отношений согласна и на герцога Орлеанского. Екатерина даже не настаивала на сохранении для дочери православной веры, что шло вразрез с русской традицией. Пусть Елизавета будет католичкой, главное – Париж! Ответ не заставил себя ждать. Он был вежлив до приторности, но, простите, нет, еще раз нет, потому что, извините, герцог Орлеанский уже принял относительно своего брака другие обязательства. Союз с Францией отодвинулся на много лет.

Сколько раз после этого Елизавету пытались выдать замуж! Следующей кандидатурой в женихи был побочный сын польского короля Августа II Мориц Саксонский. Это был красивый, смелый, образованный, но слишком бойкий человек, из-за чего в Европе его откровенно называли авантюристом. Не очень понятно, как можно было, замахнувшись хотя бы в мечтах на французскую корону, спуститься до подобной кандидатуры. Елизавета хотя бы была «привенчана», а Мориц – откровенно незаконнорожденный! Но переговоры начались, и вездесущий саксонец Лефорт уже послал Морицу портрет цесаревны и пылкое

послание с описанием прелестей невесты: «...прелестное круглое лицо, глаза, полные воробьиного сока, свежий цвет лица и красивая грудь». Что такое «воробьиный сок в глазах», знали в XVIII веке, сейчас эти знания утрачены, но красиво, ничего не скажешь.

По счастью, этот брак не состоялся. Вокруг Морица завязалась такая интрига, что хоть святых выноси. Склоки возникли вокруг Курляндии, где скромно жила наша Анна Иоанновна – жена покойного герцога. Курляндия была лакомым куском, и Мориц задумал овладеть сим государством, разумеется, вкуче с герцогиней, на которой надо было жениться. Анна была согласна на брак с красавцем Морицем, но нашелся человек, который был очень не согласен на подобный вариант. Этим человеком был фаворит Екатерины и фактический правитель князь Александр Данилович Меншиков. Он сам хотел заполучить Курляндию, для чего поехал в Митаву и учинил там форменный скандал. Угроза его была серьезной: если курляндский сейм выберет Морица, то он введет войска. В дело вмешалась Польша. Екатерина спешно отозвала своего фаворита в Петербург. Мориц был полностью скомпрометирован и в глазах государыни, и всей Европы. Зачем нам такой жених? Такой нам не нужен.

При дворе меж тем образовались две партии, решался вопрос о престолонаследии. Первая задача любого правящего монарха – обеспечить себе приемника, озабочена этим была и Екатерина. Казалось вполне естественным, что наследником следует объявить сына казненного Алексея Петровича – мальчика Петра Алексеевича. Но такие же права на трон имеют дочери Екатерины. Анна уже замужем, ее отсекаем, но есть Елизавета. За Елизавету стояла сильная партия: Толстой, Бутурлин, Голицын, глава украинских войск, Девьер, генерал-поліцейстер Петербурга. За Петра Алексеевича тоже стояли сильные люди, а главное – к этой партии принадлежал сам Меншиков.

Умный и осторожный вице-канцлер Остерман Андрей Иванович, дабы примирить обе партии, измыслил замечательный план – женить Петра Алексеевича на цесаревне Елизавете. Петр еще ребенок, невеста старше его на семь лет, на это никто не обращает внимания. Главным препятствием к осуществлению плана служат их родственные отношения. Елизавета – родная тетка Петра Алексеевича, а это значит, что он, «придя в совершенные лета», может с легкостью расторгнуть этот брак, и церковь его в этом поддержит. Затею эту на корню отверг Меншиков. Он твердо стоял за Петра Алексеевича, поскольку намеревался выдать за него свою старшую дочь Марию. Как всегда, стремительный и уверенный в себе, он успел поговорить об этом с императрицей и получил ее согласие на этот брак.

В декабре 1726 года новый претендент на руку Елизаветы – двоюродный брат герцога Голштинского, Карл Август, титулованный епископ Любский, прибыл в Петербург. Он сразу был обласкан двором, государыня пожаловала его орденом Св. апостола Андрея Первозванного, за этим дело не стало, всё по-родственному. Елизавета устала ждать мужа. Карл Август ей понравился, она даже успела его полюбить. И вообще в этом есть что-то мистическое: две сестры выходят замуж за двух братьев. Придет время, и они уплывут в сказочную Голштинию, будут жить рядом, ездить друг к другу в гости. Мардефельд, прусский посланник в России, написал в своем отчете про Елизавету: «Она совершенная немка по духу и только ждет, чтобы уехать отсюда».

А пока матушка здорова и благополучна, будущее виделось радужным! Летний яркий день, летит по волнам любимая яхта императрицы «Елизавета», направляясь в Петергоф. На мачте яхты развевается государственный флаг, а за ней поспешает целая флотилия судов. Тут и русские вельможи, и иностранные посланники, музыканты с валторнами и трубами играют не переставая, и только когда в гавани начинают из всех батарей палить пушки, они прерывают игру. Берхгольц подробно описал увеселительную прогулку, а в конце дал бытовой совет: господа, при подобных поездках «всякий обыкновенно должен взять с собой собственную постель», а в противном случае хоть на полу спи без подушки и одеяла. Но это всё мелочи, в Петергофе будет весело, и вино будет литься рекой.

Императрица Екатерина I заболела в апреле, простыла, горячка. Потом вроде оправилась, но болезнь вернулась снова, и 6 мая 1727 года она умерла. Осталось завещание

императрицы, так называемый тестамент, – трон переходит к Петру Алексеевичу. Пятнадцать пунктов этого тестаamenta именем Екатерины I отменяли действующий закон о праве государя назначать себе наследника, беда только, что сама государыня не могла его подписать, потому что находилась в беспамятстве. Тут же пошел упорный слух, что тестамент подписала Елизавета, считай, Меншиков. Но слух быстро угас. С желающими видеть на троне Елизавету Меншиков быстро расправился. Их обвинили в заговоре, Девьера и вовсе сочли отравителем Екатерины. Толстой с сыном был сослан на Соловки, Девьер пошел в Сибирь.

19 мая 1727 года, не дожив до венчания две недели, скоропостижно скончался жених Елизаветы Карл Август. Она очень тяжело переживала эту смерть. Во главе так называемой голштинской партии стоял герцог, супруг Анны Петровны. Партия эта была сильна, и все рассчитывали, что герцог Голштинский поможет закрепить за троном линию Петра I, посадив на престол Анну или Елизавету. Но Меншиков предал своего высочайшего покойного благодетеля – он попросту выслал Анну с мужем из России. 27 июля этого же года они отбыли в Киль. Елизавета осталась совсем одна.

Елизавета и Петр II

Анна писала сестре из Киля: «Государыня дорогая моя сестрица! Доношу вашему высочеству, что я, слава Богу, в добром здравии сюда приехала с герцогом, и здесь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мне; только ни один день не проходит, чтоб я не плакала по вас, дорогая моя сестрица: не ведаю, как вам там жить. Прошу вас, дорогая сестрица, чтоб вы изволили писать ко мне почаще о здравии вашего высочества».

А что писать? Жизнь была скудной. Считалось, что у Елизаветы был свой двор. Еще с 1724 года при ней состоял в пажах Александр Шувалов. И гофмейстер был, достойный и верный человек Семен Григорьевич Нарышкин (не будем забывать, что бабушка Елизаветы была Нарышкиной). Красавец и вообще ловкий человек – Бутурлин Александр Борисович (между прочим, кавалер ордена Святого Александра Невского, батюшка Петр I наградил) числился при дворе ее камергером. И лекарь был свой, умный и надежный Лесток. При батюшке он попал в опалу и был сослан в Казань, но после смерти мужа императрица Екатерина его вернула и определила при дворе дочери. Но жизнь тусклая, никакая, денег на содержание дают мало, а Елизавета привыкла жить широко.

Петру II было одиннадцать лет. Екатерина не назначила ему опекуна, вменив обязанности опекунства Верховному совету. Единогласно было принято считать мальчика-императора совершеннолетним в 16 лет. Меншиков действовал очень активно. Он объявил себя генералиссимусом и встал во главе русской армии. Он поистине был всемогущ. Под видом опеки он увез императора в свой дворец на Васильевский остров и обручил его со своей дочерью Марией. Теперь Петр жил под постоянным наблюдением. Меншиков не отпускал его от себя ни на шаг.

Но молодой государь это не долго терпел. Он имел характер решительный и своенравный. Учиться он не любил, но был большим охотником до игр, более всего любил охоту. Мало кто привержен наукам в одиннадцать лет, нельзя было предсказать, каков он будет в зрелых годах. Родителей он потерял в младенчестве, детство провел под чужой опекой и по-настоящему был привязан лишь к своей сестре Наталье Алексеевне. Она была старше брата всего на год, но уже имела свой двор с гофмейстером князем Алексеем Петровичем Долгоруким. Сын князя – Иван Долгорукий – очень сошелся с молодым царем и сыграл в его жизни роковую роль.

Образование юного царя Меншиков поручил вице-канцлеру Остерману, которому безгранично доверял. А зря. Остерман был умный политик, отменный интриган и очень осторожный человек. Он назначал себе цель и шел к ней с оглядкой, неторопливо, и всегда добивался своего. Остерман устал жить под пятой Меншикова, потому поставил себе цель. Он решил с помощью Петра II свергнуть временщика с его пьедестала и осуществить ранее

задуманное – женить Петра на его тетке Елизавете.

Постоянная опека Меншикова тяготила Петра II. Как только он осознал свое значение, он тут же задал себе вопрос: а по какому праву временщик распоряжается всем и держит его в клетке? Когда казнили царевича Алексея в 1718 году, Петру II был всего год. Кто и когда рассказал мальчику о муках и смерти отца, мы не знаем, но в свои двенадцать лет он о многом был осведомлен. Ему было за что ненавидеть своего мнимого благодетеля.

И вдруг Меншиков заболел, серьезно и надолго. Документы упоминают о кровохарканье и лихорадке. Он был настолько плох, что сам собрался помирать. Вот тут Петр и выскользнул из дворца на Васильевском острове. Сама собой образовалась молодая компания: сам царь, сестра его Наталья, за ум и сдержанность прозванная «Минервой», еще Иван Долгорукий, а также пажи и кавалеры. Душой всей компании была Елизавета, прозвище «Венера» очень ей шло.

С.М. Соловьев пишет: «Елизавете Петровне было 17 лет; она останавливала взоры всех своей стройностью, круглым, чрезвычайно миловидным личиком, голубыми глазами, прекрасным цветом лица; веселая, живая, беззаботная, чем отличалась от своей серьезной сестры Анны Петровны, Елизавета была душой молодого общества, которому хотелось повеселиться; смеху не было конца, когда Елизавета станет представлять кого-нибудь, на что она была мастерица; доставалось и людям близким, например мужу старшей сестры герцогу Голштинскому. Неизвестно, три тяжелых удара – смерть матери, смерть жениха и отъезд сестры, надолго ли набросили тень на веселое существо Елизаветы; по крайней мере мы видим ее спутницей Петра II в его веселых прогулках и встречаем известие о сильной привязанности его к ней».

Да, Петр влюбился в свою тетку. Двенадцать лет, по нашим меркам, шестой класс, а в XVIII веке рано выросли. Петр влюбился, и Остерман ему в этом очень помогал. У последнего были замечательные отношения с Натальей Алексеевной: Андрей Иванович и добр, и умен, и щедр. Наталья умела уговорить брата, мол, если кого-то слушать и кому-то верить, то этот человек именно Остерман.

Меншиков выздоровел и пожелал вернуть ускользнувшую было власть, но не тут-то было. Он не узнал царя. Размолвки и раньше случались, и все из-за такой вроде безделицы, как деньги. Об этом ли надо было думать временщику? Цех петербургских каменщиков поднес Петру II 9000 рублей. Петр их принял и отослал сестре. По дороге курьера перехватил Меншиков и отобрал деньги. Царь потребовал, именно потребовал, объяснений. «Вы, ваше величество, еще слишком молоды и не умеете обращаться с деньгами, а казна пуста, я найду этим деньгам лучшее применение». Петр вспыхнул: «Как ты смел ослушаться моего приказа?» Меншиков буквально остолбенел от такой решительности, он не ожидал ничего подобного. Ему бы усвоить урок, но случай, подобный предыдущему, повторился, и опять деньги, и опять сестра Наталья, и еще более строгий выговор от Петра. Почувствовав силу государя, к нему стали обращаться с просьбами, и вот уже Петр решает спор в армейских делах. Наконец была брошена фраза: «Или я император, или он!» Хода назад не было.

«Владычество» Меншикова при юном царе продолжалось четыре месяца, а дальше арест, конфискация имущества, ссылка, Березов, смерть. Причиной тому были, конечно, интриги Остермана и клана Долгоруких, у которых были свои планы на Петра, но своей вины Меншиков никак снимать с себя не может. Слишком решительно он замахнулся, потерял бдительность и совершенно не учел характер своего подопечного.

В падении сиятельного князя косвенное участие принимала и Елизавета. Петр был влюблен в нее, а ему навязывали другую жену. Мария Меншикова царю не нравилась. Услышав, что Меншиков жалуется, что он-де не обращает на невесту никакого внимания, Петр сказал: «Разве не довольно, что я люблю ее в сердце; ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиков знает, что я не намерен жениться ранее 25 лет».

3 сентября 1727 года Меншиков в Ораниенбауме устраивал большое торжество по случаю освящения церкви. Ему было очень важно, чтобы Петр там присутствовал.

Отношения с императором обострились до крайности. Меншиков завалил Петра просьбами письменными и устными – только бы он явился на торжество, показав этим, что все налаживается. Петр не приехал, сославшись на то, что Меншиков забыл пригласить на торжество Елизавету.

Меншиков не поленился и на следующий день или около того поскакал в Петергоф, где должны были праздновать именины Елизаветы. Он надеялся увидеться и поговорить с Петром, но тот уже собрался на охоту. Сестра Наталья, узнав о приезде Меншикова, выпрыгнула в окно и поспешила за братом – только бы не встречаться с временщиком. Меншиков дошел до того, что стал жаловаться Елизавете, этой легкомысленной девчонке, которую он и в расчет не принимал, на неблагодарность Петра. Он все сделал для императора, а тот, а тот... 8 сентября Меншиков был арестован. История, как говорится, перелистнула страницу.

Падение Меншикова было принято всеми с восторгом. Говорили о его страшных злоупотреблениях, о самоуправстве, о воровстве, более того, сей временщик «простирает руки к короне». При дворе произошла перегруппировка и образовалось несколько партий. Никто из вельмож не «простирает руки к короне», но каждый жаждал обрести выгодное место, и титул, и власть, и казалось, что теперешнее время очень этому способствует, только подсуепись и будь настойчив.

В конце 1728 года двор отправился в Москву. Формально ехали на коронацию, и никому в голову не приходило, что жизнь в старой столице затянется на годы. В Москве Долгорукие сразу оживились. Князь Алексей, гофмейстер при дворе Натальи Алексеевны, выпросил себе место помощника воспитателя царя, теперь он имел возможность видеть Петра очень часто, а следовательно, и влиять на него. Сын Иван Алексеевич получил чин обер-камергера и орден Св. Андрея, его уже откровенно называли фаворитом Петра.

Елизавета по-прежнему в большой милости у императора. При ее содействии при его дворе появился новый человек – граф Бутурлин Александр Борисович. Он был обласкан Петром II, произведен в генералы и назначен прапорщиком в кавалергардский корпус. Говорили, что Бутурлин помирит все партии при дворе. А партий были много. Приезд Петра в Москву многие воспринимали как отказ от политики Петра Великого и возвращение к старине. Казненного отца императора, Алексея, старая столица воспринимала как мученика, и теперь большие надежды возлагала на его отпрыска.

В Москве Петр встретился со своей бабкой Евдокией Федоровной Лопухиной – она жила в Новодевичьем монастыре, хоть и не была пострижена. От этой встречи многого ждали, она могла определить будущую политику государства. Но встреча царственного внука и бабушки получилась холодной, Петр боялся очередных нравоучений. На встречу кроме сестры Натальи он взял с собой и Елизавету, сразу подчеркнув этим, что вполне дружелюбен с теткой и лишних разговоров не потерпит. В этот момент цесаревна была и другом его, и советчицей. Но скоро все изменилось.

Очень многие хотели отвести Елизавету от императора. Сестра Наталья отчаянно ревновала к ней брата. Она была очень больна, врачи находили у нее чахотку, но при дворе ходили другие слухи. Испанский посланник при русском дворе герцог де Лирия, оставивший очень ценные «Записки», пишет: «Но не чахотка была причиной ее болезни, и только один врач мог ее вылечить, а именно брат ее. Его величество по восшествии своем на престол имел такую доверенность к своей сестре, что делал для нее все и не мог минуты оставаться без нее. Они жили в величайшем согласии, и великая княжна делала удивительные советы своему брату, хотя только одним годом была старше его. Мало-помалу, однако же, царь привязался к своей тетке, принцессе Елизавете, а фаворит его и другие придворные, кои не любили великой княжны за то, что она уважала Остермана и благоволила иностранцам, всячески пытались восхвалять принцессу, которая не любила своей племянницы, и сделали то, что чрез полгода царь не говорил уже с ней ни о каких делах и, следовательно, не имел к ней никакой более доверительности».

Кто же эти люди, «кои не любили великой княжны»? В Москве Петр II опять очутился

«в плену». Если в Петербурге этим пленом был дом на Васильевском острове, то в Москве этим местом стала усадьба Горенки. Меншиков ограждал царя от чужого влияния приказом и силой, теперь же фаворит Иван Долгорукий, батюшка его Алексей Григорьевич и весь их клан окружили его такой любовью, что могли бы задушить в объятиях, что, кстати, им и удалось. Учитывая везде собственную пользу, Долгорукие действовали очень умно и осторожно. Фаворит Иван, красивый, веселый, безнравственный и неутомимый в амурных делах, стал ближайшим и незаменимым другом царя. Алексей Григорьевич Долгорукий всегда готов был исполнить любую прихоть мальчика-царя, подчеркивая при этом, что он верный подданный и ни в чем не может ему перечить. А Петру по-прежнему не хотелось учиться, государственные дела его мало интересовали, он любил охоту, которая превращалась в бесконечное путешествие и короткие отдыхи (а может, оргии) в Горенках.

Нашелся человек, который подвел статистику государственной охоте. За два без малого года пребывания Петра в Москве 243 дня было отдано охоте. Огромный выезд в пятьсот экипажей – вельможи, челядь, егеря, повара – двигался за царем. Днем с собаками гонялись по лесам и долам за зайцами и лисами, а вечером разбивали лагерь и устраивали широкое пирование.

Елизавета любила охоту, она тоже моталась верхом по губернии, но жизнь не сулила ей ничего хорошего. Через месяц, как переехали в Москву, пришло сообщение из Киля – у любимой сестры Анны Петровны родился сын. Виват, виват, ура! Фейерверк, пальба из пушек, бал, Елизавета на нем блистала. Но уже в мае пришло из Голштинии горькое известие о смерти сестры. В Киле тоже широко праздновали рождение наследника, тоже был фейерверк. Анна любовалась им, стоя у открытого окна. Было холодно, сыро, придворные умоляли ее закрыть окно, но герцогиня только смеялась: нам, русским, все нипочем! Но она сильно простыла, потом началась горячка, а за ней смерть.

Здесь опять возникли разговоры о замужестве Елизаветы. Иностранные принцы претендовали на ее руку, даже старик герцог Фердинанд Курляндский решил попытаться счастья. Елизавета всем отказала. Решили поискать жениха дома. Кто-то из наблюдательных вельмож вынес вердикт: Иван Долгорукий явно влюблен в Елизавету, почему бы их не поженить? Может, Иван и проволочнулся за красавицей Елизаветой, но это еще не повод к женитьбе. Да и начинать эти разговоры можно было только при согласии Петра II. Видимо, это согласие надеялись получить, потому что уже наметилось охлаждение царя к своей тетке. Потом вопрос о замужестве Елизаветы сам собой отпал. Елизавета отошла от двора и жила по большей части в Покровском, иногда ездила в Измайлово к сестре Екатерине Ивановне. Екатерину Мекленбургскую мало интересовали государственные дела – она занималась хозяйством, вышивала церковные одежды и парсуны. А то вдруг Елизавета переселялась в Александровскую слободу, бывшее владение ее матери, и жила там, пользуясь полной свободой. О ее репутации в Москве ходили самые вредные слухи.

Де Лирия пишет: «Сентября 16-го – именины принцессы Елизаветы. Ее высочество пригласила нас в свой дворец в 4 часа пополудни на ужин и танцы. Царь приехал не прежде, чем к самому ужину, и едва только он кончился, то уехал, не дожидаясь бала, который я открыл с великой княжной. Никогда еще не показывал он так явно своего неблагоприятного расположения к принцессе, что очень ей было досадно, но она, как будто не заметив сего, показывала веселый вид всю ночь».

Наталья Алексеевна меж тем доживала последние дни. Врачи решили прибегнуть к последнему средству – ее поили женским молоком. На какой-то момент это помогло, но потом ей стало хуже, и в ноябре 1728 года она умерла. Кабинет решил, что это знак: теперь-то уж точно удастся уговорить императора вернуться в Петербург и заняться делом. Царь присутствовал у смертного одра, очень горевал, но потом опять сорвался с места, Долгорукие подхватили его под руки и увезли в Горенки. Что лучше развеет скорбь, чем охота?

Пора объяснить причину охлаждения Петра к своей тетке. Валишевский пишет, что Елизавета «упустила свой шанс стать императрицей». Сейчас упустила, потом этот «шанс»

сам упал к ней в руки. И вообще, о чем можно говорить, если она была влюблена – в двадцать лет это самая важная вещь на свете. Предметом любви ее был камергер ее двора, а теперь еще и любимец царя Александр Бутурлин. Об этом человеке расскажу особо, не зря ему посвящена в энциклопедии Брокгауза и Ефрона большая статья.

Итак, 1729 год. В марте в день восшествия на престол царя был съезд ко двору для целования руки. Там раздавались ордена и награды, далее бал и ужин. Елизаветы ни на съезде, ни на балу не было. Де Лирия пишет, что она сказала больно, но выздоровела на другой же день, о чем много было толков.

А в Москве уже откровенно говорили о намерении Алексея Долгорукова женить царя на своей старшей дочери Екатерине. Она была красавица, кареглазая, черноволосая, кровь с молоком. Екатерина была старше Петра, у нее уже был возлюбленный граф Мелекзино, австрийский посол. Петр не был влюблен в свою невесту, но и отказать ей в браке он не мог. Это при Меншикове он мог позволить себе топнуть ногой, а Долгорукие связали его по рукам своей «любовью». Они замучили Петра бесконечной охотой, пьянством, обжорством и нездоровым образом жизни. Да и устал он охотиться, устал быть игрушкой в чужих руках. Надоели Долгорукие ему порядком, но оковы были слишком крепки. Особенно трудно было сознавать, что Петр их сам себе выковал. Все было обставлено так, что государь сам выбрал себе невесту. Им заранее подстроили встречу наедине, и теперь он по всем законам божеским и человеческим обязан был на ней жениться.

30 ноября 1729 года в Лефортовском дворце состоялось обручение. Принцесса Елизавета в числе прочих родственников присутствовала на церемонии. После обручения Петр словно одумался, встречался с Остерманом – видимо, просил совета. Пока Остерман не мог совладать с Долгорукими, он не навязывался в советчики, не до того ему было – болел. Один раз Петр тайно виделся с Елизаветой. Есть сведения, что Долгорукие, опасаясь влияния цесаревны, уже имели план сослать ее в монастырь.

Несколько предварительных слов об Остермане Андрее Ивановиче, немце из Бохума. Он находился на русской службе с 1703 года, а позднее фактически стоял во главе внешней и внутренней русской политики. Остерман был великолепным и хитрым политиком, недаром он пережил столько государей. В опасный момент он заболел: в ход шли и колики, и подагра, и больные зубы, на худой конец. Как только политический горизонт прояснялся, страдальцу тут же легчало и он приступал к исполнению своих обязанностей. Двор по этому флюгеру часто угадывал, куда дует ветер: раз Остерман заболел, то и ты носа не высовывай. При дворе Остерман имел кличку «Оракул».

Свадьба была назначена на 19 января 1730 года, но ей не суждено было состояться. Измученный, опустошенный, уставший мальчик-царь простудился и заболел, за простудой последовала оспа – бич того времени. У постели его все время присутствовал Остерман, царь бредил его именем. Вот его последняя фраза (эти «последние фразы» всегда волнуют): «Запрягайте сани! Еду к сестре!» Смерь Петра II выпала как раз на 19 января 1730 года.

Анна Иоанновна и Елизавета

Не буду останавливаться на интриге с возведением на трон Анны Иоанновны, герцогини Курляндской. Временщики, подложное завещание, надорванные кондиции, Бирон, назначение в наследники еще не рожденного племянника, опала и казни Долгоруких, Волынского со товарищи – читатель, плохо знакомый с правлением Анны I, восстановит по этим ключевым словам все десять лет ее царствования.

Какой была жизнь цесаревны Елизаветы при новой государыне? При племяннике Петре II жила она трудно, все жаловалась на недостачу денег (еще и материнскую родню надо было содержать!), но при тетке Анне Иоанновне жизнь ее стала совсем скудной. Это, так сказать, в материальном отношении. А каково было ее душевное состояние, настроение? Понятное дело, при дворе ей было не место, во дворец ее звали только по календарным дням, когда не позвать было нельзя. Угнетало ли это ее, заботило ли, померкла ли ее красота? Нет, не

померкла, и жизнестойкости в ней не убавилось. Ведет себя так, негодница, словно ей море по колено. А чему ей радоваться-то? Не иначе, как спит со всеми подряд.

Маленькое отступление. Задача этой книги разобраться с фаворитами и любовниками Елизаветы. Какое время, такой и социальный заказ. Сейчас людей стали интересовать не духовные радости, а телесные. Гламур – законодатель всех мод. Чревоугодие очень в чести. С телеэкрана так и лезут передачи по кулинарии, футбол заменил театр и консерваторию. Сто лет классики наивно твердили, что человек создан для счастья, пардон, как птица для полета. Сейчас слово «счастье» заменили сомнительным словом «удовольствие». По-моему, и те и другие изоврали замысел Творца. Человек создан для жизни, для «всякой» жизни, и глупо выковыривать из ткани бытования изюм и орехи.

В конце XX века мы, как и 300 лет назад, пожелали воссоединиться с Европой. Окно прорубил, конечно, Горбачев, Ельцин только наличниками его украсил, а Путин – форточками и фрамугами. Ну и задули через то окно ветры и сквозняки в обе стороны.

Все в жизни повторяется, история идет по кругу, или по спирали, кто как понимает. Неподражаемый князь Щербатов в книге «О повреждении нравов в России» велеречивым слогом XVIII века изложил очень современные для нашего времени мысли – хоть сейчас на рекламные доски. Книга была издана только в XIX веке в Лондоне Вольной русской типографией Герцена и распространялась в России тайно, даже от руки переписывали. Начинается она великолепно: «Взирая на нынешнее состояние отечества моего, с таковым оком, каковое может иметь человек, воспитанный по строгим древним правилам, у коего страсти уже летами в ослабление пришли, а довольное испытание подало потребное просвещение, дабы судить о вещах, не могу не удивляться, в коль скорое время повредились повсюду нравы в России».

Я ни в коем случае не сталинистка, я ненавижу Ленина – Сталина и всю их эпоху, и тем не менее мне очень понятны переживания людей моего поколения, равно как и князя Щербатова. Слишком уж быстро изуродованные страхом и бедностью люди получили то, что называется свободой. Может, и свободы-то никакой нет, а народ уже решил, что все позволено. «С вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов», – пишет князь Щербатов, а дальше: «Божественный закон в сердцах наших истребился», «гражданские узаконения презираемы стали, судия во всяких делах нетоль стали стараться, объясняя дело, учинить свои заключения на основе узаконений, как о том, чтобы, лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыль». Далее: «несть ни почтения чад к родителям», «несть ни родительской любви к их исчадию, которые, яко иго с плеч слагая, с радостью отдают воспитывать чуждым детей своих», «несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества»... К тексту еще много чего «несть», я устала перечислять, да и читать это, может быть, сложно современному читателю, но согласитесь, все это очень согласовывается с нашим временем. Главной причиной всех этих безобразий старый ворчун князь Щербатов видит сластолюбие и безудержную роскошь.

Но вернемся к проблеме любовников.

Александр Борисович Бутурлин

Это был вполне достойный выбор цесаревны Елизаветы. Сын капитана гвардии, Александр Бутурлин (1694–1767), в 1714 году в двадцатилетнем возрасте был записан солдатом также в гвардию, а в 1716 году поступил в Морскую академию. Академия была основана на базе переведенной в Петербург Московской навигацкой школы. Учился наш гардемарин хорошо, был сообразителен и боек, и в 1720 году Петр I взял его к себе в денщики. С этим званием Бутурлин и воевал рядом с царем, и орден за заслуги получил; кроме того, Петр использовал молодого человека для исполнения самых секретных поручений. Камергером принцессы Елизаветы он стал уже при Екатерине I, императрица хотела иметь при дочери надежного человека. Александр Борисович был на пятнадцать лет старше Елизаветы. Он не оставил ее в трудное время, и роман между ними вполне

закономерен.

Елизавета, сославшись на усталость, отказалась ездить с царем Петром на охоту. Мысли ее были заняты любовью, не забывала она и Богу поклониться, замолить грехи. В последнем она не лукавила, всегда была очень религиозна. Здесь, в Подмосковье, она выработала в себе привычку дальних паломнических путешествий. От монастыря к монастырю, и все пешком, иногда до тридцати верст в день проходила. Бутурлин ее сопровождал, для услуг вместе с ней ходила всего одна горничная.

Интригу против Бутурлина, судя по запискам де Лирия, начал Иван Долгорукий. Он еще раньше упреждал испанского посланника, чтобы тот «не дружился» с камергером принцессы Елизаветы, потому что Бутурлин «ни на что не годится; что прежде он был с ним дружен, но, узнав, что это нехорошо, он оставил его». Каким-то боком в интриге были замешаны и обер-шталмейстер Ягужинский и Остерман. Далее де Лирия пишет: «Остерман сказал мне, что фаворит уведомил его обо всем, что он говорил со мной с глазу на глаз, и что они условились погубить Бутурлина, потому что очень опасно было оставлять его на таком месте, на котором он мог давать дурные советы государю». Очевидно, советы Бутурлина государю шли вразрез с теми, которые давал Петру сам Иван. Дело кончилось тем, что Бутурлина сослали в украинскую армию, и это на многие годы определило его дальнейшую карьеру.

Первый военный опыт Бутурлин получил, воюя с кавказцами, в 1735 году он уже смоленский губернатор, что не помешало ему повоевать с турками в армии Миниха. Победили турок, он опять в Смоленске. Анна Леопольдовна за военные заслуги произвела Бутурлина в генерал-кригс-комиссары и генерал-лейтенанты.

Власть сменилась, на троне Елизавета. Она не забыла своего любимца. О возобновлении прежних отношений не было и речи. Императрица назначила Бутурлина главным правителем Малороссии, но война со Швецией опять призвала его в армию. Бутурлин по-прежнему хорош собой, он хорошо образован, умеет внятно высказать свою мысль, дамы от него без ума. В 1742 году Бутурлин был назначен губернатором Москвы, теперь он сенатор и генерал-аншеф. В 1749 году Бутурлин был назначен подполковником лейб-гвардии Преображенского полка, это была высшая степень доверия. В преддверии Семилетней войны Александр Борисович получил маршальский жезл, теперь он обязан был присутствовать в заседании кабинета министров.

В Семилетней войне четыре главнокомандующих поочередно стояли во главе нашей армии, Бутурлин был последним и отнюдь не лучшим. Существует такая легенда. Перед отъездом в армию Александр Борисович явился во дворец отдать поклон государыне, присутствующий на приеме шестилетний Павел – будущий император – сказал пророческую фразу: «Петр Семенович поехал мир делать, и мира не сделал, а этот, конечно, ни мира, ни войны не сделает». Петр Семенович Салтыков, которого должен был сменить Бутурлин, был уже стар и болен. Война давно измотала государство, все жаждали мира, только бы половчее и повыгоднее выйти из этой бесконечной войны с Фридрихом Прусским. Но слова мальчика Павла оказались пророческими. Его военная слава оказалась дutoй. Он был блестящим царедворцем, хорошим администратором, но руководить армией он не умел. Кроме того, ему было уже шестьдесят лет, а этот возраст учит осторожности. Свою откровенную трусость Бутурлин объяснял тем, что берег солдат. Императрица так и не дождалась победы от своего юношеского стародавнего любовника. Но графское достоинство в 1760 году он получил.

Петр III отозвал Бутурлина из армии и вновь назначил его генерал-губернатором Москвы. Умер он уже при Екатерине II. Императрица вознаградила его за заслуги перед отечеством грамотой, в которой перечислялись все его победы и заслуги, и шпагой, усыпанной бриллиантами. Умер Александр Борисович в возрасте семидесяти трех лет и похоронен в Петербурге на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Семен Кириллович Нарышкин

Сведения о связи Елизаветы с Семеном Нарышкиным (1710–1775) поступают в основном из иностранных источников, имеется даже упоминание, что они состояли в браке. При дворе их действительно одно время называли женихом и невестой, но о том, что было венчание, документов нет.

Обер-гофмейстер императорского двора Нарышкин был близким человеком Елизавете. Они были ровесниками, родственниками. Нарышкин был очень хорош собой и считался первым щеголем в обеих столицах. Петр II невзлюбил Семена Кирилловича – может быть, приревновал к Елизавете. Во всяком случае, его выслали из России, но, слава богу, не в Сибирь, а всего лишь в Париж.

Почему-то во Франции Нарышкин носил фамилию Тенкин, жил очень широко, посещал модные салоны, пополнял образование. В период регентства Анны Леопольдовны он был назначен послом в Лондон (1740–1741). После восшествия на трон Елизаветы он вернулся в отечество, получил чин генерал-аншефа и был назначен гофмаршалом при дворе наследника престола (будущего Петра III). Потом он сменил статус, став егермейстером, то есть начальником царской охоты, – весьма лакомая должность при дворе. О богатстве его ходили легенды, ему завидовали. Во всем – в речах его, повадках, нарядах, образе жизни – чувствовался «французский шик». Когда Семен Кириллович разъезжал по городу, за каретой его бежали зеваки. Виданное ли дело, чтобы колеса между спиц были украшены зеркалами! И еще Нарышкин очень гордился своим крепостным театром, и было за что. Этот театр не раз посещала императрица Екатерина II.

Я бы назвала мужчин Елизаветы возлюбленными, да и не так уж их было много. В своих отношениях с сильной половиной человечества Елизавета никак не похожа на Екатерину Великую. Про молодость цесаревны пишут, закатив глаза: откровенный разврат. Если и «разврат», то вполне в духе эпохи. Гены играют, все это издержки молодости. Все годы после смерти матери Елизавета была занозой в теле и всем мешала. Незаконнорожденная! Замуж бы ее выдать, так не получается! Первый год правления Анны Иоанновны двор пребывал в Москве, а Елизавета удалилась в поселение под названием Александровская слобода. Когда-то здесь лютовал Иван Грозный. Почему Елизавета выбрала это место для проживания – неизвестно, может быть потому, что там находился знаменитый на всю Россию женский монастырь, в стенах которого были похоронены умершие в младенчестве сестры Петра Великого – Марфа и Феодосия. Конечно, матушка Петра I имела здесь собственное подворье, которое унаследовала Елизавета. Может быть, цесаревна решила скрыться здесь от дворцовой жизни; не исключено также, что ее привела сюда любовь к уроженцу этих мест прапорщику лейб-гвардии Семеновского полка Алексею Шубину.

Откуда мы «черпаем знания» о любовных похождениях Елизаветы? Во-первых, иностранные дипломаты с их отчетами, в которые собраны все дворцовые сплетни, а если с ответом не сходится, то ведь можно и присочинить – работа такая! Во-вторых, мемуары современников, хотя никто, как говорится, «свечку не держал». В Александровской слободе рядом с церковью во имя Захария и Елизаветы она построила себе летний деревянный дом, был у нее и зимний дом, оба на каменном фундаменте. «Дом, стоящий на окраине города и приобретший весьма дурную славу», – пишет Валишевский. А Елизавете было наплевать на эту «дурную славу». Она умела принимать жизнь такой, какая она есть, а потому, забыв царское происхождение, дружила с крестьянскими девушками, принимала участие в их играх, пела и водила хороводы, была в курсе их сердечных дел, сидела с ними за столом – запросто – и угощала пряниками и прочими сладостями. Любимым развлечением, как всегда, была верховая езда, она знала толк в лошадях. Зимой цесаревна каталась на коньках – рядом был пруд – и охотилась на зайцев. В большом лесу, что рядом с деревней Курганихой, принимала участие в травле волков. Рядом с домом она велела разбить большой сад, – словом, жила в свое удовольствие.

Из доклада прусского посланника Мардефельда своему государю Фридриху, вернее сказать, отчета, написанного звонко и велеречиво, мы знаем о любовной связи Елизаветы с

работниками ее конюшни. Конюха звали Никита, из-за «подлого» происхождения фамилии он не имел. Следующий «развратник» – камер-паж Пимен Лялин. Упомянут также некий Ермолай Скворцов – сын другого кучера. Откуда Мардефельд получил эти сведения, бог весть, но князь Щербатов в своем сочинении тоже не обошел их вниманием. Эти сведения подтверждает последующая судьба упомянутых персонажей. С восшествием Елизаветы на трон Никита приобрел фамилию Возжинский, все трое получили дворянское звание, чин камергеров и богатые поместья. Так-то оно так, но и за верность и преданность можно награждать, тем более что преданными эти люди были в самое трудное для Елизаветы время. Впрочем, все знают, молодость – это время великих глупостей.

Алексей Шубин

Алексей Шубин (... – 1765) – это уже не глупость и не распущенность, там была любовь. Где-то проскальзывает, в письмах ли, в документах, может быть, что никого Елизавета не любила так, как красавца прапорщика Семеновского полка, умного, ласкового и верного. Елизавета не вела дневников, не любила писать писем, тем удивительнее, что время сохранило для нас стихи цесаревны, написанные возлюбленному:

Я не в своей мочи огонь утушить.
Сердцем болею, а чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно.
Лучше б ты не злати, нежелать так страдати всегда по тебе.

Вот такие теплые вирши. Французский посол д'Альон утверждал даже, что у них была дочь, которая позднее воспитывалась во дворце под видом дальней родственницы.

Любовь кончилась грустно. Анна узнала про эту связь и велела арестовать Алексея Шубина. Формально его обвинили в заговоре против императрицы, хотя никаких заговоров, кроме откровенной борьбы за власть верховников, вообще не было. Дальше допросы, тюрьма в Ревеле. Участие Шубина в заговоре так и не было доказано, но его все равно сослали в самый отдаленный район России – на Камчатку. К истории Алексея Шубина я еще вернусь.

Анна Иоанновна прожила со своим двором в Москве без малого два года, но потом твердо решила вернуться в Петербург. Существует легенда, что императрице был «дан знак». Императрица ехала в карете в подмосковное Измайлово, даже, кажется, задремала, и вдруг лошади встали как вкопанные. Оказывается, впереди была огромная яма, провал, может быть, сделанный кем-то намеренно. Анна не на шутку перепугалась. Москва ей враждебна! Вопрос о переезде был решен.

Двор уехал в Петербург, Елизавета не сразу последовала за ним, но когда она все-таки явилась в Северную столицу, то продолжила ту же отдельную от двора, бедную, скрытую от чужих глаз жизнь. По табельным дням, во время приемов иностранцев она сидела рядом с троним императрицы под балдахином, а в прочие дни старалась не попадаться лишней раз на глаза. Двор Анны Иоанновны был роскошен, долгое нищее бытование в Курляндии не прошло для нее даром. К. Щербатов пишет: «Женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, чем мужской». Теперь императрица во всем придерживалась европейских образцов. Кристофор Марсден в своей книге «Северная Пальмира» не только оправдывает Анну, но считает ее расточительство достоинством: «Именно Анне Иоанновне в первую очередь петербургский двор обязан своим последующим великолепием... Конечно, дворы Елизаветы и Екатерины гораздо величественнее, при них было больше покровителей искусств и литературы, – но именно Анна создала по-настоящему европейский двор в России». В моду вошли бриллианты. По этикету нельзя было появляться на балу дважды в одном и том же платье. Предпочтительно было носить платья нежных тонов – желтые, салатные, бледно-лиловые. Одежду рекомендовалось шить из дорогих тканей, например, из

лионского шелка и парчи с золотой вышивкой.

Елизавета редко появлялась при дворе, но если и появлялась, то вела себя более чем скромно. Да, у нее нет средств на шикарные наряды, а потому она носит платья из белой тафты, подбитые черным гризетом. Можно представить, каким унижением это было для красавицы и модницы Елизаветы. Екатерина II в своих «Записках» вспоминает рассказ императрицы. Оказывается, та жила очень скромно, чтобы не влезть в долги и «тем не погубить своей души; если бы она умерла в то время, оставив после себя долги, то никто их не заплатил бы и ее душа пошла бы в ад; а этого она не хотела». Белая тафта с черным гризетом была откровенным вызовом двору.

Мардсен пишет: «Известно о званом вечере, на котором столы покрывал слой мха, в него были воткнуты цветы, словно растущие оттуда, – имитация берега торфяного болота; при этом ниже, чтобы можно было сидеть, располагался еще один слой мха. Такое оформление было создано для того, чтобы обед – обильный и дорогостоящий – выглядел как трапеза на природе». И еще: «Императрица обедала в гроте, обращенном к дорожке, который заканчивался фонтаном. От грота вдоль дорожки тянулся длинный стол, за которым сидело триста гостей. Гости предварительно тянули жребий, чтобы определить своих соседей за обедом. Навес из зеленого шелка закрывал стол от непогоды. Навес поддерживался спиралеобразными колоннами, увитыми живыми цветами. Каждая колонна подсвечивалась. Между колоннами, по обеим сторонам стола, стояли столики с серебряными блюдами и редким фарфором. После завершения обеда слуги очищали стол с изумительной быстротой, и под тем же навесом начинался бал». Что-то я не вижу в числе гостей цесаревну Елизавету.

Главным украшением любого праздника был фейерверк. Иногда он длился много дней подряд при огромном скоплении народа. Ракеты улетали на огромную высоту и там с грохотом взрывались разноцветными шарами. Запускали светящиеся колеса, огонь писал в небе вензеля, символы и аллегории. Размах этих длительных представлений поражал иностранцев, страшно представить, каких денег все это стоило. Иные ворчали – слишком шумно, а иногда опасно. Здесь они правы. На встрече 1737 года от фейерверка пострадала цесаревна Елизавета. Она стояла во дворце у окна и наблюдала за происходящим. Металлический осколок ракеты разбил стекло, осколки порезали ей лоб и кожу у правого глаза. Переполох поднялся страшный. По счастью, она отделалась маленьким шрамом.

Леди Рондо, жена английского посланника, в своих «Записках» описывает один из балов, на котором блистала Елизавета. Уж на праздник ей было что надеть! Бал был дан в честь приема китайских посланников. Тогда у нас только-только наметились дружественные отношения с Китаем. Очень модными были китайские лаки, шелк; находились энтузиасты, которые пытались в условиях России дома выращивать шелковичных червей, чтобы получить тончайшую нить. У китайцев на этом балу спросили, кто из присутствующих дам им больше всего нравится, кто всех красивей. Конечно, по этикету они должны были назвать императрицу, но они указали на Елизавету, назвав ее Звездой. Каково? И как после этого Анна могла относиться к своей нелюбимой кухне? Злоязычники прозвали Анну Иоанновну «царицей страшного зраку». Это, конечно, преувеличение. Она была крупной, толстой, грубой, но не уродливой, многие, в том числе леди Рондо, находили ее приятной. Но Елизавета была не просто соперницей в женских достоинствах, она была опасной претенденткой на трон. Все свое правление императрица панически боялась и Елизавету, и «чертушку» из Киля, ее племянника.

Анна Иоанновна придумала, как себя обезопасить. В 1730 году был основан лейб-гвардии Измайловский полк, состоящий в основном из иностранцев. На Шпалерной улице, недалеко от Смольного дома, где жила Елизавета, по ее приказу был расквартирован полк конной гвардии – для присмотра. Деревянный дворец Елизаветы назывался Смольным, потому что находился рядом со Смольным двором. Двор этот был основан еще Петром I, там варили смолу для нужд флота.

Недалеко от Смольного находились и казармы Преображенского полка. С этим полком Елизавету связывала память о ее великом отце – преображенцы оставались верны духу Петра

I и свою верность преобразователю переносили и на дочь. Со временем это сыграло важнейшую роль в перевороте 1741 года.

Двор Елизаветы в Смольном доме был беден, но очень многочисленен: камер-юнкер, четыре камердинера, два фурьера, девять фрейлин, четыре гувернантки, еще музыканты, песенники, и огромное количество лакеев. Придворные звания Елизавета давала по своему усмотрению: Шубин назывался пажем, Лялин числился фурьером, будущий гофмаршал Сиверс варил кофе. В штате были и два брата Шуваловых – Петр и Александр, впоследствии они сделали блестящую карьеру. Но ни с чем не сравнимо возвышение камердинера Алексея Разумовского, Золушки мужеска пола, ближайшего Елизавете человека. Алексей Григорьевич Разумовский много раз будет упомянут в этой книге, сейчас я расскажу только о начале его карьеры.

Алексей Григорьевич Разумовский

Алексей Разумовский (1709–1771) появился в Петербурге в 1731 году. Виной тому в полной мере был случай. Федор Вишневецкий, вельможа двора Анны Иоанновны, был отправлен в Венгрию для закупки вина – «Токай» у нас тогда почитался весьма модным. На обратном пути в Петербург Вишневецкий остановился на ночлег в селе Лемеша Черниговской губернии. И надо же было ему поутру зайти в местный храм! Там он и услышал необычайный по красоте и силе голос. Ему представили обладателя баса, молодого красивого казака Алексея, сына Розума. Хорошие голоса тогда очень ценились, малороссы вообще славились своей музыкальностью. Вишневецкий взял Алексея с собой и устроил его певчим в императорскую капеллу. Там и услышала его Елизавета. Обладатель великолепного голоса поразил ее также своей красотой, и ей удалось устроить его при своем дворе.

Вот рассказ маркиза Шетарди, в 1742 году он был уже своим при дворе императрицы Елизаветы: «Некая Нарышкина, вышедшая с тех пор замуж, женщина, обладающая большими аппетитами и приятельница цесаревны Елизаветы, была поражена лицом Разумовского (это происходило в 1732 году), случайно попавшегося ей на глаза. Оно было действительно прекрасно. Он брюнет с черной, очень густой бородой, а черты его, хотя и несколько крупные, отличаются приятностью, свойственной тонкому лицу. Сложение его также характерно. Он высокого роста, широкоплеч, с нервными и сильными оконечностями, и если его облик и хранит еще остатки неуклюжести, свидетельствующей о его происхождении и воспитании, то эта неуклюжесть, может быть, и исчезнет при заботливости, с какой цесаревна его шлифует, заставляя его, невзирая на его тридцать два года, брать уроки танцев, всегда в ее присутствии, у француза, ставящего здесь балеты».

Теперь подробности. Отец Алексея Разумовского – реестровый казак Григорий Яковлевич – прозывался Розум, собственно, это была не фамилия, а кличка. Он часто любил говорить о себе: «Що то за голова, що то за Розум!» Был он человек тяжелый, скандальный и при этом горький пьяница. Судьба уравнивала его брак, наградив умной и приветливой женой Натальей Демьяновной. У них было шестеро детей: Даниил, Алексей, Кирилл, Агафья, Анна и Вера. Алексей родился 17 марта 1709 года. Отец был скор на расправу и поколачивал сына, однажды чуть не убил, запустив в голову его топор. Хроники пишут, что был он мальчиком способным, хотел учиться, и что грамоте учил его дьячок из соседнего села Чемер. А пока он пас общественное стадо да пел в церкви по праздничным дням. И из эдакой жизни попасть в Петербург, а потом встретиться с красавицей цесаревной, которая искренне в него влюбилась. Поистине сказочная судьба!

Правда, роскошный бас его в Петербурге потерял свой блеск, Разумовский уже не пел в хоре, но зато стал отличным бандуристом; в те времена была большая мода на малороссийскую музыку. Он также незаменимый человек при дворе цесаревны.

Дело Артемия Волынского

Нельзя сказать, чтобы Анна Иоанновна совершенно отказалась от пути, намеченного Петром I. Она вернула двор в Петербург, были сделаны кой-какие преобразования в армии, в делах почты, в образовании, в мануфактурах. Но императрицу правильно обвиняют в засилье иностранцев в России. Их было много и при Петре, много и при Елизавете, но при Анне Иоанновне они (любовник ее Бирон, кабинет-министр Остерман, Миних, братья Левенвольде – много!) прямо-таки облепили трон. Русскому человеку и дыхнуть было нельзя, а приближенные императрицы были люди цепкие, с авантюристической складкой ума, жадные до власти и денег, и плевать они хотели на нужды и заботы принявшего их государства.

Именно поэтому взор многих людей обращался к дочери Петра Великого, в ней видели надежду на преобразование России. Время Анны было жестоким, можно сказать, очень жестоким, но в сравнении с ее великим предшественником – вполне в духе времени. Недаром просвещенные люди России (историк Татищев, писатель Антиох Кантимир, Артемий Волынский), боясь засилья Долгоруких и Голицыных, так ратовали за ее восхождение на престол. Они, эти силы, надеялись, что она «кротким женским характером» смягчит нравы, оставшиеся в наследство от Петра I.

Не смягчила. Вся семья Долгоруких была вырезана с беспредельной жестокостью. Но я хочу остановиться на казни Волынского и его конфидентов, как тогда говорили, поэтому что это событие было предтечей восшествия Елизаветы на трон. Время Анны Иоанновны назвали «бионовщиной». Фаворита императрицы сделали козлом отпущения, хотя он не был дирижером суда над временщиками. Но в деле Волынского он сыграл главную скрипку.

Артемий Петрович Волынский (1689–1740) происходил из богатого дворянского рода. Он верно служил Петру I, выполняя дипломатические и военные поручения, потом был назначен губернатором Казани. Там он встретил приход Анны к власти и активно выступил против «Кондиций». Волынского справедливо считают умным и способным человеком, толковым политическим деятелем, но не надо забывать, что был он величайший взяточник, самодур, интриган и, мягко говоря, «озорник», позволявший себе излишки. Венец мученичества заставил забыть его недостатки, в памяти потомков он остался борцом за правое, полезное отечеству дело.

При Анне Волынский сделал карьеру, стал своим человеком при дворе и был назначен обер-егермейстером. А надо сказать, что именно охоту Анна любила больше всего на свете. В 1738 году он уже кабинет-министр. Занять этот пост помог Бирон, желающий ограничить влияние Остермана. Бирон думал найти в лице Волынского покорного исполнителя, но просчитался. Императрица стала относиться к Волынскому настолько хорошо, что фаворит стал опасаться за свое место. А Волынский уже позволял себе выказывать знаки неуважения и самому Бирону.

Волынский был широким человеком, имел много друзей, они встречались, выпивали, обсуждали текущие дела, ругали правительство – от немцев продыха нет, – словом, занимались привычным для русского человека делом – «разговором на кухне». Итогом этих разговоров стало написанное Волынским «Генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел» – документ вполне безобидный, но была там опасная нота. Волынский ратовал за усиление политической роли русского дворянства. Генеральное рассуждение не понравилось государыне, а Бирон был вообще вне себя. Отношение его с Волынским обострилось до крайности.

А здесь подоспел праздник – мир с турками заключили. Решено было в честь торжества устроить широкий маскарад и потешную свадьбу двух шутов. Шуты были вторым главным после охоты развлечением императрицы. Вырезать изо льда скульптуры – старая русская традиция, но в наше время не додумались построить изо льда целый дворец, снабдить его ледяной мебелью и утварью. В этом дворце шутам предстояло и венчаться, и провести брачную ночь. Со всех концов империи было велено привезти по паре людей разной национальности в их костюмах, дабы они своими танцами и пением развлекали двор.

Ответственным за маскарадное действо был назначен Волынский. Сочинял подходящие стихи к свадьбе шутов поэт Василий Тредиаковский. Чем-то последний не

угодил Волынскому, и тот разбил поэту лицо в кровь. Обиженный Третьяковский пошел жаловаться к Бирону. И надо же такому случиться, чтобы в приемную фаворита явился Волынский. «Ты здесь зачем?» Бедного Третьяковского тут же оттащили в подвал Волынского и дали семьдесят палочных ударов. Вот как широко жили люди!

Бирон взъярился от такого самоуправства. До несчастного пиита ему и дела не было, но ведь Волынский оскорбил его лично! Фаворит поставил перед императрицей вопрос ребром: «Или я, или этот проходимец Волынский».

А дальше все закрутилось. Учредили из русских комиссию для суда над Волынским и его гостями, придававшимися вольным беседам. Доносы слуг были очень кстати. Попытки, дыба, кнут... Вместе с Волынским пошли на эшафот и конфиденты, очень достойные люди – архитектор Петр Еропкин и советник адмиралтейской канцелярии Андрей Хрущев, прочих били кнутом и разослали в ссылки. Официальная версия обвинения – они желали заточить в монастырь Анну и выслать за границу Брауншвейгское семейство, из которого императрица назначила себе наследника. Заговора не было, но разговоры-то были. Конечно, они обсуждали эту болезненную тему. И ради кого они мечтали освободить русский трон? Для Елизаветы Петровны, конечно, но ни один из обвиняемых не назвал на допросе имени Елизаветы, и этим они, вероятно, спасли ей жизнь.

Иван Антонович, Бирон, Анна Леопольдовна

У Анны Иоанновны не было детей. Главной ее задачей было не допустить на престол потомков Петра I, и она назначила наследником будущего сына своей племянницы, дочери своей старшей сестры Екатерины Мекленбургской. Племянницу крестили и нарекли Анной Леопольдовной.

Мужем Анны Леопольдовны стал Антон Ульрих Брауншвейгский, анемичный тихий юноша. Бирон не хотел этого брака. У него были непомерные амбиции, он хотел женить на Анне Леопольдовне своего сына Петра. Не получилось.

В 1740 году у молодой четы родился сын, несчастнейший из смертных – будущий император Иван V. Анна Иоанновна была уже серьезно больна. Смерти она боялась и до последнего часа не подписывала манифеста о престолонаследии. Двор был в большом беспокойстве. Младенцу Ивану было два месяца, ему необходимо было назначить регента – фактического правителя России. Казалось, самой подходящей кандидатурой была мать ребенка, но отец ее, герцог Мекленбургский, тиран, самодур, был самым известным скандалистом в Европе. А ну как он явится в Россию и предъявит права на власть!

Бирон не отходил от постели больной государыни. Надо сказать, что в обществе ближайших к трону сановников появилось новое лицо – Алексей Петрович Бестужев. В Кабинете он занял место Волынского. Позднее я подробно расскажу об этом умном, значительном и очень противоречивом человеке. Именно Бестужев первым произнес то, что у всех было на языке, регентом назначить Бирона. Сам Бирон ничего подобного не говорил. Конечно, он очень хотел занять эту должность, но и боялся ее. Как покажет время – не без основания.

Анна Иоанновна успела подписать обе бумаги – манифест о престолонаследии и о регентстве Бирона. Она умерла, держа руку своего фаворита, последнее слово ее: «Небось...» Это случилось 17 октября 1740 года.

Первыми своими указами Бирон выказал великодушие: приостановил казни уже подписанные, освободил от наказания преступников (кроме воров, убийц и казнокрадов), даже снизил на 17 копеек подушную подать. Но столица недоумевала, почему Бирон в регентах, а не родители младенца-государя. Гвардия роптала, и даже возникло некое подобие заговора в пользу отца – принца Антона. Глава Тайной канцелярии Ушаков разговаривал с принцем строго: мол, интересы государства превыше всего и если вы измените собственному сыну-государю, то с вами обойдутся как с обычным подданным. Анна Леопольдовна с ужасом ждала, что ее с мужем вышлют за пределы России. Уж лучше бы выслали, честное

слово, но человек не может провидеть свою судьбу.

Но были доносы в Тайной канцелярии и на приверженцев Елизаветы Петровны. Гвардия ее помнила и любила. Выдержка из опросных листов капрала Хлопова: «Вот император Петр Первый в Русской империи заслужил и того осталось. Вот коронованного отца дочь, государыня цесаревна, оставлена». Счетчик из матросов Максим Толстов отказался присягать регенту и тоже попал в Тайную: «...у него у государя осталась дочь цесаревна Елизавета Петровна, и надобно ныне присягать ей, государыне цесаревне. О том между собой говорили лейб-гвардии Преображенского полка солдаты, идучи от присяги». Толстой отделался очень легким наказанием, его сослали в Оренбург.

Скрытое недовольство народа объясняет вспыхнувшую вдруг дружбу Бирона с цесаревной Елизаветой. Правда, он никогда не выказывал ей откровенной неприязни, отдавая должное ее красоте и веселому нраву. А здесь он расщедрился, назначил ей высокий пансион, захаживал в гости, дарил комплименты и беседовал о том, о сем. Бирон знал, что общественность благоволит дочери Петра, и надеялся дружбой с ней упрочить свое положение. Сплетням не было конца. Кто-то «своими ушами слышал», что Бирон собирается вызвать из Киля Голштинского принца – внука Петра I и извести Брауншвейгскую фамилию. Другие утверждали, что он задумал жениться на Елизавете. Все было проще – регент решил повторить попытку добиться трона для сына Петра: женить Петрушу на Елизавете, провозгласить ее императрицей и сделать своих потомков законными императорами. В мыслях он уже предал императора Ивана Антоновича. Что думала по этому поводу сама Елизаветы, мы не знаем, но из всех пострадавших в перевороте 1741 года Бирон был наказан легче других.

Регентство Бирона продолжалось двадцать два дня. 7 ноября (роковая в русской истории цифра) Миних явился к Анне Леопольдовне и предложил свою помощь в низвержении регента. Она страшно рисковала. Неудача могла кончиться монастырем или даже казнью. Но согласилась. 8 ноября Миних мирно отобедал в доме Бирона. Там же присутствовал Левенвольде. Он вдруг спросил Миниха: «А что, граф, во время ваших походов вы никогда не предпринимали ничего важного ночью?» Миних смутился на мгновение, а потом ответил: «Не помню, чтобы я когда-нибудь предпринимал что-нибудь чрезвычайное ночью, но мое правило пользоваться всяким благоприятным случаем».

И воспользовался. Этой же ночью он вернулся в дом Бирона с отрядом гвардейцев. Кроме Бирона были арестованы его брат Густав и кабинет-министр Бестужев. Их отправили в Шлиссельбургскую крепость. Во дворец призвали Остермана, но несчастного свалила жестокая болезнь. Второй посыльный сообщил, что своими глазами видел арестованного Бирона. И произошло чудо. Остерман мигом очнулся от тяжкого недуга и явился во дворец, чтобы восхвалить подвиг Миниха и освобождение России от тирании негодяя герцога Курляндского, то бишь Бирона.

Эрнст Иоганн Бирон

Время правления Анны I называют «бионовщиной» на том основании, что так прозвал его народ. Но народ и Петра I прозвал Антихристом, а отнюдь не Преобразователем. И был не прав. Бирон принимал участие в управлении не больше, чем рядовой фаворит, а их было в XVIII веке пруд пруди.

Приехав в Россию, Анна Иоанновна привезла и свой двор во главе с любимцем Эрнстом Иоганном Бироном (1690–1772). Позднее Бирону сочинили достойную родословную: он-де происходит из старинного рода Биренов, корни которого восходят к XVI столетию. Но бытует мнение, что дед Эрнста Иоганна был конюхом при дворе герцога Курляндского, а отец с трудом дослужился до офицерского чина.

Еще в 1714 году Бирон (ему 24 года) приезжал в Петербург искать места при дворе принцессы Софьи – супруги царевича Алексея. Однако в должность Бирон не был принят из-за своего низкого происхождения.

Затем Бирон учился в Кенигсбергском университете, но не окончил курс, потому что за драку с городской стражей угодил под арест. В тюрьме он просидел довольно долго, поскольку городское начальство требовало уплаты штрафа в 500 талеров. Бирон ходатайствовал перед прусским двором о сложении с него штрафа или хотя бы уменьшения его. Документы молчат о том, удалось ли ему получить желаемое, но из тюрьмы его выпустили. После неудачной учебы Бирон вернулся в Курляндию и был представлен обер-гофмаршалом Петром Бестужевым (отцом будущего канцлера) вдовствующей герцогине Анне.

Бестужев-отец вначале «по-родственному» покровительствовал Бирону, поскольку находился в любовной связи с его сестрой. Однако главной любовницей Бестужева была сама Анна Иоанновна. Политическая игра заставила Бестужева на время оставить курляндский двор. Когда он вернулся из Петербурга, то нашел место свое прочно занятым Бироном.

Со временем Анна, желая прикрыть свои любовные отношения с Бироном, женила его на своей фрейлине Бенигне Готлиб. Бенигна отлично поняла смысл этой женитьбы и постаралась стать «неразлучным другом» герцогини, а потом и императрицы. Смысл своей жизни она видела в том, чтобы сохранить положение своего мужа при Анне I. Так они и жили втроем. Анна Ивановна, как говорили тогда, не имела «собственного стола», а потому обедала и проводила все вечера в обществе Бирона и его супруги.

Леди Рондо, супруга английского посланника в России, в своих «Письмах» пишет, что Бирон был представителен, но взгляд имел отталкивающий; Бенигна же «так испорчена оспой, что кажется узорчатой, у нее прекрасный бюст, какого я никогда не видела ни у одной женщины». При дворе Анны Бенигна стала статс-дамой, Бирон оставался до времени всего лишь обер-камергером, но Европа быстро разобралась, что к чему: при своем положении он сможет внушить Анне все, что пожелает. Австрия первой подала всем пример. Желая получить от России корпус в 30 тысяч солдат, она подарила Бирону 200 тысяч талеров и титул графа Германской империи. В Европе стали говорить, что Бирона легко склонить на свою сторону, были бы деньги.

Теперь о «засилье немцев» в правление Анны I. Замечательный наш историк Ключевский пишет, что «немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались вовсе доходные места в управлении». В этом есть своя правда, но ведь не Анна I калитку немцам открыла! У русских всегда инородцы виноваты. Звали их с поклоном: приезжайте, учите нас уму-разуму.

Четыре главных «немца» управляли Россией при Анне: Остерман, Карл Густав Левенвольде, Бирон и Миних. Был еще пятый – гофмаршал Рейнгольд Левенвольде, но государственными делами он заниматься не любил, а любил женщин, карты, танцы и хорошо организованные пиры. Почему именно Бирон объявлен главным негодяем? Эта избирательность в оценках, видно, у нас в крови.

Бирон не был злодеем, он был авантюристом. В жизни его интересовали три вещи: лошади, любовь государыни Анны и Курляндия, где он хотел стать герцогом (и стал в 1737 году). Государственными делами он не занимался и склонности к этому не имел. Бирона не любили за капризность, чванливость и эгоизм.

Нет никаких сведений, что жестокость, существовавшая в правление Анны, шла именно от Бирона. Долгорукие были личными врагами царицы, к делу кабинет-министра Вольнского Бирон приложил руку, но он убирал соперника, а не политического деятеля, написавшего «Генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел».

В конце своего десятилетнего «фавора» Бирон вошел во вкус и возжелал власти. А кто ее не хотел? Регентство Бирона продолжалось двадцать два дня, затем – арест и Шлиссельбургская крепость. Комиссия по делу бывшего регента заседала пять месяцев. В вину ему ставили: отсутствие религиозности, обманом захваченное регентство, желание утвердить трон за своим потомством и т. д. Приговорили к четвертованию, но Анна Леопольдовна смягчила приговор.

А далее – двадцать с лишним лет ссылки с конфискацией имущества. Бирон был лишен всех чинов, имений и сослан с семейством в Пелым Тобольской губернии. Миних «порадел» о содержании бывшего друга, разработал план дома, в котором должно содержать опального Бирона: «четыре малых жилья» (комнаты), высокий забор... Правда, дом этот вскоре сгорел.

В 1741 году к власти пришла Елизавета Петровна. В бытность ее цесаревной Бирон неоднократно оказывал ей услуги, поэтому Елизавета облегчила участь ссыльных и перевела все семейство на жительство в Ярославль. А Миниха меж тем сослали в тот же Пелым. Существует легенда, что два врага встретились где-то на необъятных просторах России, молча поклонились друг другу и разъехались в разные стороны.

В Ярославле Бироны прожили до 1761 года. Освободил их Петр III, явивший свою милость почти ко всем пострадавшим за два предыдущих царствования. По политическим соображениям все годы ссылки за Бироном сохранялся титул герцога Курляндского. При Екатерине II Бирон переехал в Курляндию и стал фактическим герцогом, до самой смерти верно служа царице и России. Умер он в возрасте восьмидесяти двух лет.

Обрисую еще несколькими мазками фигуру фаворита. Вот что пишут о нем современники:

«Бирон не отличался умом, но не был лишен здравого смысла, хотя многие и отказывали ему в этом. К нему можно по справедливости отнести пословицу, что обстоятельства создают человека: приехав в Россию, он не имел ни малейшего представления о политике, но через несколько лет коротко узнал все, что касалось государства. Он чрезвычайно любил роскошь и великолепие, в особенности лошадей» (*Маништейн*, «Записки» о России).

«Он говорит о лошадях и с лошадьми, как человек, а с людьми, как лошадь» (*Граф Остен*).

«Герцог очень тщеславен и вспыльчив, и когда выходит из себя, то выражается запальчиво. Он вообще очень откровенен и не говорит того, чего у него нет на уме, и отвечает напрямик или не отвечает вовсе. Он имеет предубеждение против русских и выражает это перед самыми знатными из них так явно, что когда-нибудь это сделается причиной его гибели» (*Леди Рондо*, «Письма»).

У Бирона было трое детей – два сына и дочь. Старшего сына Петра Бирон сватал в свое время за Анну Леопольдовну – не получилось. На Елизавету Петровну Бирон тоже положил глаз, мечтая видеть ее своей невесткой. Кто только не метил в мужья к дочери Петра! Очень хотелось Эрнсту Иоганну вплотную приблизиться к русскому трону. Может, он и имел для этого основания? Во всяком случае, существовала очень устойчивая сплетня, что матерью одного из сыновей Бирона была сама Анна Иоанновна. Особенно любила императрица младшенького – Карла.

Оба сына Бирона прожили долгую жизнь, служили России. Дочь Ядвига заслуживает отдельных слов, судьба ее интересна и поучительна. Ядвига была горбата. Красивое лицо, великолепные волосы, и вдруг такой изъян. Хотя, может, и не горбата она была, а сильно сутула или кривобока. Иные мемуаристы так и пишут.

Жизнь ссыльных в Ярославле была очень тяжелой. Все внимание родителей было отдано сыновьям, а уродливая дочь была позором семьи.

Словом, принцесса бежала из родительского дома и явилась к жене ярославского воеводы Пушкина с просьбой защитить ее. При этом Ядвига высказала горячее желание принять православие. Госпожа Пушкина написала письмо на высочайшее имя.

Просьба принцессы растрогала сердце религиозной Елизаветы. Она сама стала крестной матерью беглянки. Ядвига Бирон превратилась в Екатерину Ивановну и обер-гофмейстерину императрицы, то есть ей был поручен присмотр за фрейлинами. Служба эта была и почетной, и денежной.

Еще одна подробность. Кривобокая обер-гофмейстерина приглянулась великому князю Петру. Екатерина негодовала: «Мой супруг любит только уродливых женщин. Как это унижительно – иметь такую соперницу!»

Приняв православную веру, принцесса Ядвига очень облегчила участь родителей, а через пять лет сделала весьма выгодную партию, выйдя замуж за князя Черкасского.

Правительница Анна Леопольдовна и цесаревна Елизавета

Следствие над арестованными тянулось до июня, после чего Бирон, как уже было сказано, был сослан с семейством в Пелым. С Бестужевым обошлись мягче. Его сослали в родовую деревню без права выезда. Регентшей при малолетнем сыне была назначена мать – Анна Леопольдовна. Герой дня Миних повел себя очень решительно. Он сделал в правительстве полную перестановку, был резок, умудрился собственными руками создать себе оппозицию и вдруг заболел. Болезнь была трудной и долгой. Когда он выздоровел и предъявил свои права на власть, понял, что его время прошло. Всем опять заправляет Остерман, а ему оставили только заведывание армией, кадетским корпусом и Ладожским каналом. Возмущенный и обиженный Миних подал в отставку, и, к его удивлению, она была принята.

Анна Леопольдовна пыталась заниматься политическими делами, но это у нее плохо получалось. У нее был любовник, саксонский посланник Линар, была душевная подруга Юлия Менгден, а любовь и дружба отнимают много времени. И все-таки регентше, несмотря на занятость и противодействие Остермана, удалось так запутать политические дела России, что вся Европа взирала на это с недоумением. Она, например, заключила мирные договоры и с Англией, и с Пруссией, постоянно враждующими друг с другом. Возникни у них война, Россия должна была помогать и тем и этим.

А положение в Европе было сложным. В 1740 году умер австро-венгерский король Карл VI. У него не было сыновей, и по так называемой «Прагматической санкции», по которой владения Габсбургов признавались нераздельными, он оставил всю свою империю в руках своей дочери Марии-Терезии. В том же 1740-м на престол Пруссии вступил Фридрих II. Друг Вольтера и поклонник поэзии тут же нарушил «Прагматическую санкцию» и отнял у Австрии Силезию. Вся Европа стала перестраиваться, расторгались старые договоры, подписывались новые.

Мария-Терезия попросила помощи у России. В Петербург прибыл австрийский посол Ботта. Остерман с согласия Анны Леопольдовны пообещал выслать в Австрию сорок тысяч солдат. Этот союз никак не устраивал Францию. Отношения с Парижем у нас были сложными. Франция хотела посадить на польский трон Станислава Лещинского, а Анна Иоанновна прочила в польские короли курфюрста Августа Саксонского. В борьбе за польский трон Франция действовала с помощью интриг и золота, Россия, как всегда, делала ставку на военную силу – что у нас дешевле, чем люди? Победила Анна Иоанновна. Франция увидела в России серьезного противника. Французский агент Лалли в записке о положении в России пишет в Париж: «Россия подвержена столь быстрым и столь чрезвычайным переворотам, что выгоды Франции требуют необходимость иметь лицо, которое бы готово было извлечь из того выгоды для своего государства». В 1739 году Петербург и Париж обменялись послами. Во Францию поехал Антиох Кантемир, в Россию Флери направил маркиза Шетарди.

Я взялась описывать политические дела в Европе, чтобы объяснить вещь совершенно непонятную, даже дикую, с нашей точки зрения. 13 августа 1741 года Швеция объявила России войну. На первый взгляд, – событие вполне естественное. Двадцать лет назад был заключен Ништадский мир, и шведы не отказались от идеи вернуть завоеванные Петром I земли. Странной была подоплека этого дела. Война была спровоцирована Францией. Она заключила военный союз с Пруссией, а Фридрих II при заключении договора поставил обязательное условие – Россия должна вступить в войну со Швецией. Понятно, что шведы начали воевать на французские деньги и вели ее в пользу цесаревны Елизаветы! Да, да, они должны были победить и посадить Елизавету на русский трон. Так придумала Франция, о чем послу Шетарди были даны соответствующие инструкции. Кардинал Флери хотел

разрушить австрийско-русский союз, будущую императрицу Елизавету он уже видел игрушкой в своих руках. Шетарди был с ним согласен. Он писал в Париж про Елизавету: «Уступая склонности своей и своего народа, она немедленно переедет в Москву; знатные люди обратятся к хозяйственным делам, к которым они склонны и которые были принуждены давно бросить; морские силы будут пренебрежены, Россия мало-помалу станет обращаться к старине, которая существовала до Петра I и которую Долгорукие хотели восстановить при Петре II, а Волынский – при Анне. Такое возвращение к старине встретило бы сильное противодействие в Остермане, но за вступлением на престол Елизаветы последует окончательное падение этого министра, и тогда Швеция и Франция освободятся от могущественного врага, который всегда будет против них, всегда будет им опасен».

Остановимся на фигуре Шетарди. Французский посланник сразу по приезде стал заметной фигурой в Петербурге. Он очень пышно оформил свой приезд, таково было указание его правительства. Версаль и на берегах Невы должен блистать.

С Шетарди приехали двенадцать секретарей, шесть капелланов, пятьдесят лакеев. Он привез с собой пятьдесят тысяч бутылок шампанского, которое тут же заменило на императорском столе венгерское вино. Теперь тосты произносились исключительно под французское игристое. С Шетарди приехал известный на весь Париж повар, он выучил русских, как накрывать столы, как украшать их искусственными цветами и как готовить соусы.

Конечно, Шетарди надо было выполнять обязанности не только дипломата, но и шпиона. Он должен был узнать положение дел в России, подковерную борьбу при дворе, подробности о жизни Елизаветы и ее друзей, а также состояние армии – много чего. Общаться без переводчика было трудно, ни Бирон, ни Анна Иоанновна не понимали по-французски, а Елизавета понимала. Впервые она встретилась с Шетарди во дворце, открыв менуэтом бал. Вот где понадобились уроки, придуманные для цесаревны прозорливой маменькой. Елизавета с легкостью болтала с французским послом о том о сем, чем вызывала не только зависть, но и подозрительность.

За Елизаветой давно велась слежка. Началось все еще при Анне Иоанновне, Анна Леопольдовна продолжила эту традицию. Миних по ее поручению поселил в дом цесаревны урядника Щегловитого, и должность ему придумал – смотритель дома. Щегловитый аккуратно писал отчеты – кто приходил, когда, с кем выезжала, куда ехала. Чтобы следить за Елизаветой, в городе нанимался особый извозчик.

Елизавета знала, что за ней следят, противиться она не могла, поэтому тихо жила своим двором. Она даже убрала из своей комнаты портрет племянника – ненавистного Брауншвейгской фамилии «Голштинского чертушки». Связь с внешним миром для Елизаветы по-прежнему выполнял Лесток. С.М. Соловьев так его характеризует: «Деятельный, веселый, говорливый, любивший и умевший со всеми сблизиться, всюду обо всем разведать, Лесток был дорогой человек в однообразной жизни опальной цесаревны. Но кроме развлечений, которые мог доставлять Лесток в скуке, кроме привычки к человеку, необходимо близкому как медику, Елизавета имела право полагаться на Лестока: когда в начале царствования Анны Миних по иноземству предлагал Лестоку понаблюдать за цесаревною и доносить обо всем, Лесток не согласился».

«Опальное положение, уединенная жизнь Елизаветы при Анне послужили к выгоде для цесаревны, – пишет далее Соловьев. – Молодая, ветреная, шаловливая красавица, возбуждавшая разные чувства, кроме чувства уважения, исчезла. Елизавета возмужала, сохранив свою красоту, получившую теперь спокойный, величественный, царственный характер. Редко, в торжественных случаях являлась она перед народом, прекрасная, ласковая, величественная, спокойная, печальная; являлась как молчаливый протест против тяжелого, оскорбительного для народной чести настоящего, как живое и прекрасное напоминание о славном прошедшем, которое теперь уже становилось не только славным, но и счастливым прошедшим».

Елизавета понимала, что все от нее чего-то ждут, она должна взять на себя

ответственность, но кто поведет к высокой цели? Да и женское ли это дело затевать перевороты? Слежка ужесточается, одного «смотрителя дома» уже мало, и вот майор гвардии Альбрехт вручает аудитору Барановскому именной указ: «Должен ты быть поставлен на безызвестный караул близ дворца Елизаветы Петровны, имеешь смотреть: во дворец цесаревны какие персоны мужеска и женска пола приезжают, також и ее высочества куды изволит съезжать и как изволит возвращаться – о том бы повседневно подавать записку по утрам, ему, Альбрехту. В которое время генерал-фельдмаршал во дворец цесаревны придут, то б того часа репортовать словесно прибытии его ему ж, майору Альбрехту; а если дома его Альбрехта не будет, то отрепортовать герцогу брауншвейг-люнебургскому. Французский посол когда приезжать будет во дворец цесаревны, то и о нем репортовать с прочими в подаваемых записках». Удивительное дело: по слухам, Миних действительно приходил к Елизавете, предлагая свои услуги. Елизавета от услуг Миниха отказалась со словами: «Ты ли тот, который корону дает кому хочет? Я оную и без тебя, ежели пожелаю, получить могу». Известно все это со слов прислуги, правда или нет, не мне судить, но принц Антон, отец младенца-императора, в это свято верил.

А то, что послы – французский Шетарди, и шведский Нолькен – заглядывали к Елизавете, это совершенно точно. Нолькену необходимо было оговорить условия, на которых будет начата война с Россией. Елизавета трусила ужасно, но слушала, кивала головой. Шетарди надо было выполнять указания своего правительства, и он все примеривался: из кого составить партию? Вся столица знала, знал и Шетарди, что при свержении Бирона три гвардейских полка шли во дворец, совершенно уверенные, что на престол сядет матушка Елизавета Петровна. У Елизаветы старая дружба с гвардией, она крестит их младенцев, зовет крестников к себе в дом, запросто сидит с ними за столом, и все это не чернь, а дворянство. У Елизаветы полно сторонников, но кто станет во главе заговора?

У Нолькена были свои заботы. Он требовал от цесаревны точные условия договора – какие будут от России вознаграждения для Швеции, когда дело будет сделано? Встретаться напрямую с цесаревной стало опасно, и Нолькен пригласил Лестока лечить себя. Теперь он мог говорить о русских делах в любое время. Но переговоры так и не сползли с мертвой точки. Елизавета через Лестока передавала шведскому послу, что тронута его заботой о ее персоне, но опасается упрека со стороны своего народа, если ради достижения трона России будет нанесен урон. Деньги она готова заплатить, но от завоеванных ее отцом земель не отщипнет ни пяди.

Анна Леопольдовна спала и видела, как избавиться от Елизаветы. Был придуман для нее новый жених – принц Людвиг Брауншвейгский, брат принца Антона. По замыслу двора, принц Людвиг должен был стать вместо свергнутого Бирона герцогом Курляндским. В Курляндию и решили сослать Елизавету, но она категорически отказалась выходить замуж, заявив, что не сделает этого никогда. Ей не поверили, предложили новую кандидатуру, очень спорную – французского принца Конти. Елизавета вообще отказалась разговаривать на эту тему.

Главным врагом своим она считала Остермана: хитрый старый лис, он всеми способами желает ее унижить и вообще ищет ее погибели. Персидский посланник привез дары всем членам царского дома, Елизавету обошли подарком. Она смертельно обиделась и нашла способ передать Остерману свое негодование: «Он забывает, кто я, и кто он, забывает, чем он обязан моему отцу, который из писцов сделал его тем, чем он теперь есть, но я никогда не забуду, что получила от Бога, на что имею право по своему происхождению». И не забыла, как покажут дальнейшие события.

Шведское правительство приказало Нолькену вернуться в Стокгольм, он так и уехал, не получив от Елизаветы никакого письменного обещания, только устное: вознаградить Швецию за военные издержки, давать ей субсидии в случае нужды, предоставить шведам торговые преимущества... и никаких земельных уступок. Нолькен уехал, а 13 августа 1741 года Швеция – видимо, субсидия от Франции наконец была получена – начала войну с Россией. Двор Елизаветы и она сама настаивали, чтобы во главе шведской армии шел ее

племянник Карл Петр Ульрих герцог Голштинский. Этот мальчик по своему происхождению и родственным связям имел права как на трон русский, так и на шведский. Это хотя бы как-то формально объясняло вмешательство Швеции в дела России. Шведы отказались: зачем в военных делах оперные страсти, да и мал еще Карл Петр для полководца – тринадцать с половиной лет. Все шло по сценарию, но, к удивлению Франции, первую битву при Вильманштранде выиграла русская армия.

Ситуация становилась тупиковой. Елизавета хотела получить объяснения от Шетарди, но боялась с ним встретиться открыто. Она назначала ему свидание через верных людей в местах случайных – то на Петербургской дороге вечером в темень, то у дома Линара, где они якобы столкнулись неожиданно. Но встречам мешали непредвиденные обстоятельства, даже погода была против – зарядил дождь.

Наконец встретились. Елизавета тут же стала жаловаться. Она просила манифеста, совета и денег. Манифест с объяснением целей войны должны были прислать шведы. Шетарди обещал этому поспособствовать, на советы тоже не поспешил. Осталось разобраться с третьим вопросом. Елизавете деньги нужны были позарез. Она «подкармливала верных гвардейцев», верных было много, а каждому она ссудила по пять рублей. Теперь, оставшись на мели, она просила у Франции субсидии в 15 тысяч. У Шетарди таких денег не было, но если бы и были, он бы призадумался – давать ли. Он успел разувериться в этой затее с заговором. Неожиданная победа русских смешала карты. Партия так и не создана, а Елизавета – непостоянная, нерешительная, упрямая и трусливая, – какой с ней совершишь переворот? Но 2000 рублей цесаревне он все-таки дал, нашел у приятеля, которому накануне повезло в карты. Ах, как он потом корил себя, что не требовал с Парижа денег и не дал Елизавете всей нужной суммы! Сделай он это, и мог бы приписать себе весь успех событий 25 ноября! Но не будем забегать вперед.

Шведы сочинили и нашли способ передачи «Манифеста для достохвальной русской армии». Способ передачи был странный, Остерман негодовал по этому поводу – так в цивилизованном мире не поступают! Манифест за подписью главнокомандующего Левенгаупта был оставлен в деревне в надежде, что его обнаружит русская армия. В манифесте сообщалось, что шведская армия вступила в русские пределы для получения удовлетворения за многие неправды, сочиненные иностранными (в смысле нерусскими) министрами, и теперь хочет освободить русский народ от ига и жестокостей чужеземцев. Были там слова о «незаконном наследстве» и о желании шведов предоставить русскому народу свободное избрание законного и справедливого правительства.

Елизавету манифест вполне устроил, она надеялась, что этот документ произведет волнение в армии, кто-то как-то организует и возникнет предводитель, сильный и мужественный человек, который сделает то же, что сделал Миних для Анны Леопольдовны. Но в армии не видели этого манифеста. Да и прочитай гвардейцы его, мало ли что там враг напишет, да и можно ли ему верить. А между тем уже было ясно, что верный Елизавете Преображенский полк вот-вот будет отправлен из Петербурга на театр военных действий.

Анна Леопольдовна и ее приближенные смотрели на манифест иначе. Он звучал явной угрозой существующему порядку. Да и накопилось уже порядком доносов и докладных бумаг, чтобы заподозрить и Шетарди, и Нолькена, и Елизавету в противоправных действиях. Только беспечность и бестолковость Двора и самой правительницы мешали трезво оценить ситуацию.

А счет уже шел на дни. 23 ноября во дворце был прием, на котором присутствовали и Елизавета, и Шетарди. Анна Леопольдовна пригласила Елизавету в отдельную комнату для частного разговора. Разговор был такой.

Анна: «Я решила просить французского короля, чтобы он отозвал Шетарди из России. А потому настоятельно советую вам более не принимать этого человека и не общаться с ним».

Елизавета: «Как я могу это сделать? Откажу раз, два, сказавшись больной. Но мы можем просто столкнуться на улице».

Анна: «И все-таки вы не должны видеться с Шетарди».

Елизавета: «Можно все устроить гораздо проще. Прикажите Остерману, пусть он сам скажет Шетарди, чтобы тот более ко мне не ездил».

Анну не устраивал этот вариант, что она тут же и высказала. Шетарди лицо официальное, не следует его раздражать. Он начнет жаловаться, а это дело политическое. В запальчивости правительница решила высказать свои претензии до конца.

– Слышала я, матушка, – сказала она Елизавете с угрозой в голосе, – что вы имеете корреспонденцию с неприятельской армией и будто ваш доктор ездит к французскому посланнику и с ним фикции в той же силе делает. Мне советуют немедленно арестовать доктора Лестока. Я всем этим слухам о вас не верю, но надеюсь, если Лесток окажется виноватым, то вы не рассердитесь, когда его задержат.

Елизавета все отрицала, обещала разобраться с Лестоком и дать правительнице объяснения. Соловьев излагает это разговор в суровых тонах, но Валишевский пишет, что Елизавета так разволновалась, что расплакалась и бросилась к ногам правительницы. Правительница же со слезами сочувствия бросилась ее поднимать. Расстались женщины вполне дружелюбно.

Переворот

Какое тут дружелюбие! Разговор этот сильно напугал Елизавету, а Лесток и вовсе пришел в ужас. Он уже видел арест, пытки и плаху. На следующий день было объявлено, что гвардия должна быть в полной готовности для немедленного выступления к Выборгу. Без гвардии было бессмысленно думать о каком-то перевороте. Забыв о предосторожности, Лесток бросился к Шетарди, обрисовал ему угрожающую ситуацию, но французский посол «отказался ее разделить». Известий от Левенгаупта нет, шведы нам сейчас не помощники, потому надо успокоиться и подождать благоприятного момента. И не будем нервничать!

Хорошо было Шетарди, находящемуся под дипломатической защитой, он мог позволить себе ждать и не нервничать, а каково Елизавете и ее сторонникам? Все люди ее двора – Воронцов, Шуваловы, Алексей Разумовский, а более всех Лесток, стали настаивать на немедленных действиях. Переворот должен случиться или сейчас, или никогда. Гвардию предстояло вести во дворец самой Елизавете. Воронцов Михаил Илларионович (будущий вице-канцлер, а сейчас камергер двора Елизаветы), сказал: «Подлинно, это дело требует немалой отважности, которой не сыскать ни в ком, кроме крови Петра Великого». Лесток действовал своими методами. Рассказ о том, как он уговаривал Елизавету, стал хрестоматийным. Он взял две игральные карты и нарисовал на них две картинки. На первой Елизавета находилась в монастыре, где ей обрезали волосы, на другой картинке она сидела в короне на троне. Понятно, что Елизавета выбрала вторую карту.

Не в картах дело, она действительно знала, что другого такого случая не будет, знала, что ей угрожают монастырем, а потому сказала – да! Тут же послали за гренадерами; была ночь, что-то около двенадцати. Гренадеры явились немедля. Елизавета спросила, может ли она на них положиться, те истово поклялись в верности. Елизавета попросила их выйти из комнаты и со слезами на глазах бросилась к иконе. Именно в этот момент она дала обещание Спасителю не подписывать никому смертных приговоров. Потом взяла крест, вышла к гренадерам и привела их к присяге, после чего велела «в полной тишости» идти в казармы и собирать роту, что и было исполнено. Красиво, страшно, удивительно!

Надев прямо на платье кирасу, она велела закладывать сани. Было два часа ночи. В казармы Преображенского полка ее сопровождали Воронцов, Лесток и Шварц, ее старый учитель музыки. Уже в казарме она приказала разломать барабаны, чтобы нельзя было поднять тревогу. Потом все встали на колени, помолились и пошли во дворец.

Прочитав однажды в какой-то краткой статье, как «стылой ноябрьской ночью Елизавета двинулась из Смольного в Зимний брать власть», я подивилась этому почти анекдотическому совпадению. Все в истории повторяется, даже слова и названия. Но не

будем отвлекаться. Елизавета ехала в санях, гренадеры ее окружали. Наученные опытом Миниха при аресте Бирона, они по дороге посылали солдат, чтобы без лишнего шума забрать приверженцев Брауншвейгской фамилии. Так были арестованы Миних, затем граф Головкин и барон Менгден, обер-гофмашал Левенвольде и морской генерал-комиссара Лопухин. Тридцать гренадеров были отправлены арестовывать ненавистного Остермана.

На подходах к Зимнему дворцу решили для безопасности идти пешком. Елизавета не поспевала за рослыми гренадерами, и они понесли ее на руках. Солдаты в караульне со сна ничего понять не могли, но после объяснений Елизаветы тут же приняли ее сторону. Всего-то и было четыре офицера, которые отказались повиноваться, но их быстро призвали к порядку. Один солдат направил на взбунтовавшегося офицера штык, но Елизавета отвела штык рукой – не надо крови!

Далее без всяких препятствий Елизавета дошла до спальни Анны Леопольдовны:

– Сестрица, пора вставать!

– Что вы здесь делаете? – воскликнула Анна, но, увидев гренадеров, сразу все поняла.

Поняла она также, что сопротивление бесполезно, и тут же из правительницы превратилась в просительницу. Она плакала, стоя на коленях, и умоляла не делать зла ее детям. Елизавета пообещала ей это и увезла ее вместе с Юлией Менгден, верной подругой, к себе в Смольный дом. Туда же был привезен и младенец император Иван Антонович с сестрой. Свидетели рассказывают, что Елизавета целовала младенца и говорила: «Бедное дитя, ты вовсе безвинно! Твои родители виноваты».

Недруги с семьями были арестованы, а меж тем во дворец Елизаветы стали стекаться важные сановники: иные приезжали сами, других приглашали. Явились генерал-прокурор князь Трубецкой, начальник Тайной канцелярии Ушаков, адмирал Головин, князь Черкасский. Был вызван и Алексей Петрович Бестужев. Лесток всегда хорошо к нему относился и посоветовал Елизавете назначить его на место Остермана. Все были возбуждены, никто толком ничего не мог понять. Сошлюсь на «Записки» Шаховского, который описывает эту ночь переворота. После бала у Головкина, арестованного в эту ночь, Шаховской в собственном доме был разбужен стуком в ставню его спальни. Экзекутор Дурново возбужденно прокричал, что надо-де «наискорее ехать в цесаревнин дворец, ибо-де она изволила принять престол российского правления и я-де с тем объявлением теперь бегу к прочим сенаторам». Шаховской бросился к окну, чтобы расспросить о подробностях, но экзекутор уже исчез.

«Я сперва подумал, что не сошел ли экзекутор с ума, что так меня встревожа в миг удалился, но вскоре увидел многих по улице мимо окон моих бегущих людей необыкновенными толпами в ту сторону, где дворец был, куда и я немедленно поехал. ...ночь была темная и мороз великий, но улицы были наполнены людьми, идущими к царевнину дворцу, а гвардии полки с ружьем шеренгами стояли уже вокруг одного в ближайших улицах и для облегчения от стужи во многих местах раскладывали огни, а другие, поднося друг другу, пили вино, чтоб от стужи согреться, причем шум разговоров и громкое восклицание многих голосов: “Здравствуй наша матушка императрица Елизавета Петровна” воздух наполняли». Пробившись через толпу, Шаховской пробрался во дворец и тихо спросил у первого, кого встретил, сенатора Голицына:

– Как это сделалось?

– Не знаю, – ответил тот.

Наконец Петр Шувалов, камергер Елизаветы, рассказал ему кое-какие подробности. А вокруг царило полное веселье. «Потом ее императорское величество вскоре из своих внутренних покоев изволила в ту палату, где мы между прочими уже собравшимися господами находились, войти и весьма с милостивыми знаками, принимая от нас подданнические поздравления, дозволила нам поцеловать свою руку».

Все эти события я излагала в полном согласии с С.М. Соловьевым, но в своей книге «Дочь Петра Великого» К. Валишевский несколько снижает патриотический тон революции, как называли в XVIII веке дворцовые перевороты. Он пишет, что не воля народа, уставшего

от засилия немцев, возвела Елизавету на трон. «Два темных агента, принадлежавших один к челяди цесаревны, другой к армии, принялись в последнюю минуту распределять роли». Одним этим агентом был Лесток, другим Шварц, но появился и третий, крещенный еврей Грюнштейн; когда-то маклер и торговец драгоценностями, он стал сержантом Преображенского полка и в нужный момент оказал Елизавете огромную услугу. Когда все уговаривали цесаревну на решительный шаг и собирались призвать гренадеров, Грюнштейн разумно сказал: «Одних призывов мало, нужно деньги, гренадерам дать». Елизавета проверила наличность – триста рублей. С такой суммой власть не получишь. переворот был назначен на следующую ночь. Лесток опять кинулся к Шетарди за деньгами, но получил отказ. В последнюю минуту Елизавета заложила свои драгоценности, вырученные деньги Грюнштейн и раздал гренадерам. Денежная субсидия подогрела их патриотические чувства. Кроме того, им всем очень не хотелось идти воевать со шведами.

Подробности разнятся, но одно точно: «революция» произошла без участия Франции и без помощи Швеции, и тем не менее Валишевский считает, что этот переворот в России, в отличие от других – а их в XVIII веке было очень много – был самым предосудительным. «Что мог он (народ) ожидать от императрицы, достигшей трона при содействии распутных гренадеров, от дочери Петра Великого, подготовившей заговор, сообразуясь с движением шведской армии, официально отправленной в поход в целях облегчения его осуществления?» Далее автор говорит, что страна, то бишь Россия, «несмотря на самые худшие случайности», не сдавалась, «шла по самому краю бездны», но удержалась «инстинктом самосохранения, сила которого является как у отдельных лиц, так и у нации самым верным признаком и мерилom их жизненности».

Ах, какие страсти! Мы, кстати, не первый раз шведов на помощь призывали. Когда-то они звались варягами. В Смутное время при Шуйском отряд Делагарди тоже оказал нам услуги. На этот раз мы без шведов благополучно обошлись. Я хочу взглянуть на роль Елизаветы в перевороте 1741 года с другой стороны. Наверное, это наивная, чисто женская оценка, но и она имеет право на существование.

Все перевороты XVIII века, и вообще любое восхождение на трон, и для Екатерины I, и для Петра II, для Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, да и для Екатерины Великой, делала «партия» с сильным лидером во главе. Елизавета – ветреная и легкомысленная, которая, конечно, к тридцати годам стала менее ветреной и легкомысленной – должна была сама возглавить поход во дворец. Никто из вышеперечисленных не рисковал так, как она, – уж слишком ненадежным было ее окружение.

И опять же, ее удивительный обет, данный перед иконой: «не казнить людей смертью». Над ней потом издевалась вся Европа – какое безрассудство, какая наивность! Закон об отмене смертной казни не был официально оформлен, но ведь не казнили. Судьи продолжали приговаривать к смерти, но она не подписывала бумаги, смягчая участь осужденных. Жестокость никуда не делась, был кнут, батоги, резали языки, выжигали на лбу тавро «вор», но головы не рубили. Елизавета очень боялась свергнутого ею Ивана VI, судьба его ужасна, всю жизнь в тюрьме, но он ведь жил! Но как только трон заняла умница-разумница Екатерина Великая, его тут же и убили, а Мировича казнили «отрублением головы». А сколько по пугачевскому делу на плаху пошло! Можно, конечно, сказать, что в царствование Елизаветы не было такого масштабного и страшного бунта. Но ведь этот масштабный и страшный не на ровном месте появился, Екатерина сама создала его причины. В этом – не казнить смертью – главное величие Елизаветы, насмотрелась она казней в детстве и в молодости, и поняла, что царица должна быть милосердной.

После переворота

Один мой умный друг говорил, что Ленин написал шкаф книг на тему, как взять власть, и то-о-ленькую брошюрку – что с ней делать. Отсюда и все безобразия. В XVIII веке все было наоборот. Власть взяли за три часа, а дальше по накатанной. Но два дня в головах у

всех была полная каша. В ночь переворота 25 ноября общими усилиями министры сочинили манифест, в котором говорилось, что по смерти Анны Иоанновны наследником престола «учинен внук ее величества, которому еще от рождения несколько месяцев было», потому «правление государства через разные персоны и разными образами происходило» и в государстве были непорядок и разорение. Из-за того гвардия, а также светские и духовные чины просили для пресечения этого безобразия Елизавету, «яко по крови ближняя отеческий престол воспринять, что она и сделала». Хорошо, восприняла, но в качестве кого? Кем будет цесаревна Елизавета? Может быть, регентшей при существующем императоре Иване VI? По-родственному это вполне возможно, главное, чтоб немцы не у власти. Елизавета может провозгласить себя императрицей, но вроде это негоже при существующем внуке Петра I – принце Карле Ульрихе Голштинском. Но при этом утром в день переворота манифест был объявлен, полки приняли присягу, потом Елизавета вышла на балкон собственного дома и была встречена общим ликованием и криками, в которых приветствовали «матушку императрицу Елизавету».

Общее недоумение разрешилось через два дня, 28 ноября, когда был оглашен новый манифест. К нему приложил руку Алексей Петрович Бестужев (пока его определили к управлению почтами), блестящий политик и интриган, «лукавый царедворец», долгие годы ближайший советник и фаворит, а затем недруг. В этой книге ему будет посвящена отдельная глава. В новом манифесте говорилось, что, согласно завещанию Екатерины I, «утвержденный народом» порядок престолонаследия имеет следующий вид: в случае бездетной смерти Петра II престол переходит к цесаревне Анне Петровне и ее потомству, после – цесаревне Елизавете Петровне, мужскому полу было дано предпочтение перед женским, но имелось точное указание, что никто, не принадлежащий к православному исповеданию, не имеет прав на трон. На основании завещания матери Елизавета была после смерти Петра II единственной законной наследницей, но духовная императрицы Екатерины коварными происками Остермана была скрыта от народа, и т. д.

Анна Петровна имела потомство, но Карл Ульрих исповедовал протестантизм. Решено было призвать его в Россию и обратить в православие, а Елизавету сделать регентшей при нем. Потом это как-то забылось, Елизавета Петровна стала императрицей, а Петр – наследником.

Судьба Анны Леопольдовны и ее семейства

Теперь встал вопрос – что делать с Брауншвейгской фамилией. Вначале Елизавета думала отправить семейство, так сказать, по месту жительства, то есть за границу, была даже определена сумма их пансиона, позволяющего жить вполне безбедно. Семейство в сопровождение Салтыкова отправили в Ригу, с указанием везти тихо, объезжая большие города. Потом Елизавета призадумалась, да и советчиков было много, – а правильно ли это? Во всяком случае, надо дожидаться приезда в Петербург наследника Карла Голштинского, еще неизвестно, как посмотрит на это Европа. Салтыков получил новое указание – не торопиться, по неделе жить в каждом населенном пункте. За наследником был послан в Киль майор барон Корф и благополучно 28 февраля 1742 года доставил его в Петербург.

Шло время, а Брауншвейгское семейство так и жило в Риге, понимая, что путь за границу им заказан. Заговор против Елизаветы в 1743 году (так называемый «бабий», не заговор, а недоразумение) очень ухудшил их судьбу. Елизавета боялась, а потому решила переселить все семейство на Соловки. До Соловков не доплыли, а осели в Холмогорах (на родине Ломоносова) за высоким частоколом в бывшем архиерейском доме. Дальнейшая их жизнь проходила под строгим караулом. Бывшего императора, четырехлетнего мальчика, отняли от родителей, дальнейшая его жизнь протекала в тюрьмах в полном одиночестве.

Анна Леопольдовна родила в заточении еще двух детей. В 1746 году она умерла, была привезена в Петербург и похоронена с соответствующими почестями. Оставшаяся семья продолжала жить в заключении. Бывший император Иван VI был убит в Шлиссельбургской

крепости в 1764 году при попытке освободить его Мировичем. Ивану было 25 лет. «Загадочное убийство, которое никто не пожелал взять на свою совесть», – пишет Валишевский. Екатерина II ничего не сделала для облегчения участи несчастной семьи, и только когда в 1775 году умер отец – принц Антон, оставшихся в живых уже взрослых, совершенно непригодных к жизни двух сестер, по ходатайству их тетки – датской королевы – отпустили в Данию. Несчастливая семья! Судьба их, конечно, – несмыслаемое пятно на правлении и Елизаветы, и Екатерины Великой.

Милости

Новое правление, новый штат, новые порядки. Остерман, глава русской политики – в тюрьме. Его заменил Алексей Петрович Бестужев. Существовавший при Анне Кабинет был упразднен, во главе государства опять стоял Сенат, как при Петре I.

30 ноября, в орденский праздник св. апостола Андрея Первозванного, было великое торжество. После праздничной литургии в придворной церкви Елизавета раздавала чины и ордена. Генерал-аншефам Румянцеву, Чернышеву и Левашову и тайному советнику Алексею Бестужеву были пожалованы Андреевские ленты. Кавалеры прежнего двора Елизаветы Петр и Александр Шуваловы, а также Воронцов и Алексей Разумовский получили чин действительных камергеров. Лесток стал лейб-медиком в ранге действительного тайного советника, при этом он получил директорство над медицинской канцелярией и всем медицинским факультетом с жалованьем в семь тысяч рублей. Хорошие деньги, если учесть, что он мало понимал в медицине и все болезни лечил кровопусканием. Брат Алексея Бестужева Михаил был назначен вместо Левенвольде обер-гофмаршалом.

Мардефельд, прусский посол, отчитывался перед Фридрихом: «Наряды, одежда, чулки и тонкое белье графа Левенвольде были раздарены камергерам императрицы, которым нечем было прикрыть свою наготу. Из четырех камер-юнкеров, только что получивших это назначение, двое прежде были лакеями, а третий служил конюхом». Насмешничает Мардефельд и обижается, он еще не придумал, как относиться к этому перевороту.

Пострадавшим при прежних режимах была объявлена полная реабилитация, и потянулись со всех сторон России кибитки в старую и новую столицы. Ехали оставшиеся в живых Долгорукие, граф Платон Мусин-Пушкин, матрос Толстой, отказавшийся присягать Ивану Антоновичу, бывший полицмейстер Девьер, Сиверс – масса людей, всех и не перечислишь. Детям Волынского вернули конфискованное имущество отца, облегчили участь Бирона и братьев его, Бирону разрешили с семьей жить в Ярославле. Особенно примечательно, что были наказаны и бывшие доносчики: всех, конечно, не сыщешь, но тех, кого нашли, отставили от должности с тем, чтобы никуда больше не определялись.

Бумаги о помиловании иногда шли очень долго. Здесь надо учитывать фантастические расстояния в России, но это полбеды. Многих сослали в Сибирь, меняя имена или вообще уничтожая все документы. Сослали битого и пытанного, а куда? Очень сложно было найти Алексея Шубина, нежную любовь Елизаветы. Красавца сержанта сослали на Камчатку. Это значит – пятнадцать тысяч километров туда, чтобы сообщить об освобождении, а потом те же тысячи назад. Словом, на возвращение Шубина ушли годы.

Особую награду государыни получили гренадеры Преображенского полка. Они попросили у Елизаветы, как о милости, присягнуть ей первыми. После этого появился новый военный институт – лейб-компания – личная гвардия ее императорского величества, а сама Елизавета стала капитаном этой роты. Капитан-поручик в лейб-компании равнялся по чину полному генералу. Все рядовые, капралы и унтер-офицеры были пожалованы потомственным дворянством с гербами, на которых имелась подпись: «За ревность и верность». Все они также получили усадьбы со значительным числом душ. Деревни для подарков все были из конфискованного имущества арестованных: Остермана, Миниха и прочих.

Уже упомянутый сержант преображенец Петр Грюнштейн за особое участие в

перевороте получил дворянство и 927 крепостных. Елизавете показалось, что этого мало, и она подарила ему на свадьбу еще 2000 душ. Расскажу заодно, чем закончилась сказочная судьба лейб-компанейца. Как в сказке про золотую рыбку, Грюнштейн опять оказался у разбитого корыта. Милости сыпались на него золотым дождем, он возмнил о себе бог весть что, и даже выступил, как он считал, борясь за правду, против генерал-прокурора князя Трубецкого. В поисках управы на Трубецкого он явился к Алексею Григорьевичу Разумовскому со словами, что если государыня не уберет Трубецкого с должности, то он, Грюнштейн, сам убьет этого изменника, «спасая императрицу и государство от самого зловредного человека». Покричал и ушел, Трубецкой остался жив. Но скоро Грюнштейн стал «искать правду», обвиняя семью самого Разумовского.

Дело происходило в Нежине. Ночью из дома матери Разумовского выехали бунчуковский товарищ Влас Климович с женой Агафьей Григорьевной (сестрой фаворита). На беду, они столкнулись с каретой Грюнштейна, который выскочил им навстречу и стал кричать: «Что за каналы ездят и генералитету честь не отдают, а с дороги не сворачивают?» Узнав у слуг, что едет сестра Разумовского с мужем, он не успокоился и выдал такую фразу: «Я Алексея Григорьевича услугою лучше, и он через меня имеет счастье, а теперь за ним и нам добра нет, его государыня жалует, а мы погибаем!» Дальше смертная драка, побои палкой и прочее. На шум прибежала сама Разумиха, но и ее побили. Это высказывание с одной стороны.

Грюнштейн в свое оправдание в Тайной канцелярии представил дело иначе. Свидетели подтвердили его показания. Свою карету Грюнштейн велел остановить, чтобы при свечах смазать колеса. А тут вдруг карета Климовичей. Они требовали, чтобы очистили дорогу, и ругали всех непотребными словами. «Климович вышел из коляски и, подойдя к Грюнштейну, ударил его палкой по голове раза три или четыре, Журавлев (будущий свидетель) ухватил палку, а Грюнштейн, усмехнувшись и перекрестясь, ударил Климовича по щекам раза три или четыре»... ну и так далее.

Со стороны Разумовских тоже были свидетели, все стояли на своем, но Грюнштейну припомнили его старые дела – и ссору с Трубецким, и свойские отношения с Брюмером и принцессой Иоганной Цербстской (матерью жены наследника Екатерины). Словом, обвиняемый все время мешался в дела, которые его совершенно не касались. Государыня отнеслась к лейб-компанейцу милостиво. Грюнштейна с семейством сослали в Москву, чтоб содержать его в Тайной конторе, а потом отправили всех в Устюг.

Несколько слов о Шварце. Об этом человеке известно мало: немец, удачливый авантюрист, назвавшись инженером, поступил на русскую службу, получил место на корабельных верфях. Потом ездил с русской миссией в Китай. Затем, видимо попав в опалу, он возник при дворе Елизаветы. Поскольку он хорошо играл, то и стал называться не инженером, а музыкантом. Конец его был плачевным. Обласканный Елизаветой после ее вхождения на трон, получив дворянство и чин лейб-компанейца, он решил, что ему море по колено. Валишевский пишет: «Немец Шварц был убит вилой крестьянкой, которой он старался доказать, что лейб-компания ни в чем не может быть отказа».

Наказание

Главные противники Елизаветы – Миних, Остерман, Левенвольде и Головин – были отправлены в Петропавловскую крепость. Вины у всех были разные, часто придуманные на скорую руку, но расплата по законам XVIII века была жестокой. Елизавета, спрятавшись за занавеской, присутствовала на допросах, она же и прекратила следствие. Суд был суровым, наказание безумным: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, прочих – под топор. Впрямь ли судьи хотели угодить, или голову совсем потеряли? Елизавета приговор не подписала.

Казнь назначили на 18 января 1742 года на Васильевском острове у здания Двенадцати коллегий. Заранее был сооружен самый простой эшафот. Императрица на казни не

присутствовала, она уехала в загородный дворец. Осужденных заранее перевели из крепости в здание Двенадцати коллегий. У Остермана была подагра, ноги не ходили, и его к месту казни привезли на санях. Он был облачен в обычный, всем известный костюм: короткий парик, черная шапочка и лисья, хорошо ношенная шуба. Миних рядом с ним выглядел гоголем – чисто выбритый, в красном парадном камзоле, он смотрел надменно и гордо, кивая солдатом.

Остермана принесли к плахе, поставили на ноги, прочитали обвинение. Он слушал без признаков волнения, внимательно и сосредоточенно. Оказывается, милосердная царица заменила колесование «отрублением головы». Он покорно дал снять с себя парик, шубу, освободил шею и положил голову на плаху, но тут ему сообщили, что милосердная царица заменила ему казнь вечной ссылкой. Театр, да и только! Остерман не разволновался, надел парик, шубу и попросил отнести его в сани. Я думаю, что кто-то заранее предупредил, какая его ожидает участь. Но при любом раскладе – какое хладнокровие! Мало ли что кто-то мог ему сообщить!

Остермана сослали в Березов, Миниха – в Пелым, Левенвольде – в Соликамск.

Генрих-Иоганн Остерман

Это он в Германии был Генрих-Иоганн, а в России Остермана (1686–1747), кроме как Андрей Иванович, не называли. Он родился 30 мая 1686 года в Бохуме (Вестфалия) в семье бедного пастора. О детстве его мы ничего не знаем, но, видно, смысленный был юноша, если учился в Иенском университете. Студенты в те времена вольно жили, много пили, дрались на кулаках и на шпагах. У молодого Остермана тоже случилась дуэль, и он вынужден был бежать в Амстердам. Там он познакомился с российским вице-адмиралом Крейсом и вскоре стал его секретарем. С ним Генрих-Иоганн и прибыл в 1704 году в Россию; ему было 18 лет.

У Остермана был особый талант к языкам. Он знал французский, английский, итальянский языки и латынь, так что русским он овладел очень быстро. Как-то Петр I, находясь на корабле у Крюйса, попросил прислать к нему какого-нибудь толкового человека, чтобы написать письмо. Крюйс направил Остермана. После этого Петр уже не отпускал его от себя. В 1707 году он стал переводчиком Посольского приказа, в 1711-м – его секретарем. Он уже стал Андреем Ивановичем, а дальше шаг за шагом вверх по служебной лестнице.

В 1711 году Остерман вместе с Шафировым участвовал в заключении мира с турками. Этот поход – грустная страница русской истории. Петр был уверен в легкой победе, вместе с ним на войну отправилась Екатерина, в результате наша армия попала «в котел» – в окружение сорокатысячной армии турок. Петр уже написал в Петербург: мол, если попадет в плен, то «вы не должны меня почитать своим государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственному повелению, от вас было требуемо...» Вице-канцлер Шафиров вместе с Остерманом поехали в турецкую армию к визирю, два дня толковали о заключении мира – договорились. Ценой уговоров были обещанные золотые горы, а пока задаток – драгоценности Екатерины, которые она пожертвовала на общее дело. Главным в этом удачном для России деле был, конечно, Шафиров, но и Остерман не сплеховал, а Петр помнил оказанные ему услуги. Вскоре Остерман был пожалован в тайные секретари и обязался не уезжать из России до окончания Шведско-русской войны.

Начиная с 1716 года, Остерман и Брюс ведут со шведами переговоры о мире. На Аландском конгрессе лозунг наших дипломатов: «Его царское величество желает удержать все им уже завоеванное». У шведов своя программа: «Король желает возвратить все у него взятое». Карл XII погиб, переговоры прекратились и возобновились только в 1721 году. Ништадтский мир, выгодный для русских, «вечный, истинный и ненарушимый мир на земле и на воде», подписали Остерман и Брюс. После этого Андрей Иванович был возведен в баронское достоинство. Вице-президентом Коллегии иностранных дел Остерман был назначен после заключения с Персией торгового договора.

Остерман был трудоголик, поэтому умел не только ладить с Петром, но и был его советником во многих внутренних делах. «Табель о рангах» – тоже его придумка. После смерти Петра Екатерина I назначила Остермана вице-канцлером, главным начальником над почтами, президентом комерц-коллегии и членом Верховного тайного совета. Меншиков его ненавидел. Но Остермана невозможно было сокрушить. Он никогда не шел на открытый конфликт. «Наша система, – писал Остерман в 1727 году, – должна состоять в том, чтобы убежать от всего, что могло бы нас в какие проблемы ввести». Эта «наша система» касалась, конечно, не только внешних, но и внутренних дел.

На престоле Петр II. Отношения Остермана с Меншиковым обострились до крайности, а ведь когда-то именно Меншиков сделал его вице-канцлером вместо Шафирова. Теперь же Андрей Иванович, кажется, и не делая ничего, выиграл – низвергнул своего благодетеля. Меншиков пошел в ссылку. Но что значит – «не делая ничего»? Это только сияющая верхушка айсберга, а под водой – интриги, притворство, хорошая мина при плохой игре.

Находящийся в это время в России испанский посол де Лирия очень высоко оценивает Остермана – вначале он даже писал в своих дневниках, что в России никто так не радеет о России и продолжении политики Петра Великого, как Остерман. Он был врагом Долгоруких и изо всех сил старался оторвать юного государя от охоты и пьянок и вернуть его к государственным заботам. Все так, но мальчик-царь внезапно скончался, закрутилась интрига верховников. Название «верховники» появилось потому, что все они были членами Верховного совета, им же был и Остерман. Он тут же заболел – подагра, простуда, насморк, гланды или плоскостопие – кто тут разберет, главное, что он лежит, прикованный к кровати, стонет, и рука не в силах держать перо, чтобы подписать какую бы то ни было бумагу, а уж тем более кондиции, ограничивающие власть будущей государыни. Анна по заслугам оценила его «верность», он стал графом и получил, по словам де Лирия, «очень хорошие земли в Лифляндии». Став бароном, а потом графом, он никогда не ставил этих титулов в подписи под бумагами, а только – Андрей Остерман.

А вот приятеля своего де Лирия он перед Анной Иоанновной «оговорил», обвинив его в тесных и опасных сношениях с верховниками. Что тут правда, что ложь, неважно, де Лирия смог оправдаться перед императрицей, а вскоре был отозван испанским королем на родину. Нам интересна характеристика, которую он дал Остерману: «Он имел все нужные способности, чтоб быть хорошим министром, и удивительную деятельность. Он истинно желал блага русской земле, но был коварен в высочайшей степени, и религии в нем было мало, или, лучше, никакой; был он скуп, но не любил взятки. В величайшей степени обладал искусством притворяться, с такой ловкостью умел придавать лоск истины самой явной лжи, что мог провести хитрейших людей. Словом, это был великий министр; но поелику он был чужеземец, то не многие из русских любили его, и потому несколько раз был близок к падению, однако же всегда умел выпутаться из сетей».

При Анне Иоанновне Остерман был деятелен и вполне благополучен. Он вершил не только дела внешние, но был советчиком Бирону и государыне во внутренних делах. Бирон не любил его, но отдавал должное уму и работоспособности, иногда, правда, откровенно смеялся. Бирон писал нашему посланнику в Варшаве в апреле 1734 года: «Остерман лежит с 18-го февраля и во все время один только раз брился, жалуется на боль в ушах, обвязал себе лицо и голову. Как только получит облегчение в этом, он снова подвергнется подагре, так что, следовательно, не выходит из дома. Вся болезнь может быть такого рода: во-первых, чтобы не давать Пруссии неблагоприятного ответа... во-вторых, турецкая война идет не так, как того желали бы».

Все верно, но зато Остерман удержался на своих постах при шести правительствах, и все работал, работал... По его инициативе были проведены в жизнь полезные для людей преобразования: уменьшен срок дворянской службы, снизился размер податей. Были приняты меры для улучшения торговли, дел судебных, развития грамотности. Надо сказать, что он давал по большей части разумные советы, беда только, что им не всегда следовали. Например, он был против войны 1736 года с Портой. Крымские татары нападают на нас на

границах, бесчинствуют – воюйте, пресекайте бесчинства, но не ввязывайтесь в большую войну. Не послушались! В этой войне мы одержали множество побед, но они ничего России, кроме опустошения казны и гибели множества людей, не принесли. Правда, мы несколько расширили свои границы. А зачем? Вот уж чего у нас в достатке, так это, не скажешь даже земли, – пространств.

В 1740 году Остерман сочинил манифест о заключении мира с турками, за что получил от императрицы 5000 рублей пенсии (сверх жалованья), серебряный сервиз и перстень с бриллиантом.

При Анне Леопольдовне Остерман упрочил свое положение и после падения Миниха стал фактическим правителем страны. Для этой высокой должности он не подходил по размерам, «широкости» не хватило. Можно сказать, что в браке «он был счастлив», во всяком случае, супруга была верна ему до смертного часа. Еще Петр I женил его на красавице Мавре Стрешневой (1798–1781), кто-то из современников оценил красавицу так: «Она была одна из самых злых созданий, существующих на земле». Автор этих строк, может быть, не объективен, мало ли какие там у них сложились отношения, но то что Мавра Ивановна была плохой хозяйкой, это точно, целый хор современников это подтверждает. Андрей Иванович без женского присмотра был попросту нечистоплотен (не в духовном смысле, а в физическом) – одет кое-как, ногти не чищены, лисья доха вся залоснилась на рукавах. И дом под стать хозяину. Да, он скуп, но мебель приличную можно приобрести! Слуги одеты как нищие, пол не метен, драгоценный серебряный сервиз не стоит на горке, сверкая боками, а пущен в повседневный обиход – замызган, засален и выглядит как оловянный. Видно, Остерману было совершенно наплевать на такие мелочи, как быт. Все его интересы были сосредоточены на работе. У четы Остерманов было четверо детей. Один умер в младенчестве. Остались дочь Анна и два сына – Федор и Иван. Иван сделал блестящую карьеру, он был дипломатом, посланником в Швеции, а впоследствии государственным канцлером России.

Андрей Иванович Остерман знал через своих агентов о заговоре цесаревны и не раз предупреждал о том правительницу Анну Леопольдовну, но, видно, недостаточно настойчив был в своих предупреждениях, а скорее всего, просто не оценил Елизавету по достоинству. А дальше – арест и суд. Вот зафиксированные следователями вины Остермана: «Подписав духовное завещание Екатерины I и присягнув исполнять его, он изменил присяге; после смерти Петра II и Анны Иоанновны устранил Елизавету Петровну от престола; сочинил манифест о назначении принца Иоанна Браунгшвейгского; советовал Анне Леопольдовне выдать Елизавету Петровну замуж за иностранного “убогого принца”; раздавал государственные места чужестранцам и преследовал русских; делал Елизавете Петровне “разные оскорбления”...» Список можно продолжать, но он столь же бессмысленен. В нем все правда, но за это не колесуют. И кроме того, неплохо бы вспомнить о заслугах этого человека. Он уехал в ссылку в Березов, где и умер в 1747 году.

В заключение цитата из «Записок» Манштейна: «Граф Остерман был без сомнения в свое время один из величайших министров в Европе. Он совершенно знал пользы всех держав; имел способность обнимать все одним взором, и одарен будучи от природы редким умом, соединял с оным примерное трудолюбие, проворство и бескорыстие. Он никогда не принимал ни малейшего подарка от иностранных дворов, не получив прежде на то позволения от своего двора. С другой стороны, имел чрезвычайную недоверчивость и простирали часто слишком далеко свои подозрения; не мог терпеть никого выше себя, также равного, разве несведущего. Никогда коллеги его в Кабинете не были им довольны; он во всем хотел быть главным, а чтобы прочие соглашались только с ним и подписывали».

Бухард-Христофор Миних

Энциклопедия столетней давности пишет, что Бухард-Христофор Миних (1683–1767), русский государственный деятель, «не нашел пока беспристрастной оценки в русской

историографии». По-моему, ничего не изменилось и по сей день. Мнение о Минихе очень противоречиво. Иные возносят его до небес как инженера и полководца, другие считают, что полководцем он был никаким, солдат не щадил и клал их на полях битв многими тысячами. (Можно подумать, что наш великий Жуков щадил солдат!) Но и почитатели, и противники Миниха сходятся в одном – он был фигурой значительной и служил русскому трону достойно. Он был недругом Елизаветы Петровны, и очень жаль, что ненависть императрицы вычеркнула из его жизни двадцать, проведенных в ссылке, лет.

Бухард Миних родился в графстве Ольденбургском 9 мая 1683 года. Графство это было немецким, но со временем вошло в состав Дании. Род Миниха принадлежал к крестьянскому сословию, а так как графство Ольденбургское и лежащее рядом Дельменгорское по сути своей сплошные болота, то все предки Миниха занимались осушением этих болот. Отец Бухарда – Антон-Гюнтер Миних – служил в датской службе и дослужился до полковника, а позднее был назначен главным надзирателем над плотинами и осушением в двух упомянутых графствах. Когда сыну Бухарду было 19 лет, отец получил дворянство.

Любовь к гидравлике была у Бухарда в крови. Учился он прилежно, пособием к теории была сама жизнь – отец часто брал его с собой в служебные поездки. Он отлично чертил, занимался математикой и механикой, между делом выучил французский. Но не век же сидеть на осушении болот. Юный Миних хотел посмотреть жизнь. Отец в молодости воевал, и он будет делать военную карьеру! Шестнадцати лет Бухард поступил во Франции на военную инженерную службу, но вскоре его увлекли поля битв – началась заварушка, известная в истории как Война за испанское наследство. Он воевал с французами против немцев, потом с немцами против французов.

Отец с трудом оторвал его от военных подвигов. Женщины вились вокруг него, как рой пчел, но он сумел выбрать «правильную» подругу жизни. Женой его стала фрейлина Гессен-Дармштадтского двора Христрина Лукреция Вицлебен, двадцатилетняя красавица и умница. Но и она не удержала его у семейного очага. Миних опять воюет. Он сражался под командой величайших полководцев своего времени – принца Евгения Савойского и герцога Мальборо. Рана кинжалом в живот и долгое лечение в Париже несколько охладили его пыл. Свой плен он вспоминал не без удовольствия, французы к нему замечательно относились.

А почему бы нет? Миних легко сходился с людьми. Н.И. Костомаров пишет: «Он был очень высок ростом, чрезвычайно статно сложен, красив лицом; его высокий открытый лоб и быстрые пронизательные глаза с первого раза выказывали величие духа, которое заставляет любить, уважать и во всем повиноваться». Мы переживаем – засилье немцев у трона, русскому человеку не дают выдвинуться, а в XVIII веке было обычным делом идти служить в другие государства. Не можешь найти дельной службы на родине, ищи работу в другом месте. Алексей Бестужев начинал свою карьеру в Англии, и Петр I только приветствовал это.

Потом Миних служил польскому королю Августу II. В Польшу он попал уже овеванным славой полковником, но не сошелся характерам с фаворитом. Миних любил служить сильнейшему. Решил искать другое место. Кто в Европе у всех на устах? Шведский король Карл XII и Петр I. Судьба сама сделала выбор, Карл XII погиб. Случай свел Миниха с русским посланником в Польше князем Григорием Долгоруким, тот и предложил Бухарду попытать счастья в России. Через Долгорукого Миних передал в Петербург царю свой трактат о фортификации, после прочтения которого он был приглашен в Петербург на должность генерал-инженера с обещанием немедленно получить чин генерал-поручика. Это решило дело. В феврале 1721 года Миних с семьей был уже в Петербурге. Ему было 37 лет.

Миних приступил к своим обязанностям, однако с предоставлением нового чина не торопились. Беда была в том, что Миних необыкновенно молодо выглядел. Царь долго присматривался к новому инженеру, возил его с собой на верфи, на военные укрепления. Так с царской свитой он попал в Ригу, где судьба нашла возможность помочь талантливому инженеру. Случилось вот что. Удар молнии сжег колокольню церкви Св. Петра. Это произошло на глазах Петра I и произвело на него очень неприятное впечатление. Петр приказал немедленно восстановить колокольню. Однако выяснилось, что в рижском

магистрате нет ни чертежей, ни рисунков сгоревшей колокольни. Никто не осмеливался доложить царю об отсутствии рисунка. И вдруг любимец царя Ягужинский узнает – есть рисунок! Оказывается, Миних за день перед грозой от нечего делать нарисовал колокольню Св. Петра. Неожиданное совпадение помогло Ягужинскому вспомнить об обещанном Миниху чине. Царь был доволен.

Но не это событие по-настоящему сблизило Миниха с русским царем, а любовь к воде, именно к Ладожскому каналу, который еще не был достроен. Это было любимое детище Петра. Его начали строить еще в 1710 году. Ладожское озеро было очень беспокойным, много судов гибло, особенно осенью. Канал мог наладить нормальное судоходство. Руководство строительством канала было поручено генерал-майору Писареву, креатуре Меншикова. Строительство велось неграмотно, бестолково, огромные суммы попросту разворовывались. После Персидского похода 1723 года Петр решил навести на канале ревизию, в результате которой Писарев был отставлен, а руководство строительством поручено Миниху. Этим Миних приобрел серьезного врага в лице Меншикова.

К власти пришла Екатерина I. Миних не уехал из России. Меншиков был свергнут, отбыл в ссылку. Миних продолжал успешно работать. В награду за службу он получил в собственность деревню и дворец на построенном им канале, остров на Неве близ Шлиссельбурга, а также право таможенных и кабацких сборов на Ладожском озере. То есть все шло прекрасно, но две мечты не были осуществлены, а герой наш был горяч, жаден до работы, жизни и денег. Он хотел иметь достойный дом в Петербурге и чин генерал-фельдцейхмейстера. К этому времени он уже похоронил верную и любимую жену Христину Лукрецию.

В январе 1728 года двор с Петром II отбыл в Москву. Миних остался в Петербурге и стал генерал-губернатором Северной столицы. За время своего губернаторства он успел сделать много полезных дел для города и армии. В это время он вступил во второй брак (и опять по любви) с Варварой Елеонорой, вдовой обер-гофмаршала Салтыкова – урожденной немкой. В этом браке он тоже был счастлив.

В политических играх верховников Миних участия не принимал. Он был умным человеком и понимал, что негоже ему, немцу, вмешиваться в критический момент в русские дела. К этому времени он близко познакомился с Остерманом, тот представил его государыне и Бирону. Фавориту Миних понравился: любезен, умен, находчив в разговоре. Не без помощи Бирона Миних получил возжеланный чин генерал-фельдцейхмейстера, а позднее, после смерти князя Трубецкого, – освободившееся место президента Военной коллегии. Потом Анна Иоанновна ввела его в Кабинет. Государыня ценила высоких, красивых и преданных мужчин.

Получив чин в русской армии, Миних сразу же произвел ряд преобразований: он создал два новых гвардейских полка – Измайловский и Конной гвардии, уравнивал жалованье русских и иностранных офицеров. Ранее по заведенному Петром I порядку иноземцам платили вдвое больше. Минихом был организован Сухопутный шляхетский корпус, где дворянские дети в возрасте от тринадцати до восемнадцати лет обучались военным наукам. Корпус разместился в бывшем дворце Меншикова. Еще нововведение – при гарнизонах пехотных полков начали обучать и солдатских детей. Не много найдется русских, которые в то время сделали бы для армии больше, чем этот немец датского происхождения.

Когда двор Анны вернулся в Петербург, Миних смог показать себя в полном блеске: он повез государыню прокатиться по Ладожскому каналу. Путешествовали на яхте, за императрицей следовал эскорт из восьмидесяти судов. Триумф был полный!

Анна не скрывала своего расположения к Миниху. Это способствовало его карьере, но отвратило от него Остермана, который боялся соперника на политической арене. Еще больше обеспокоился Бирон. Миниху уже пятьдесят, но он по-прежнему молодежав, умеет разговаривать с дамами и льстит им так искусно, что каждая готова ему верить.

Отношения между Бироном и Минихом быстро пошли вразнос, тем более что нашелся третий – Левенвольде. Кажется, обер-шталмейстеру-то чем Миних не угодил? Ничем и всем.

Есть тяжелое заболевание у людей – зависть. Этот недуг сродни ревности, страху или жадности. Если зависть не гасить постоянными подачками, делая хотя бы малые гадости сопернику, сердце завистника разорвется от невыносимых мук. Впрочем, и сам Миних не был лишен этих общечеловеческих качеств, но это так, к слову. Общими усилиями – канцлер граф Головкин тоже принимал в этом участие – наши царедворцы удалили Миниха вначале из дворца, то есть заставили его оставить апартаменты (тогда ближайшая к императрице знать большую часть времени жила в непосредственной близости от императрицы), а потом и вовсе из Петербурга. Миних отправился воевать в Польшу.

В это время польские дела были самые горячие в Европе. В феврале 1733 года скончался Август I Саксонский, король польский – союзник России еще со времен Петра I. «Пост» короля в Речи Посполитой, как известно, был выборным, и в эти выборы немедленно вмешались Франция, Россия и Австрия. Ставленником Франции был Станислав Лещинский (тесть Людовика XV), Россия и Австрия прочили на польский трон сына покойного Августа – нового курфюрста Саксонского, его звали тоже Август. В борьбе за польский трон Франция действовала с помощью интриг и золота, Россия, как всегда, делала ставку на военную силу – что у нас дешевле, чем люди?

Польша выбрала Лещинского. Россия ввела туда войска под командованием генерала Ласси и заняла Польшу. Лещинский бежал в Данциг (Гданьск). Началась осада города. Наши войска действовали нерешительно, и Бирон посоветовал императрице послать туда для поправки дел Миниха. Так началась его военная карьера. Осада Данцига продолжалась сто тридцать пять дней. Лещинский, переодевшись в крестьянское платье, бежал из города. На польский трон сел Август II Саксонский.

Миних вернулся в Петербург победителем. Недруги тут же пустили слух, что Миних за взятку дал Лещинскому скрыться, надо бы с этим разобраться. Но сплетни скоро утихли, потому что на подходе была уже новая война – с Турцией. Не буду описывать подробности этой войны, не женское это дело, скажу только, что Миних одержал несколько славных побед и такое же количество не менее обидных поражений. Летняя кампания 1737 года ознаменовалась победой в Очакове, сильно укрепленной крепости турок. Осада была долгой, но в решающий бой русской артиллерии удалось поджечь пороховой склад. Ужасающей силы взрыв заставил турок выбросить белый флаг.

Самой яркой победой Миниха было взятие Хотина в 1739 году. Этой победе Ломоносов посвятил свою известную оду. Затем русская армия перешла Прут и в сентябре уже праздновала присоединение к России Молдавии. Путь в Турцию, как говорят на войне, «был открыт». Но в дело вмешалась коварная наука дипломатия. Австрия вела войну с турками менее успешно. Франция тут же предложила австриякам посредничество в заключении мира. России этот мир был вроде не с руки, но делать нечего, согласились. В результате Белградского мира весь навар от войны достался Австрии, а Россия, как и прежде, не имела право держать в Черном и Азовском морях свои корабли. Энциклопедия сообщает: «Военные успехи Миниха не имели почти никаких результатов для России», и от себя добавлю: только народу положили немерено.

Отпраздновали победу над турками в Петербурге тем не менее очень широко. Герольды разъезжали по улицам, бросая в толпы народа золотые и серебряные деньги, во всех церквях служили молебны, народу на площади выставили жареного быка, из фонтана струилась водка, откуда ее черпали ковшами. А уж пьяных было! В царском дворце был роскошный прием и раздача наград. Самые щедрые награды получил Бирон, ему подарили золотой в бриллиантах кубок с вложенным в него указом о выдаче герцогу Курляндскому пятисот тысяч рублей. Миних получил ежегодную пенсию в пять тысяч рублей и золотую шпагу. Все были обласканы, даже начальник Тайной канцелярии Ушаков получил награду – портрет государыни ценой в четыре тысячи рублей.

А Миних чувствовал себя обиженным. Он хотел блага для России, жаждал осуществления своих честолюбивых планов, но все ушло в песок. Отомстить Бирону, как уже говорилось, ему удалось при Анне Леопольдовне. После свержения регента вся власть

могла сосредоточиться в руках Миниха, он даже потеснил Остермана. И вдруг болезнь. Как пишут старые документы, Миниха свалила «жесточайшая колика», ходили даже слухи, что он отравлен. Болел долго, а когда выздоровел, понял, что власть уплыла из его рук.

Бирон, уже сидя в Шлиссельбурге, показал на следствии, что Миних в свое время сам способствовал принятию им, Бироном, регентства, а потом сам же его арестовал. Правительница боялась Миниха, боялась его решительности, авторитета в армии – а ну как он и ее лишит власти! Она решила обезопасить себя благодеяниями: назначила 15-тысячный годовой пансион, подарила конфискованное у Бирона имение в Силезии. Но Миних и не думал никому мстить. Поговаривали, что он собирается уехать в Европу и поступить на службу к Фридриху II, но это все не более чем слухи.

В этом состоянии и застал его переворот 1741 года. Ноябрьской ночью он был арестован. Шетарди пишет, что солдаты при аресте обращались с ним грубо, но есть и другие мнения – солдаты уважали бывшего фельдмаршала, поэтому вели себя с ним уважительно. Дальше – следствие. Костомаров пишет, что из всех арестованных Миних был «невиннее всех». Так-то оно так, но Елизавете он сумел насолить более всех других, он не рассмотрел в ней будущую императрицу, он был с ней недостаточно почтителен и попросту не замечал ее, чем обижал еще больше.

Судя по опросным листам, Миниха судили в основном за верную службу Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне, а еще за то, что он никогда не выказывал желания посадить на трон Елизавету Петровну. Обвинение в том, что он, назначая на должности, отдавал предпочтение землякам, было общим, в этом обвиняли и Остермана, и Бирона, и Левенвольде, но в случае с Минихом налицо противоречие. Ведь именно он повысил жалованье русским офицерам, приравняв их к иностранцам. Обвинений было много, и все они носили чисто формальный характер.

Председателем судебной комиссии был князь Никита Трубецкой. На турецкой войне по его вине, может быть из-за нерасторопности, но не исключено, что по причине воровства, не были доставлены вовремя в армию провиант и оружие. Дело обнаружилось, и только благодаря заступничеству Миниха Трубецкой избежал военного суда. И вот теперь этот человек обвиняет бывшего фельдмаршала в казнокрадстве. Миних смог в этом оправдаться, сославшись на сохранившиеся донесения, но он не стал этого делать. Ответ его комиссии и самому Трубецкому был таков: «Пред судом Всевышнего мое оправдание будет лучше принято, чем перед вашим судом! Я в одном только внутренне себя укоряю – зачем не повесил тебя, когда ты занимал должность генерал-кригс-комиссара во время турецкой войны и был обличен в похищении казенного достояния. Вот этого я себе не прощу до самой смерти». Сидя за занавеской, императрица слышала эти слова, и тут же повелела прекратить следствие над Минихом. Понятно, что о смертной казни речи быть не могло, главное было услатить людей старой власти подальше от Петербурга. Их час кончился, на арену дворцовой жизни пришли другие люди.

Казнь мной уже описана, скажу только в дополнение, что решение Елизаветы относительно жен преступников было милостивым. Они могли следовать за своими мужьями в ссылку, но имели также право остаться в собственном доме со всеми правами состояния. Декабристки были не первыми, кто последовал за мужьями в Сибирь. Верная супруга Миниха Варвара Елеонора разделила с мужем все тяготы сибирской жизни. Наблюдать за отправкой ссыльных из Петербурга было поручено князю Шаховскому. В своих записках он оставил необычайно яркое описание поведения Миниха накануне отъезда. Вначале Шаховской был у Остермана и застал его стенающим и плачущим от боли в ногах и отчаяния от предстоящей поездки. Левенвольде вообще бился в истерике. Затем князь направился в казарму к Миниху: «Как только в оную казарму двери передо мной отворились, то он, стоя у другой стены, возле окна ко входу спиною, в тот же миг поверотись, в смелом виде с такими быстро растворенными глазами, с каким я имел случай неоднократно в опасных с неприятелем сражениях порохом окуриваемым видать, шел ко мне навстречу, и приближаясь, смело смотря на меня, ожидал, что я скажу. Сии мной примеченные сего мужа

геройские и против своего злосчастия оказываемые знаки возбуждали во мне желание и в том случае оказать ему излишнее пред другими такими же почтение, но как то было бы тогда неприлично и для меня бедственно, то я сколько возмог, не переменяя своего вида, так же как и прежним двум, уже отправленным, все подлежащие ему в пристойном виде объявил и довольно приметил, что он более досаду, нежели печаль и страх на лице своем являл».

Пелым – крохотный поселок в двадцать домов в 700 верстах от Тобольска, сейчас он входит в состав Екатеринбургской области. Поселили ссыльных в доме воеводы за высоким частоколом. С Минихом в ссылку пошли врач и пастор и несколько человек слуг. Все они имели право выходить за забор, но сам Миних был пленником. Но он не переносил бездействия. С присущим ему оптимизмом он принялся за работу, развел небольшой огород подле дома. В письме к брату (его Елизавета не арестовала) Миних пишет, что местное население, «кои стрелянием соболей и оленей питаются», не знает, что такое горох, лук, брюква и капуста. Он был религиозен, поэтому истово молился Богу, изучал латынь, много читал. Но самым интересным занятием для Миниха, особенно в первое время, было писать письма в Петербург. Это были не просто прошения о помиловании, не слезные обещания «искупить вину», это инженерные проекты по улучшению жизни Петербурга, строительству гаваней и новых каналов. Были и военные проекты, например, об укреплении украинской линии против турецкой границы, и даже размышления о новой войне с Турцией. При этом он писал, что осуществить его инженерные идеи может только он, Миних, поэтому пора бы вернуть его из ссылки в нормальную жизнь.

Но какое дело было Елизавете Петровне до его инженерных проектов? Они ее совершенно не интересовали. О помиловании Миниха не могло быть и речи, и не только потому, что императрица его не любила. С ее точки зрения, он был враг, и она его боялась. Миних был популярен в армии, настойчив в достижении цели, а пока жив свергнутый ею император, всегда есть опасность нового переворота. Миних писал не только императрице, но и Бестужеву, и Алексею Разумовскому. Последний был добрым человеком, но и ему было бессмысленно уговаривать Елизавету изменить участь Миниха. Через пять лет Елизавета запретила принимать письма от экс-фельдмаршала – видимо, он ей смертельно надоел.

Вернул Миниха в Петербург Петр III. Ссылка продолжалась двадцать лет. Весть об освобождении Миних воспринял с великой радостью. В свои 79 лет он был бодр, уверен в себе и полон планов на будущее. Жена вот только часто хворала. Весь путь от Пелыма до Москвы ехали в санях; бывшие узники покрыли его в двадцать пять дней. По тем временам это фантастическая скорость.

Император принял Миниха очень ласково, вернул ему утраченное состояние, спросил, хочет ли тот уйти на покой или служить России. О конечно, служить! Скоро выяснилось, что Миних обо всем имеет собственное мнение, отличное от императорского. Например, он был против войны с Данией, которой бредил Петр III, не одобрял он и преобразование армии по прусскому образцу. Но разногласия не помешали Миниху остаться верным Петру до последнего часа. Это Миних посоветовал императору плыть в Кронштадт, чтобы противодействовать захватившей власть жене. Петр долго размышлял и упустил время, Кронштадт его не принял. Тогда Миних посоветовал плыть в Ревель к русской эскадре, плыть на веслах. Здесь уж вся свита взбунтовалась. Послушайся Петр совета Миниха, может быть, остался бы жив.

Екатерина простила Миниху усердие на службе ее мужу. «Вы хотели сражаться против меня?» – спросила она Миниха. Тот ответил: «Я хотел жизнью своей пожертвовать за императора, который дал мне свободу. Но теперь я считаю своим долгом сражаться за вас». Екатерина назначила Миниха начальником над каналами и портами. Он с удовольствием принял новое назначение и занялся строительством Регервикской гавани.

У Миниха было четверо детей – все от первого брака – сын и три дочери. Он успел дождаться не только внуков, но и правнуков. Умер Миних 16 октября 1767 года в возрасте 84 года. Похоронен он в своем имении Лунии недалеко от Дерпта.

Алексей Григорьевич Разумовский (Продолжение)

Алексей Разумовский никогда не занимался политическими делами, поэтому никакого участия в заговоре не принимал; более того, он даже не был посвящен в тайну, но когда все свершилось, вполне одобрил свершившееся и даже давал дельные советы. Так, например, Разумовский поддержал кандидатуру Алексея Петровича Бестужева и не изменил своего мнения все годы работы канцлера.

После переворота жизнь нашего героя совершенно переменилась: он действительный камерегер двора ее величества, второй генерал-поручик гренадерского Преображенского полка (первый поручик – Воронцов) и «ночной император», как называли его злоязычники при дворе. И началась сказочная жизнь.

Елизавете предстояла коронация, для чего императрица вместе с прибывшим в Россию из Киля наследником поехала в Москву. В старую столицу также отправились Сенат, Синод, Иностранная и Военная коллегии, почта, казначейство, придворная канцелярия, службы дворца, – словом – все! Кто-то подсчитал, что для этой поездки нужно было 19 тысяч лошадей. Фантастическая цифра! На этот раз поездка была особенно праздничной. По городам и весям императрицу встречали радостные подданные с иконами, колокола звонили, все веселились. В ночное время вдоль дороги зажигали бочки со смолой. Елизавета любила быструю езду, и неслась по заснеженным просторам ее кибитка, «аки птица». Это был дом на полозьях, меблированный столом и удобными креслами, в кибитку были запряжены двенадцать лошадей, которых меняли на каждом постоялом дворе. За царской кибиткой тянулся огромный хвост с кибитками вельмож и чиновников.

Коронация состоялась 25 апреля 1742 года и была очень торжественной. Затем начался сплошной праздник, продолжавшийся полгода: балы, пиры и маскарады, охота, конечно. Вот здесь уж Елизавета дала себе волю, отомстив судьбе за упущенное время. Ключевский пишет, что Елизавета жила «не сводя с себя глаз». Ее страсть к нарядам и уходу за лицом и телом была сродни безумию, примерно так выражается Валишевский. Бал – это танцы до упаду; государыня, простите, потела, поэтому иногда за вечер меняла три платья. Пишут с возмущением, что после ее смерти остались 15 тысяч платьев, тысяча пар туфель, два сундука шелковых чулок и сотни метров дорогих французских тканей.

Никто нигде не пишет, что Алексей Разумовский любил танцевать. Конечно, он посещал все балы, но наблюдал за Елизаветой издали. Наверное, он был счастлив. Во время коронации Разумовский нес шлейф императорской мантии, дело весьма почетное. После коронации он стал кавалером ордена Св. апостола Андрея Первозванного, а также обер-егермейстером. Но почета мало, нужно еще личное богатство. Елизавета пожаловала фавориту земли из конфискованного имущества Миниха – поместье Рождественское-Поречье, Гостилицы и пр.

Благодеяния императрицы распространились и на семью Разумовских. Матушка Наталья Демьяновна была приглашена в Москву. В Лемешах прибыл курьер в роскошной карете, полной подарков, чем произвел небывалый переполох. Обрядившись в новую соболью шубу, Разумиха с дочерьми отбыла в Москву.

И вот встреча с сыном. Почти десять лет прошло, как он оставил родную деревню. Она не узнала своего Алешеньку в красавце вельможе, который встретил ее на пороге дворца, и сразу повалилась ему в ноги. Признать наконец сына помогла только родинка, да еще шрам, отметка детства. Теперь предстоял визит к самой императрице. Представляю, как неудобно, стыдно и непривычно было бедной женщине в платье-робе с фижмами, с обнаженной шеей и руками, в тесном парике. Во дворце она увидела себя в зеркале и тут же упала на колени, решив, что перед ней сама императрица.

Елизавета приняла Наталью Демьяновну очень ласково, назначила статс-дамой, отвела ей помещение во дворце. Одна из дочерей – Авдотья – стала фрейлиной. Дочь быстро освоилась с новой должностью, а сама Разумиха очень скучала в Москве, все здесь было ей чужим, и, как только двор решил переехать в Петербург, она запросилась домой. Елизавета

не препятствовала ее отъезду.

Более того, она в 1744 году решила посетить Киев, «мать городов русских», а заодно посмотреть на деревню Лемеша и познакомиться со всей родней своего тайного супруга. Императрица и хозяйка корчмы! Можно сказать, что Елизавета совершенно «опростилась», но ведь это было вполне созвучно с ее жизнью в бытность цесаревной. Вот что значит «матушка из простонародья», гены не обманешь. Екатерина I не приобрела на троне чванства и великокняжеской спеси, такой же была и Елизавета. Она остановилась в городке Козельце в доме, построенном Алексеем Разумовским, прожила там полмесяца, со всеми познакомилась и, весьма довольная, уехала.

А родня переполошилась: каждый ждал милостей, даже дьячок, который когда-то учил мальчика Разумовского грамоте, решил попытать счастья. Он приехал в Петербург, осмотрелся, побывал в опере и, ничтоже сумняшеся, попросил бывшего ученика устроить его капельмейстером в театре.

В месте капельмейстера дьячку было отказано, но для сестер своих, племянников, племянниц и брата Кирилла Алексей Григорьевич сделал очень много. Кирилл был моложе Алексея на девятнадцать лет. Как только толковому и шустрому молодому человеку исполнилось 16, его инкогнито отправили за границу учиться. И он выучился настолько, что через два года, вернувшись на родину, был назначен президентом Академии наук. Конечно, это было смешное назначение, но в те времена от Академии никто ничего по части наук и не ждал, Кирилл Григорьевич и в 18 лет показал себя с достойной стороны – он был умен, более-менее образован, умел себя вести и хорошо говорил. Чего еще надо? Племянники тоже прошли выучку за границей, сестры удачно вышли замуж.

Теперь относительно тайного брака. Существует устойчивая легенда, что в 1742 году Елизавета и Алексей Разумовский тайно обвенчались в маленькой церкви в подмосковной деревеньке Перово. Ни церковной записи, ни каких бы то ни было документов не сохранилось, но в наличии рассказы очевидцев – хочешь верь, хочешь нет. Дальше все идет со словом «якобы». Елизавету побудили к браку ее духовник Дубенский и Бестужев. Бестужев рассчитывал и дальше на поддержку Разумовского, а опасность, что Елизавета со временем выйдет замуж, не сходила с повестки дня. В России опять появился искатель приключений Мориц Саксонский, Бестужев боялся – вдруг сумасбродной императрице взбредет в голову связать себя браком с этим красавцем и авантюристом. Но все это только версии и сомнительные догадки.

Современники усматривают, что с 1742 года отношения Елизаветы и Разумовского стали более доверительными, попросту говоря – семейными. Он жил с ней рядом во дворце, она заходила к нему запросто, а он принимал ее по-домашнему, в халате. Французский посол д'Альон получил от своего правительства задание выяснить точно – венчались или нет? Посол писал в Париж уклончиво, де, брак этот считается достоверным, дескать, и свидетели есть – Лесток и госпожа Шувалова, но они молчат. Что тут скажешь? Молва точно так же венчала Анну Иоанновну и Бирона, Екатерину с Потемкиным, так что читатель вправе сам выбрать версию.

Алексей Разумовский на протяжении всего фавора выглядит как очень порядочный, скромный и симпатичный человек. У него был легкий характер, при его добродушии и бесхитростности он имел острый глаз и врожденное чувство юмора. Он всегда помнил о своем происхождении и не только не пытался его скрыть, но не делал ничего, чтобы это забыли при дворе. А недостатки? Можно сказать, один, но существенный. Пил наш герой и буен был во хмелю. Но в России с легкостью прощают этот порок.

В 1744 году Елизавета возвела своего «супруга» в графы Священной Римской империи. Патент Карла VII, по которому Разумовский получил графский титул, делал его «потомком княжеского рода». Тут же нашлись угодники, которые написали, что род Разумовских ведет свое начало от некоего польского шляхтича Романа Рожинского. Алексей Григорьевич первый осмелел это генеалогическое дерево, похожее более на развесистую клюкву. В 1757 году в Семилетнюю войну Елизавета присвоила ему чин генерал-фельдмаршала. Он

поблагодарил государыню за любовь и доверие, но при этом сказал: «Лиза, ты можешь сделать из меня что хочешь, но ты никогда не заставишь других считаться со мной серьезно, хотя бы как с простым поручиком».

Он был щедр, держал открытый стол. Там шла большая карточная игра, и его ближайшие друзья обворовывали его самым беззастенчивым образом. Он знал это, но не удостаивал «друзей» ни порицанием, ни обидой. Фактически малограмотный, он любил общаться с образованными людьми, поэтому водил компанию и с Тепловым, адъюнктом Академии наук, и с драматургом Сумароковым, добрые отношения у него были и с Елагиным, и с Ададуровым. Когда рядом с императрицей появился Иван Иванович Шувалов и фавор Разумовского, с точки зрения окружения, покачнулся, он продолжал так же боготворить Елизавету, не уставая благодарить ее за милость и любовь.

Были ли у них дети? Более поздняя легенда приписывает Разумовскому отцовство некой старицы Досифеи, которая кончила жизнь в монастыре. Имя старицы выплыло в связи со скандальной историей авантюристки княжны Таракановой, провозгласившей себя дочерью Разумовского и императрицы Елизаветы. Происхождение фамилии объясняет в своем труде «Семейство Разумовских» А.А. Васильчиков. Он считает, что имя Таракановой произошло от фамилии, которую носили племянники Разумовского, обучающиеся за границей, – Дараган. Дараганы стали Дарагановыми, а там осталось поменять только первую букву.

С именем Алексея Григорьевича Разумовского связана еще одна легендарная история, сыгравшая существенную роль при русском дворе. Екатерину II тоже хотели выдать замуж, идея и на этот раз принадлежала Бестужеву. На роль мужа предлагался Григорий Орлов. Клан Орловых посадил Екатерину на трон, не без их стараний был «устранен» нелюбимый муж, теперь от императрицы ждали естественной благодарности. Екатерина боялась этого брака, он бы связал ей руки, но ей говорили: «А как же государыня Елизавета? Раз есть прецедент, то следует поступать так же». И вот тогда к старику Разумовскому направился канцлер Воронцов и попросил показать документы, удостоверяющие его брак с Елизаветой. Разумовский вынул эти документы из шкатулки, дал их прочитать Воронцову, поцеловал бумаги, а после этого бросил их в огонь. Нет документов, нет прецедента, а значит, и браку с Орловым не бывать.

Шетарди, Елизавета и шведская война

Напомню состояние дел в Европе в то время, когда Елизавета получила трон. На австрийском престоле – королева Мария-Терезия. Большинство стран приняло прагматическую санкцию, но не Пруссия. Фридрих II отщипнул кусок от Великой Римской империи, чем сразу нарушил равновесие сил в Европе. Образовалось два враждующих лагеря: с одной стороны – Австрия и Англия, с другой – Франция и Пруссия. Теперь стоял вопрос – чью сторону примет Россия? В свое недолгое правление Анна Леопольдовна несколько запутала отношение русских с Европой заключением бездумных договоров о мире и взаимной помощи.

Вице-канцлер Алексей Бестужев очень быстро приобрел влияние и силу, но его отношения с Лестоком вскоре испортились. Лесток, по своей должности лейб-медика, был вхож к государыне в любое время. Он имел влияние на Елизавету, а потому мнил себя почти что правителем России. Да, он сам рекомендовал Бестужева на пост вице-канцлера, потому что был уверен, что тот будет знать свое место. Этого не случилось. Весь двор и сама Елизавета хотели «дружить» с Францией. Но Бестужев в иностранных делах продолжал политику Остермана, потому что такой политики придерживался Петр I. Австрия была традиционно союзницей России, Англии было отдано предпочтение как морской державе. Кроме того, он все время получал письма от нашего посла в Париже Кантемира, который писал: мол, не доверяйте Франции, она спит и видит, как бы подрезать России крылья. Сейчас на повестке дня стоял вопрос о Швеции, которая, несмотря на затишье, находилась

по-прежнему в состоянии войны с Россией.

Елизавета не любила заниматься политическими делами, но руку на пульсе страны она держала, в чем ей активно помогал Бестужев. Среди аккредитованных в России посланников Шетарди находился на особом положении. Он проморгал по беспечности переворот, но Елизавета вела себя с ним так, словно его участие в этом событии было решающим. Она была любезна, приветлива, более того, кокетлива. Правда Елизавета кокетничала даже с собственным отражением в зеркале, но француз решил, что сама судьба посылает ему возможность активно поработать на отечество.

Жак Иоахим Тротти маркиз де ла Шетарди

Шетарди (1705–1758) происходил из итальянской семьи из Турина. Матушка его (урожденная Монтале-Вильбрейль, из старинного, но совершенно обедневшего рода) была известна в основном своими похождениями, которые не раз становились достоянием желтой прессы того времени. В 1703 году она вышла замуж за маркиза Шетарди, через два года родился сын Жак Иоахим. Очень скоро мальчик стал сиротой. Маркиза вступила во второй брак с баварским графом Монастеролем. Семья жила очень весело, беспечно и расточительно. Вскоре они окончательно разорились, и граф Монастероль пустил себе пулю в лоб. Вдова осталась практически без средств и вынуждена была жить подачками от сильных мира сего.

Юный Шетарди пошел служить в армию и даже стал делать успешную карьеру, но все бросил и перешел на дипломатическую службу. Он побывал в Англии, восемь лет был посланником Франции в Берлине. В Россию он был послан после заключения мира с Турцией, в котором Франция была посредником. Знавшие Шетарди современники отмечают в нем три недостатка: легкомыслие, высокомерие и расточительность. На первый взгляд эти недостатки вовсе не страшны для дипломата. Но он часто путал в своей работе важное с второстепенным. Опять же современники говорят о нем, что его дипломатическая работа была смесью интриги и салонной болтовни. Он великолепно говорил, был обаятелен, остроумен, иногда ядовит, но чаще просто весел. Он не был жадным или мелочным; делая огромные долги, окружал свой быт роскошью. Он великолепно одевался, имел утонченный вкус, немудрено, что Елизавета очень выделяла его среди прочих придворных и дипломатов.

В шведско-русских отношениях Шетарди хорошо разбирался. С его подачи эта война началась, он много времени потратил на уговоры Елизаветы Петровны согласиться на помощь шведов, он склонил последних написать манифест, объясняющий причины этой войны. Теперь Шетарди считал своей прямой обязанностью привести две эти страны к миру и потому уговорил Елизавету Петровну написать письмо Людовику XV с просьбой посредничества Франции в подписании этого мира. Елизавета согласилась писать во Францию с одной просьбой: Шетарди должен был привезти ей портрет Людовика, по ее выражению, «единственного государя, к которому она чувствует склонность с тех лет, как себя помнит». Очевидно, желание матери выдать дочь «замуж за Францию» навсегда врезалось в ее сердце. Шетарди был очень доволен и клятвенно обещал привезти портрет.

Свою просьбу в письме королю осторожная Елизавета высказала уклончиво. Россия в этом послании просила не посредничества в переговорах, а «добрых услуг Франции». Это разночтение потом очень умело использовал Бестужев. Во Франции к письму Елизаветы отнеслись благосклонно: конечно, они помогут.

Шетарди считал, что он одержал дипломатическую победу. Посланники других государств смотрели на него с завистью. Английский посланник Финч доносил своему правительству: «Маркиз Шетарди, по-видимому, теперь главный советник, первый министр и во всех отношениях герцог Курляндский предшествующего царствования». Все посланники общались с императрицей на официальных приемах, а Шетарди, подобно Бирону, что называется, «открывал дверь ногой» в царские апартаменты.

Двор отправился в Москву на коронацию, туда же полетел полный надежд Шетарди.

Однако в Москве он очень скоро обнаружил, что отношение к нему Елизаветы изменилось в худшую сторону. Императрица была все время занята, у нее не было времени для душевных бесед с маркизом. А тут новая беда. Гроном среди ясного неба было сообщение, что шведы и русские возобновили военные действия. Кто сделал первый выстрел – потемки истории, шведы во всем обвиняли русских, тем более, что последние вели войну очень успешно. Генерал Буденброк и его армия были разгромлены.

Шетарди получил из Франции гневные письма. Людовик XV был оскорблен до крайности. Русские сами просили о мире, а теперь без предупреждения взяли за оружие! Причину подобного поведения легко объяснить. Отдадим должное Бестужеву. Он вовремя получил уведомление от своих агентов, на каких условиях Франция собиралась заключить шведско-русский мир. Войну начали шведы ради возведения Елизаветы на трон, – так? А это значит, Елизавета должна им заплатить издержки за эту войну. И неважно, что шведам не удалось выполнить свою задачу. Россия обошлась без них. Стало быть, они хотели получить огромные деньги не за сделанное дело, а за намерения. Более того, Бестужеву удалось перехватить тайную депешу французского министра Амло к своему посланнику в Турции, депешу крайне опасную. В ней говорилось, что появление Елизаветы на троне – случайно, оно погубит Россию. Амло настоятельно рекомендовал Турции действовать заодно со Швецией.

Бестужев предоставил полный и убедительный отчет о состоянии дел государыне; понятно, что после этого ей расхотелось вести сердечные беседы с Шетарди. Лесток был связующим звеном между Елизаветой и маркизом. Лейб-медик очень переживал, поскольку давно служил Франции, получая от нее вознаграждения. Теперь он, как мог, поддерживал Шетарди и все время твердил, что охлаждение императрицы временное, что она к нему замечательно относится, просто надо быть настойчивее. Вот выдержка из депеши Шетарди в Париж, написанная в мае 1742 года, она выглядит не как дипломатический документ, а как личное нервное письмо. Шетарди подошел к императрице на маскараде с такими словами: «Я готов был пожертвовать для вас жизнью, я много раз рисковал сломать себе шею на службе у вас». Он прямо сказал, что вынужден будет оставить Россию. И далее: «Через два месяца, надеюсь, вы освободитесь от меня; но когда четыре тысячи верст будут отделять меня от вашего величества, вы поймете – и это служит мне единственным утешением – что пожертвовали самым преданным вам человеком для лиц, которые обманывают вас». В последних словах был явный намек на Алексея Петровича Бестужева и его брата Михаила – обер-гофмейстера.

Так не разговаривают с императрицами – правда, может быть, Шетарди приврал для красного словца. Но Елизавета не обиделась. Она повела себя не как государыня, а как женщина, улыбнулась мило. Ах, ох, маркиз, это недоразумение, мои чувства к вам неизменны, но поверьте, маскарад не место для политических объяснений. Здесь танцуют.

Шетарди несколько успокоился, но вскоре узнал, что Россия вообще отказалась от посредничества Франции в мирных переговорах. А ведь это была идея Шетарди. И к чему все пришло? Из-за согласия устраивать дела Елизаветы Петровны Франция испортила отношения с Пруссией. Фридрих II заявил, что если вы «дружите» с Россией, то я «подружусь» с Австрией, вечной своей противницей. Шетарди знал виновника всех бед – Бестужев. Какое коварство – заявить, что Россия просила Францию только о «доброй услуге», хотя вся Европа произносила единственно правильное слово – посредничество, и сам Бестужев с этим ранее соглашался. Более того, негодяй вице-канцлер уже принял деньги от французского короля, а потом с невозмутимым видом вернул 15 тысяч ливров назад. Экая каналья!

Не будем осуждать Бестужева слишком строго. Это была не взятка, а всего лишь плата за услуги, узаконенная дипломатическими отношениями XVIII века. Мы платили иностранным министрам, они нам платили, получая при этом обоюдную выгоду. Были, конечно, и незаконные тайные взятки, но это случай особый.

Шетарди больше нечего было делать в России, и он попросил Париж выслать ему

отзывную грамоту, которая была прислана на удивление быстро. Пора было паковать чемоданы, и в этот момент Елизавета резко изменила отношение к Шетарди. Он вдруг опять стал незаменимым партнером в картах и самым желанным собеседником. Она готова была принять его в любое время. Он уже не дипломат, а просто частное лицо, и он ей симпатичен. В непринужденной беседе она опять ругала Бестужева: характер отвратительный, политика его непонятна, и вообще «он зашел слишком далеко». А эта фраза: «Пока я жива, я никогда не буду врагом Франции. Я слишком многим ей обязана».

Елизавета приглашала Шетарди к ужину, на охоту, принимала его даже в своей опочивальне (далее милых разговоров дело не пошло), а потом вдруг попросила отложить на некоторый срок свой отъезд и сопровождать ее на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Шетарди согласился. Паломничество было обставлено следующим образом: шли пешком за каретой, потом карета доставляла паломников на ночлег на постоялый двор или прямо в поле, где раскидывали шатры. На следующий день карета возвращала их на оставленное место, и опять пешком по направлению к святыне. Алексей Разумовский тоже принимал участие в поездке, но он умел стусеваться. Шетарди казалось, что их только двое, он и императрица, и она была весела, нежна, ласкова и все время твердила о любви к Франции, которая «имеет таких сынов».

В Шетарди еще был жив дипломат, и он пытался поговорить о деле, внушить императрице мысль о необходимой отставке вице-канцлера, но она закрывала ему рот. Паломникам негоже толковать о политике, вот вернемся в Москву...

Вернулись. И этот разговор состоялся. Вот как Валишевский, ссылаясь на официальную информацию, описывает эту встречу. «Чтобы нанести решительный удар, о котором он заранее так храбро хвалился в Версале, Шетарди заимствовал у Бестужева обычное для вице-канцлера оружие и раздобыл письмо маркиза Ланмари, французского посланника в Стокгольме, в которое вставил сфабрикованное им самим известие, что прусский король, действуя совместно с Бестужевым, хочет завладеть Курляндией и восстановить на престоле Иоанна Антоновича.

Елизавета испуганно смотрела на него.

– Вы имеете доказательства?

Он не имел доказательств и понял, что сделал ошибку. В лице своей подруги сердца он хотел говорить с императрицей, и вдруг действительно увидел в ней императрицу, высокомерную и недоступную. Ее ответ прозвучал сурово, как приговор:

– У нас не обвиняют людей, не доказав их преступления».

Лучше бы не было этого разговора, но Елизавета простила Шетарди и его «недозволенные речи». Он уехал из Петербурга обласканный, задаренный. Английский посланник Вейч писал: «По общему мнению маркиз увез с собой денег и подарков не менее, чем на полтораста тысяч рублей; таким образом, он недурно устроил свои личные дела. Зато дела французского короля только пострадали от того, что он приложил к ним свою руку». Шетарди увез не только подарки. Он получил орден Св. апостола Андрея Первозванного. «Чтоб позлить Бестужева», – шепнула Елизавета, вручая орденскую ленту.

Война со Швецией продолжалась. Для шведов она была разгромной, поэтому они стали просить мира. Несчастный генерал Буденброк предстал перед военным судом в Стокгольме и был расстрелян. Чтобы окоротить аппетит русских, шведы придумали объявить наследником престола герцога Голштинского, который давно жил в Петербурге, обращенный в православную веру. Началась торговля.

Мир со Швецией был заключен в местечке Або в июне 1743 года. Россия получила по мирному договору половину Южной Финляндии с городами и крепостями. Условие, что Петра Федоровича, герцога Голштинского, не будут звать на престол, шведами было соблюдено.

Но на этом рассказ о маркизе Шетарди не кончился.

Лесток и «бабий заговор»

Война со Швецией благополучно кончилась, но Елизавета не доверяла Европе. Она все время ждала от нее каких-то неприятных неожиданностей. Она не была уверена в прочности своего трона. От Брауншвейгской фамилии можно было ожидать чего угодно. Необходимо было, чтобы Европа, и в частности Франция, признали за ней право носить титул императрицы. Но Людовик XV с этим не торопился.

Дома все вроде было тихо, но это была настороженная тишина. Не может быть, чтобы все были довольны свержением Анны Леопольдовны и ее сына. Елизавета ждала заговора, и он возник. Погожим июльским утром 1743 года Елизавета собиралась в Петергоф. Переезд императрицы даже на ближайшие дачи был очень сложен, потому что было принято везти с собой не только одежду и вещи первой необходимости, но и мебель, зеркала, светильники, посуду и т. д. Все ломалось в дороге, но это мало кого волновало. Куда важнее было угодить императрице в сложной махине переезда.

Собрались, наконец. Государыня уже в карете сидела, как вдруг на взмыленной лошади прискакал Лесток. Доподлинно известно, что обер-штальмейстера Куракина, камергера Шувалова и его, Лестока, хотят умертвить, а потом отравить и саму императрицу.

Ужас охватил двор. Поездка была отменена. Куракин и камергер Шувалов на всякий случай заперлись в своих покоях, придворные не смыкали глаз ни днем ни ночью, у каждой двери стояли часовые. Именным указом у покоев императрицы был поставлен гвардейский пикет. Но уже через три дня взяли первого злодея. Им оказался подполковник Иван Лопухин, и следственная комиссия в составе генерал-прокурора Трубецкого, Лестока и главы Тайной канцелярии Ушакова приступила к первым допросам.

В самом имени арестованного слышалась крамола. Лопухины – старинный княжеский род. Эту фамилию носила первая жена Петра I Евдокия, от нее всегда шла зараза. Отец арестованного Ивана – бывший генерал-кригс-комиссар Степан Васильевич Лопухин – был двоюродным братом Евдокии. Плохого про него вроде и не скажешь, разве что – он был близок с опальным Левенвольде, но жена его Наталья Федоровна, одна из первых красавиц Москвы, была ненавистна Елизавете. Наталья Федоровна носила в девичестве фамилию Балк, она была племянницей Вильяма Монса, того самого любимца Петра I, которого потом император заподозрил в любовной связи со своей женой и казнил в назидание подобным негодьям. Из-за этого Монса Екатерина чуть было не лишилась трона.

Наталью Федоровну императрица не любила. Во-первых, никто не может быть красивее Елизаветы, а во-вторых, Лопухина вела себя вызывающе. У них уже была стычка. По этикету никто на балу не имеет право надевать платье нового фасона, пока его не обновила сама императрица. Это же правило касалось прически. И вдруг Наталья Федоровна на балу, может по глупости, а вернее всего, из бравады, копируя Елизавету, украсила свою прическу розой. Елизавета прервала танцы, заставила Лопухину встать на колени и собственноручно срезала розу с ее головы вместе с прядью волос. После этого она закатила негоднице две увесистых пощечины. Лопухина от ужаса и неожиданности лишилась чувств. Ее унесли. Глядя ей вслед, Елизавета бросила: «Ништо ей дуре!» и опять пошла танцевать.

Надо ли говорить, что Елизавета сразу поверила в этот заговор. В доме Натальи Лопухиной был поставлен караул, письма ее и мужа были опечатаны. Пока еще подполковника Ивана не называют отравителем, но на руках доносы справедливых людей: поручика лейб-кирасирского полка курляндца Бергера и майора Фалькенберга. Бергер объяснил, что был 17 июля вместе с подполковником Лопухиным в вольном доме, а оттуда пошли в дом к самому Ивану Лопухину, где тот жаловался. Пьяные речи его Бергер и предоставил следствию. Иван говорил: «Был я при дворе принцессы Анны камер-юнкером и в ранге полковничьем, а теперь определен в подполковники, и то не знаю куда; каналы Лялин и Сиверс в чины произведены, один из матросов, другой из кофешенков за скверное дело. Государыня ездит в Царское Село и напивается, любит английское пиво и для того берет с собой непотребных людей. Ей наследницей быть нельзя, потому что она незаконнорожденная. Рижский караул, который у императора Иоанна и у матери его, очень к

императору склонен, а нынешней государыне с тремястами канальями ее лейб-компани что сделать? Прежний караул был и крепче, а сделали, а теперь перемене легко сделаться... Будет через несколько месяцев перемена; отец мой писал матери моей, чтоб я никакой милости у государыни не искал. Поэтому мать моя ко двору не ездит. Да и я, после того как был в последнем маскараде, ко двору не хожу».

Майор Фалькенберг свидетельствовал, что Иван говорил такие речи: «Нынешние управители государства все негодные, не так как прежде были Остерман и Левольд, только Лесток – проворная каналья. Императору Иоанну будет король прусский помогать, а наши, надеюсь, за ружье примутся». Фалькенберг спросил: «Когда же это будет?» Лопухин ответил: «Скоро будет». И добавил, что австрийский посланник маркиз Ботта Иоанна верный слуга и доброжелатель, а потому будет ему помогать.

Вот и появилось новое имя – Ботта, австрийский посланник. Он уже оставил Россию, но это ничего не значит. Этим именем можно будет поторговаться с Австрией и утереть нос заносчивой и неприступной Марии-Терезии.

Приступили к допросам. Иван Лопухин повинился: да, говорил поносительные речи про любовь ее величества к пиву, говорил, что они изволили родиться за три года до законного брака родительского, больше ничего плохого не говорил, «а учинил ту продерзость, думая быть перемене, чему и радовался, что будет нам благополучие, как и прежде». То, что маркиза Ботту привлекли в разговоре в известном смысле, арестованный начисто отрицал. Лопухину устроили очную ставку с доносителями. Отпираться дальше не имело смысла. 26 июля на допросе Иван Лопухин сказал: «В Москве приезжал к матери моей маркиз Ботта, и после его отъезда мать пересказала мне слова Ботты, что он до тех пор не успокоится, пока не поможет принцессе Анне. Ботта говорил, что и прусский король ему будет помогать, и он, Ботта, станет о том стараться. Те же слова пересказывала моя мать графине Анне Гавриловне Бестужевой, когда та была у нее с дочерью Настасьей. Я слышал от отца и матери, как они против прежнего обижены; без вины деревня отнята, отец без награждения оставлен, сын из полковников в подполковники определен».

Очень интересно: вот уже и дамы появились. Участие Анны Гавриловны Бестужевой заинтересовало комиссию и обрадовало Лестока. В девичестве Головкина, она была сестрой сосланного Елизаветой бывшего вице-канцлера Михаила Гавриловича Головкина, верно служившего вместе с Остерманом Брауншвейгской фамилии. Первым браком она была Ягужинская, а теперь вышла замуж за Михаила Бестужева. Как все отлично складывается! После отъезда в Париж Шетарди Лесток главной своей задачей видел ослабление, а может быть, и окончательное устранение вице-канцлера Бестужева. Лейб-медику надо было отрабатывать французские деньги. А здесь такая удача – фамилия Бестужевых замарана участием в заговоре, от супруги обер-гофмейстера до зарвавшегося Алексея Бестужева рукой подать.

Пора объяснить, как Лесток «вскрыл гнойник заговора». Как уже говорилось, служил в лейб-кирасирском полку тихий поручик Бергер. И случилось, что его назначили в караул к сосланному в Соликамск бывшему гофмаршалу Левенвольде. Поручик туда ехать очень не хотел. Соликамск далеко, на Каме. В этой забытой Богом дыре жить нельзя. Он назначен в конвой, а по сути дела, между конвоем и сосланным разница маленькая. С Иваном Лопухиным Бергер служил в одном полку. Про связь матери Ивана – Натальи Федоровны – с сосланным Левенвольде знал весь двор. И вот прослышала Наталья Федоровна про назначение Бергера в Соликамск и попросила сына, чтобы он передал на словах через курляндца привет ее милому. «Пусть верит, что помнят его в столице и любят, – передала Лопухина, а потом добавила: – Пусть граф не унывает, а надеется на лучшие времена».

Бергер увидел в этой своей фразе спасение. Он пошел к Лестоку, чтобы «поразмышлять» вместе – что это за «лучшие времена» такие? Не надеются ли Лопухины и их окружение на возвращение трона свергнутому Ивану Антоновичу? Лесток велел Бергеру вызвать Ивана Лопухина на откровенность и даже в помощь человека дал. А тут праздник и пьянка в вольном доме. У пьяного Лопухина язык и развязался. Бергер сидит, беседует, а за

другим столом сидит нужный человек и слово в слово записывает. В Соликамск Бергер не поехал, он теперь был нужен в Петербурге.

Лопухину Наталью Федоровну вначале допрашивали в собственном доме. Она была очень напугана и отвечала с полной откровенностью. Из опросных листов: «Маркиз Ботта ко мне в дом ездил и говаривал, что отъезжает в Берлин; я его спросила: зачем? Конечно, ты что-нибудь задумал? Он отвечал: хотя бы я что и задумал, но об этом с вами говорить не стану. Слова, что до тех пор не успокоится, пока не поможет принцессе Анне, я от него слышала и на то ему говорила, чтоб они не заварили каши и в России беспокойства не делали, и старался бы он об одном, чтоб принцессу с сыном освободили и отпустили к деверю ее, а говорила это, жалея о принцессе за ее большую ко мне милость». Из опросных листов видно, что все это не более чем разговоры, причем разговоры вполне понятные, но Лопухину заставили подробнее рассказать об австрийском министре, и эта подробность носила уже явно опасный характер. «Ботта говорил также, что будет стараться возвести на русский престол принцессу Анну, только на это я ему, кроме объявленного, ничего не сказала. Муж об этом ничего не знал. С графиней Анной Бестужевой мы разговор имели о словах Ботты, и она говорила, что у нее Ботта тоже говорил».

Антуанет де Ботта д'Арно

Австрийский посланник Антуанет де Ботта д'Арно был уже немолод. Вначале он делал военную карьеру и воевал в войсках принца Евгения. В Европе его считали опытным и осторожным дипломатом. Он был действительно в очень хороших отношениях с Анной Леопольдовной, неоднократно предостерегал ее от грозящей ей опасности, но когда на трон взошла Елизавета, он, как истинный дипломат, тут же выказал ей свою лояльность. С Бестужевым Ботта прительствовал. Отношения несколько подпортились в 1742 году, когда Пруссия заключила с Россией тайный договор. В депеше в Вену он написал, что «нация остается верной Австрии и министры выражают желание сохранить с ней добрую дружбу и союз». Однако Марии-Терезии это показалось неубедительным, и она отозвала Ботту в Вену, заменив его другим послом.

Кажется маловероятным, чтобы Ботта, разумный и осторожный, вел с дамами серьезные разговоры. При допросе Анна Гавриловна Бестужева только и сказала, что-де высказывала мнение, чтобы Брауншвейгскую фамилию, дай Бог, в отечество отпустили. Но вместе с матерью допрашивали и ее дочь от первого брака, девицу Настасью Ягужинскую. С перепугу она подписала все, что хотели услышать от нее следователи.

После этого всех опрашиваемых, включая и Степана Лопухина, супруга Натальи Федоровны, забрали в крепость, только Настасью оставили дома под караулом. В крепости уже пошел другой разговор – понятно, что дело шло к допросу с пристрастием, то есть пытке. Следствию надо было доказать, что был реальный заговор, а не салонная болтовня обиженных женщин.

Все эта история подробно описана мной в романе о гардемаринах – «Трое из навигацкой школы». Я собирала материал в исторических библиотеках в семидесятые годы прошлого столетия. В частности, мне надо было узнать, что из себя представляет дыба, в энциклопедиях нужных подробностей не было. Нашла в ленинградской библиотеке тоненькую книжицу Салтыкова «Способы, како арестованные пытаются» и села ее конспектировать. Как матерящийся народ не думает о смысле мата – ругань для них не более чем артикли, – так и я описала, «како пытаются», не вдумываясь в текст. А потом вдруг реальная картина встала перед глазами, я быстро книжечку захлопнула и – на улицу, к людям. Дыба – это страшные, чудовищные действия и издевательства над людьми. Их всех пытали – Ивана и Степана Лопухиных, и женщин тоже – Наталью Федоровну и Анну Гавриловну.

В опросных листах появились новые лица: поручик Машков, прапорщик Зыбин, князь Путятин. Все они вели непотребные речи против государыни. На допросе поручик Машков

вспомнил рассказ Ивана Лопухина о разговоре его матери с прапорщиком Зыбиным, а оный прапорщик говорил, что принцессу Анну скоро отпустят с семейством в отечество брауншвейгское, а с ней и весь ее прежний штат. «Может быть, принцесса по-прежнему будет здесь, и тогда счастье получим. А ежели принцесса освобождена не будет, то надеюсь, что война будет; а когда меня пошлют, то я драться не буду, а уйду в прусское войско: разве мне самому против себя драться? Думаю, что и многие драться не станут». А кто же эти люди – «многие»? По домам шли обыски, искали списки заговорщиков и письменные документы, подтверждающие заговор, но никаких подтверждений, кроме слов арестованных, не находили. Была, конечно, их личная переписка, но в ней ничего крамольного не прочитывалось.

Опять «допросы с пристрастием», то есть с пыткой. Показали на допросе на князя Гагарина, но он оправдался. И камергер Лилиенфельд оправдался, а вот жена его Софья оказалась замешанной в дело. Она показала: «С маркизом Боттою я встречалась в домах Бестужевой и Лопухиной и слышала, как он с сожалением говорил, что принцесса неосторожно жила, отчего и правление потеряла, всегда слушалась фрейлины Юлии, на что мы ему отвечали, что это совершенная правда, сама она принцесса пропала и нас погубила, в подозрение нынешней государыни подвела. Говаривали при мне графини Бестужева с Лопухиной, что ее величество непорядочно и просто живет, всюду беспредельно ездит и бегают».

Елизавета очень внимательно следила за ходом следствия, часто сама тайно присутствовала на допросах. Софья Лилиенфельд была беременна, и следователи, ввиду ее положения, не решались устраивать ей очную ставку с названными ею осужденными. Елизавета жестко приказала – посадить в крепость и устроить очную ставку по всем правилам, «понеже коли они государево здоровье пренебрегли, то плутов и наипаче жалеть не для чего, лучше чтоб их век не слышать, нежели еще от них плодов ждать».

Никто из осужденных и словом не упомянул о замыслах на отравление государыни, никакой определенной противогосударственной партии, одни пустые разговоры. В Петербурге дело называли «бабий заговор», при этом даже насмешничали, а главное, никто на допросе не называл имя вице-канцлера. А ведь Алексей Петрович с Боттой приятельствовал. Брат Михайло Бестужев сидел дома под домашним арестом. Он сразу отрекся от жены, опросные листы его в деле не фигурировали. Лесток от усердия буквально с ног сбился: он ожидал, что Алексей Бестужев заступится за родственницу, а там можно будет и поподробнее поговорить. Но вице-канцлер как воды в рот набрал. Мол, нашли злоумышленников, так карайте!

Для суда над преступниками Сенат учредил государственное собрание, которое 19 августа 1743 года вынесло сентенцию: Лопухиных всех троих и Анну Бестужеву колесовать с отрезанием языка. Несчастную Софью Лилиенфельд и еще троих – Машкова, Зыбина и Путятину – казнить смертию за то, что «слыша опасные разговоры не донесли».

Как свидетельствуют протоколы собрания, один из сенаторов высказал такое сомнение: «Достаточно предать виновных обыкновенной смертной казни, так как осужденные еще никаких усилий не учинили, да и российские законы не заключают в себе точного постановления на такого рода случаи относительно женщин, большей частью замешанных в этом деле». На это принц Гессен-Гамбургский возразил: «Неимение писаного закона не может служить к облегчению наказания. В настоящем случае кнут да колесование должны считаться самыми легкими казнями».

Елизавета отменила смертную казнь. Главным четверым обвиняемым присудили кнут и вырезание языка. Государыня словно мстила своим жертвам за бездумную и опасную болтовню. А дальше – кому кнут, кому в матросы, кому ссылки с конфискацией имущества. Всего по делу прошло около пятнадцати человек. Имена братьев Бестужевых в сентенции не упоминались.

Казнь состоялась 31 августа при огромном стечении народа. Эшафот был установлен перед зданием коллегий. Помост, называемый театром, был просторен, сооружен из свежих

сосновых досок. Рядом на столб повесили сигнальный колокол, который должен был оповестить о начале казни. Анна Бестужева вела себя необычайно достойно и мужественно. Наказывали тогда кнутом так: жертва висела на спине подручного палача, подручный поворачивался то одним, то другим боком, чтобы палачу было сподручнее делать свое дело. Когда Анну Гавриловну обнажили до пояса, ей удалось передать палачу драгоценный крест. Есть старый славянский обычай побратимства с палачом. Теперь он становился крестным братом своей жертвы, а потому должен пожалеть свою сестру. И палач пожалел. Кнутом, считай, не бил – гладил, да и у языка отхватил только кончик.

Другое дело – Наталья Лопухина. Ее казнили по всей форме. Она билась в руках палача, сопротивлялась, даже за руку его укусила, потом от боли просто потеряла сознание. Сына и мужа тоже наказали по всей форме. Потом избитых и окровавленных людей побросали в телеги и увезли на окраину города. Там по милости государыни они могли попрощаться с родными перед вечной разлукой.

Расскажу сразу о судьбе этих несчастных людей. Анну Гавриловну сослали в Якутск, там она и умерла, но жизнь в Сибири вела достойную. У нее был свой дом, друзья, с которыми она хоть и с трудом, но могла разговаривать. Много лет спустя писатель А.П. Бестужев, более известный читателю по псевдониму Марлинский, тоже был сослан в Якутск по делу декабристов. Он разыскал там могилу родственницы и написал об этом родне.

Лопухиных сослали в Селенгинск – даль немислимая по тем временам. Да и в наше время места эти не стали близкими – Селенгинск расположен между Байкалом и Улан-Удэ. Старший Лопухин умер в 1748 году. Мать и сын дождались освобождения. Их вернул из ссылки Петр III.

Шетарди, Бестужев и прочие

В разгар следствия по поводу «заговора Ботты» д'Альон – он теперь замещал Шетарди – писал в Париж: «Наконец наступила минута, когда я могу насладиться счастьем погубить или по крайней мере свергнуть Бестужева». «Насладиться счастьем» ему не удалось. Виновные были наказаны, Петербург зажил обычной жизнью. Все вернулось на круги свои. Франция чувствовала себя обманутой. Но в Версале понимали также, что дело с Боттой не может считаться конченным. Елизавета не простит Австрии участия ее посланника в этом заговоре.

Так и случилось. Уже в сентябре 1743 года наш посол Лачинский изложил обиду русских канцлеру Улефельду. В октябре Лачинский имел разговор с Марией-Терезией. Королева выглядела очень огорченной и озабоченной: «Неприятели стараются разрушить нашу дружбу! Но есть ли доказательства вины Ботты?» Лачинский подтвердил: есть. «Что касается доказательств, – возразила королева, – то преступники могли из страха показать на Ботту, а другое нанесено от моих неприятелей». Переговоры продолжались. Мария-Терезия, как могла, защищала своего посланника, указывая на его благоразумие и верную службу, но потом, желая сохранить добрые отношения с Россией, приказала отправить Ботту в Грац и содержать там под караулом. Императрица Елизавета осталась вполне довольна: ей удалось заставить гордую австрийскую королеву плясать под ее дудку. Через год Ботта был, с согласия Елизаветы, отпущен на свободу.

Но это все потом, а пока Елизавета очень обижена на Австрию, и в Вену летят наши ноты. Кантемир, наш французский посланник, пишет императрице: «Министерство здешнее вложило себе в мысль, что после открытия вредных и богомерзких умыслов маркиза Ботты здешний двор должен всеми способами искать, чтоб тем обстоятельством (от которого по меньшей мере холодности меж вашим имп. величеством и королевою венгерскою ожидают) пользоваться, и при таких обстоятельствах присутствие Шетардиево при дворе вашего имп. величества признавают весьма нужным». Как в воду смотрел, Шетарди поехал в Россию. Кантемир так оценил этот вояж: «Тому его потаенному отсюда отъезду весь город со мной дивится, и всем такой его поступок кажется чрезвычайным».

Шетарди был полон надежд. Он ехал в Россию тайно – с одной стороны, как частное лицо, «бесхарактерным», как тогда говорили, но на всякий случай имел при себе верительную грамоту. Лесток писал Шетарди шифрованные письма, в которых Елизавета именовалась «герой». Он утверждал, что «герой» страстно мечтает о титуле. Елизавете действительно очень хотелось, чтобы Франция официально утвердила за ней титул императрицы, и Лесток пояснял – только в этом случае можно будет толковать с ней о союзном договоре. Но французский канцлер был категорически против этого титула. Остановились на следующем варианте: маркизу вручили два письма к Елизавете. В первом письме, носившем чисто дружеский характер, король именовал ее императрицей, но титул не был подкреплён верительной грамотой. Второе письмо было написано рукой короля, фактически это была верительная грамота, в ней и с титулом обстояло все благополучно, но письмо не было подкреплено подписью канцлера, то есть его тоже нельзя было считать правильно оформленным официальным документом.

Сам Шетарди измыслил такой план. Он будет общаться с Елизаветой, минуя ее министров. Министры будут только мешать. А потом наступит нужный момент – он не может не наступить, – и он предъявит Елизавете собственноручное письмо короля, но при этом поставит условие – отставку Бестужева и отказ от прежней политики. Главное – видеть в ней не столько императрицу, сколько прелестную женщину. Вряд ли она забыла их совместное путешествие в Троице-Сергиеву лавру. Шетарди верил в свою звезду.

Маркиз выехал из Парижа в октябре 1743 года. Он не торопился. Заехал вначале в Копенгаген, затем в Стокгольм. Он рассчитывал попасть в Петербург в конце ноября. 25-го числа во дворце будет грандиозный праздник в честь восшествия Елизаветы на трон. Тут он, красавец, и предстанет перед императрицей.

«Смело строй планы, если хочешь насмешить Бога» – примерно так говорит пословица. Шетарди забыл, что в России ноябрь – опасный месяц. Санный путь еще не установился, реки не встали, шведские кучера не были достаточно искусны. Дорога была ужасной! Шетарди практически опоздал, он приехал в Петербург в ночь 24 ноября. А тут новая беда. Лед на реке еще не окреп, и переправа на противоположный берег была запрещена. Холод, ветер, снег, пришлось ночевать в какой-то лачуге. Только утром присланы были сопровождающие офицеры; они с помощью досок, перекинутых в опасных местах, переправили Шетарди на левый берег и доставили к посланной ему карете. Там его ждала записка от Лестока. Лейб-медик писал, что государыня очень сочувствует маркизу в бедах, которые ему пришлось пережить. Лесток также сообщал, что в доме, приготовленном для него императрицей, из-за сырости жить нельзя, а потому предлагал свое гостеприимство. Это был первый щелчок по носу. Второй Шетарди ощутил, когда узнал, что бал, на котором он должен был блистать, уже состоялся. И наконец третий щелчок – долгожданная встреча с императрицей в доме Брюмера (воспитателя великого князя Петра Федоровича) настроила Шетарди на грустный лад. В доме Брюмера было полно народу, разговоры, танцы, карты. С огромным трудом Шетарди удалось остаться с Елизаветой наедине. Она была рада приезду маркиза, была очень любезна, но тут же заявила: «Как хорошо, что вы сейчас не посланник и не дипломат. Я не обязана говорить с вами о политике. И не буду!» И как при таком раскладе он будет осуществлять свои намерения?

В политическую игру уже давно ввязался опасный противник – Фридрих II. Он тоже хотел нагреть руки на «заговоре Ботты». Ранее у него был заключен тайный союз с Россией, но он хотел добиться заключение явного союза и отодвинуть на второй план Австрию. Способ для этого был один – убрать Бестужева. На первый взгляд интересы Пруссии и Франции совпадали, но каждый искал свою выгоду. Это Фридрих дал Елизавете дельный совет – упрятать Брауншвейгскую семью куда-нибудь подальше, чтоб Европа вообще забыла о ее существовании.

Послу своему Мардефельду Фридрих дал строгий приказ – глаз с Шетарди не спускать. Мардефельд и не спускал, и писал с некоторой завистью в Берлин: «Маркиз так же хорошо принят при дворе, как и в былые времена». Внешне все так и выглядело. Елизавета была

очень любезна с Шетарди. Он был на всех балах, приемах, но при этом «ни слова о политике». Русские министры вообще словно его не замечали. А тут еще случилась ссора с д'Альоном. Французский посланник, у которого сейчас была одна задача – свергнуть Бестужева, был категорически против приезда Шетарди. Мало того что маркиз может все испортить, он еще отнимет у него победу. Отношения у французских дипломатов были отвратительные, все кончилось ссорой. Не просто ссорой – д'Альон шпагой махал и даже поранил маркизу руку. Началось все со служебных, чисто деловых разногласий, потом Шетарди в запальчивости обвинил д'Альона в том, что тот превратил посольский дом в склад и открыл торговлю. Ответа оппонента мы не знаем, но маркиз влепил д'Альону пощечину, а дальше – маркиз схватился за направленную на него шпагу.

На следующий день Шетарди явился во дворец с перевязанной рукой, Елизавета его насмешливо пожурила. Двор уже развлекался словопрениями: «Он ударил его по щеке?» – «Да не по щеке, а по голове бутылкой!» И как в таких условиях вести серьезные политические разговоры? Спустя малый срок д'Альон был отозван в Париж, а Шетарди получил приказ – пора действовать. Шетарди продолжал тянуть время, но в какой-то момент все-таки решился. Об его ответственном разговоре с императрицей известно опять-таки из депеши Мардефельда. Маркиз предложил Елизавете обсудить вопрос об императорском титуле с одним из ее министров, но этим министром не должен быть Бестужев. Она отказалась продолжать эту тему.

В начале 1744 года императрица и двор отправились в Москву. Шетарди последовал за ними. Елизавете было совсем не до него. Она искала невесту для наследника. Наконец действительно интересующее ее занятие можно было назвать делом политическим. Бестужев предложил в невесты саксонскую принцессу Марианну, дочь Августа III. Противники Бестужева тут же выдвинули другую кандидатуру – Софью-Августу-Фредерику, дочь состоящего на прусской службе принца Ангальт-Цербстского. Есть сведения, что Фридрих II попросту подкупил Лестока и Брюмера. Фридрих был заинтересован в пятнадцатилетней принцессе Софье, потому что матушка ее Иоанна-Елизавета давно выполняла для прусского короля поручения самого деликатного свойства. Он был уверен, что со временем и в принцессе Софье найдет верную союзницу. Главное, чтобы выбор не остановился на принцессе из Саксонского дома, на Саксонию Фридрих имел свои виды. Он писал: «Из немецких принцесс, могших быть невестами, принцесса Цербстская более всех годилась для России и соответствовала прусским интересам».

Императрица остановила выбор на принцессе Ангальт-Цербстской. Двор этот был беден, поэтому принцесса будет вести себя скромно, а брак для нее будет подлинным счастьем. Немалую, а может быть, главную роль в этом выборе сыграло то, что мать невесты была родной сестрой жениха императрицы, умершего накануне свадьбы. Елизавета и по сию пору сохраняла о нем светлую память. «Посмотреть» на принцессу в Цербст был послан Сиверс, он одобрил выбор. Дело было сделано.

Елизавета боялась каких-нибудь европейских каверз, поэтому в Россию мать и дочь Ангальт-Цербстские отправились тайно под именем графинь Рейнбек. По дороге в Петербург путешественницы заехали в Берлин, где мать получила соответствующие указания от Фридриха. В Россию они приехали в феврале 1744 года и сразу проследовали в Москву.

Шетарди не оставлял надежды осуществить свой план, но тем не менее все больше и больше отдалялся от императрицы. Мало того, что она все время была занята семейными делами, у нее появился новый поклонник в лице английского посланника лорда Тируоли. У Англии и Франции традиционно были сложные (если не сказать плохие) отношения, сейчас они обострились, и лорд Тируоли имел на руках тайную инструкцию: уговорить императрицу выслать Шетарди из России.

Маркиз решил найти союзницу в лице принцессы Иоганны Цербстской. Она приехала в Россию, ощущая себя победительницей, дочь вообще не ставилась в расчет. Долговязая девочка-невеста, она только помеха на балах и приемах. Иоганне было 33 года. Нельзя

сказать, чтобы она была очень хороша собой, но она умела нравиться. При этом она была активна, весела – всех красит успех. Русский двор с насмешкой называл ее «королева-мать». С Шетарди она быстро нашла общий язык, о чем он подробно доложил в Париж. Но этого было мало, от маркиза требовали более активных действий, а он все никак не мог предъявить Елизавете свою верительную грамоту на подходящих ему условиях. Пока Шетарди только и оставалось, что оправдываться.

Все ополчились против вице-канцлера, и ему надо было защищаться. Помните, с чего начал карьеру Бестужев при Елизавете Петровне? Он заведовал почтами, они и сейчас остались в его распоряжении. Тогда же был им создан по примеру европейских так называемый «черный кабинет». Сей кабинет занимался перлюстрацией, то есть вскрытием и прочитыванием писем. Понятно, что секретная дипломатическая почта использовала шифр, а чтобы прочитать его, нужен был толковый шифровальщик. И Бестужев его нашел. Это был прусский еврей академик Гольдбах. Он был истинным мастером своего дела, при этом очень разборчив. Например, он категорически отказывался из верности Фридриху II дешифровать письма Мардефельда, но Франции он ничем не был обязан, поэтому за дешифровку писем Шетарди взялся с охотой.

Все оправдательные письма Шетарди Бестужев собирал в особую папку, он ждал своего часа. Шетарди писал в Париж: «Бестужев в ярости от приезда принцесс Цербтских и до того забылся, что сказал: “Посмотрим, могут ли такие брачные союзы быть без совета с нами, большими господами этого государства”. <...> Бестужев и его партия показывают такую же ярость против Берлинского двора, какую против Франции. <...> Елизавета будет поступать вопреки собственным интересам, если не расстанется со своим вице-канцлером» и т. д.

В мае 1744 года у императрицы состоялся серьезный разговор с Иоганной. О нем подробно пишет в своих «Записках» Екатерина II. Дело происходило в Троице (в лавре). Разговор был настолько серьезным, что Лесток сказал принцессе Софье, что ее вместе с матерью вышлют за пределы России. Но обошлось.

А с Шетарди судьба обошлась круто. Бестужев дождался своего часа. Он предъявил Елизавете выдержки из писем Шетарди со своими комментариями. Это бы полбеды, в дипломатических распрях Елизавета не стала бы копать. Но Бестужев главный упор сделал на те дешифрованные тексты, которые касались Елизаветы лично. Императрица прочитала, что она «принимает мнения своих министров только для того, чтобы избавиться от возможности думать». О! Из-за ее «тщеславия, слабости и опрометчивости с ней невозможен серьезный разговор». Дальше больше – «Елизавете нужен мир только для того, чтобы использовать деньги на свои удовольствия, а не на войну, главное ее желание – переменить четыре платья за день, а потому видеть вокруг себя преклонение и лакейство. Мысль о малейшем занятии ее пугает и сердит». Еще были употреблены такие слова, как «лень, распушенность, любовь, наслаждение...» Елизавета не поверила, ей показали подлинник, наверное, объяснили суть дешифровки.

Дело кончилось скоро. Императрица распорядилась, чтобы Шетарди немедленно оставил Россию, а сама уехала в Троице-Сергиеву лавру молиться. 6 июня ранним утром на квартиру маркиза Шетарди явились два чиновника Иностранной коллегии, секретарь коллегии и глава Тайной канцелярии Ушаков. Шетарди, зевая со сна, вышел к ним в домашней одежде. Секретарь прочитал предписание ее величества: Шетарди должен оставить Москву в 24 часа. Маркиз, вне себя от удивления, потребовал объяснений. Тогда секретарь предъявил порочащие выдержки из его же собственных депеш. В рапорте государыне Ушаков писал: «...явно было, что он, Шетардий, сколь скоро генерала Ушакова увидел, то он в лице переменялся. При прочтении экстракта столько конфузен был, что ни слово во оправдание свое сказать или что либо прекословить мог». Что уж там прекословить. Маркиз забыл, что на руках у него верительная грамота, он боялся ареста.

До границы он ехал под конвоем шести гренадеров и офицера. В Новгороде его ждало новое унижение. Догнавший их курьер приказал Шетарди вернуть подаренную ему когда-то

Елизаветой драгоценную табакерку с портретом императрицы. Приказ был подписан Бестужевым, и Шетарди решил, что это все его происки, а сама Елизавета ничего не знает, а теперь, увидев подарок, который Шетарди собственноручно отдал в чужие руки, решит, что он сам ее предал. Маркиз решил защищать свою драгоценность с помощью оружия. Табакерка еще появится в этом повествовании как важная улика, но разговор об этом впереди. По возвращении Шетарди в Париж ему пришлось, как говорится, «испить полную чашу» унижений и нареканий. Бестужев не только не был отставлен от должности и уничтожен, но даже усилил свою позицию.

Вернемся в Москву. 28 июня принцессу Софию крестили в православную веру и нарекли Екатериной Алексеевной. 29 июня, в день именин великого князя Петра Федоровича, состоялось обручение, Екатерина Алексеевна получила титул великой княжны. Бестужев Алексей Петрович был назначен канцлером, должность вице-канцлера была возложена на Михаила Илларионовича Воронцова. Все императорское семейство отправилось в Киев, а вернулось в Москву только 1 октября.

10 февраля 1745 года Петру Федоровичу исполнилось шестнадцать лет, и начались приготовления к свадьбе. Она состоялась 21 августа 1745 года в Петербурге и праздновалась необыкновенно пышно. Наконец Бестужев мог избавиться от нежелательных ему людей – принцессы Иоганны и Брюмера, который так увлекся интригами, что совершенно потерял чувство меры. Иоганна давно раздражала императрицу: мало того, что она вольничала, плохо обращалась с дочерью, влезла в непомерные долги, так она еще имела наглость давать советы по поводу политического курса России. Все это с легкостью доказал императрице канцлер Бестужев с помощью проверенной практики – перлюстрации писем.

28 сентября 1745 года принцесса Цербтская Иоганна была выслана на родину. В подарок от императрицы она получила 50 000 рублей и два сундука с персидскими шальями, драгоценными тканями, китайскими безделушками, бриллиантовыми украшениями и т. д. Соловьев пишет: «Прощаясь, принцесса пала на колени перед императрицей и со слезами просила прощения, если в чем-нибудь оскорбила ее величество. Елизавета говорила, что теперь уже поздно об этом думать, лучше было бы, если бы она, принцесса, всегда была так смиренна». Время покажет, что принцесса не последовала мудрому совету. Она старалась руководить поведением дочери из Пруссии, на их переписку был наложен запрет, но все это уже совсем другая история.

Иоганн-Герман Лесток, граф

Энциклопедия пишет: Лесток (1692–1767), государственный деятель, происходил из старинной французской дворянской семьи. Арману Лестоку, как он называл себя в России, дворянство потом сочинили, хотя кто их там разберет, но доподлинно известно, что отец его был цирюльником, а заодно и лекарем, в XVIII веке эти должности часто совмещали. У отца юный Арман и выучился основам медицины. Продолжил свое образование Лесток во французской армии. На этой же ниве он усвоил, что лучшего средства для лечения от всех болезней, чем кровопускание, не сыскать. Теперь он назывался хирургом.

В 1713 году в числе врачей-иностранцев он появился в России. Лесток был красив, обаятелен, легко сходился с людьми, да и лечил, видно, неплохо, практика – великая вещь. И вот он уже лейб-медик и врачует царскую семью. Должность эта обещала блестящую карьеру, но жадность до жизни и любовь к приключениям сыграли с медиком плохую шутку. Он был уже женат, но увлекся дочерью придворного, соблазнил ее. История вышла некрасивая, скандальная, и Петр сослал Лестока в Казань. Это случилось в 1720 году. Екатерина I вызволила его из ссылки и назначила лейб-медиком к дочери Елизавете Петровне.

Лесток был старше Елизаветы на пятнадцать лет. Некоторые авторы настойчиво утверждают, что Лесток был ее любовником, другие категорично говорят – не был. Свечки там никто не держал, но я придерживаюсь второй версии. На этот счет есть и подтверждение

современников, например Шетарди (он ссылается на рассказ самого Лестока). А что касается особых, доверительных отношений с цесаревной, а потом императрицей, то это легко объясняется. Все мы с особым уважением и доверием относимся к своим лечащим врачам. Если нет доверия, мы заменяем врача, а Лесток исполнял при Елизавете эту должность считай двадцать лет.

Царствование Елизаветы грубо можно поделить на три периода. В первом наибольшее влияние на императрицу имел Лесток, во втором – Бестужев, в третьем – семейство Шуваловых. И сама императрица, и Лесток сходились во мнении, что ее лейб-медик много постарался, чтобы обеспечить ей трон. Елизавета умела быть благодарной. Арман Лесток жил широко, он вел крупную карточную игру, любил хорошую кухню, великолепно одевался, балы любил и устраивал в своем доме знатные приемы. Жизнь была бы прекрасна, если бы не вечная забота – безденежье. Понятно, что императрица платила ему за услуги, и платила щедро, но казна была бедна, поэтому государыня сквозь пальцы смотрела на то, что ее лейб-медик получал деньги от иностранных держав. Тут были и единовременные пособия, и постоянный пансион. И Франция платила, и от Англии перепало. За какие такие услуги платят, Елизавета не задумывалась. Не обеднеют иностранные государства, а России прибиток. Со временем неразборчивость Лестока обошлась ему очень дорого.

Но время шло, императрица приобретала и опыт, и уверенность в себе. Лесток был честолюбив, позволял себе быть капризным, часто осыпал Елизавету упреками – де, не слушается она дельных советов. А ее уже начинал раздражать авторитетный тон Лестока, уверенность в собственной правоте и непогрешимости, тем более, что огрехи-то были налицо. Отставка Шетарди и его позорная высылка из России весьма неблагоприятно отразились на карьере Лестока. Он это сразу почувствовал. На торжествах по случаю бракосочетания наследника Петра Федоровича и Екатерины обер-церемониймейстер граф Санти в обход Коллегии иностранных дел обратился по привычке за наставлениями к Лестоку. Санти не знал, куда посадить неких иностранных «спорных» особ. Лесток дал совет и сообщил об этом государыне. Елизавета строго его отчитала, сказав, что канцлеру неприлично вмешиваться в медицинские дела, а ему, Лестоку, – в дипломатические. Знай свое место!

После скандального отъезда герцогини Иоганны Цербстской Лесток приуныл. Что-то здоровье стало портиться. И вообще он подумывает отойти от всех дел, а пока хорошо бы съездить на воды подлечиться. В лечебные воды со времен Петра I верили свято. Лесток пока надеялся, что охлаждение государыни временное: де, сейчас она раздражена, но пройдет срок и все станет на свои места. Ведь взяла же она его в Киев и от должности не собирается отлучать. Но при этом строга, не видно бывшего доверия, мол, лечить лечи, а что касаясь советов, то сейчас у нее другие советчики. Но он верил, что в память его бывших заслуг императрица никогда не удалит его от двора.

И, как всегда, денежные дела давали о себе знать. В свое время Шетарди обещал ему подарок от короля в размере 12 тысяч рублей. Лесток решил не тратить деньги попусту и попросил Шетарди заказать ему в Париже кареты и ливрею. Теперь ни денег, ни карет. Лесток намекнул на обещание короля вернувшемуся в Россию д'Альону – мол, я столько старался для Франции! Посол не только не похлопотал о возврате долга, но написал в Версаль, что Лесток сейчас пустая фигура и тратиться на него не следует.

В 1746 году Воронцов отправился в Европу знакомиться с иностранными дворами. Италия, Франция, побывал он и у Фридриха, где был принят очень хорошо. Прусский король подарил Воронцову роскошную шпагу с бриллиантами, обеспечил вице-канцлеру бесплатный проезд по всем его землям. Мардефельд в письмах расхваливал Воронцова на все лады.

Конечно, это не понравилось в Петербурге. Елизавета давно забыла свое хорошее отношение к Фридриху. Теперь он был завоеватель, Надир-шах, как она его с издевкой называла, и вообще главный враг России. Бестужев всячески поддерживал ее в этом настроении. Не забыта была и роль верной шпионки Фридриха герцогини Иоганны.

Екатерине давно запретили переписываться с матерью напрямую, опасались политической интриги. Письма ее проходили через строгую цензуру, а чаще Иностранная коллегия сама писала от имени великой княгини, и Адриан Неплюев носил эти письма на подпись к Екатерине. Елизавету очень раздражал молодой двор, и Петр, и Екатерина вели себя с точки зрения государыни слишком вольно, непочтительно, а иногда и опасно.

И вдруг на имя великой княгини приходит письмо, написанное не цифирью и не по тайным каналам посланное, а с обычной почтой. Хорошо чиновник не просмотрел, выловил его из кучи корреспонденции. Письмо легло к Бестужеву на стол. Это было послание Иоганны к дочери, по тексту было видно, что они давно и прочно общаются, минуя при этом Иностранную коллегия. В письме Иоганна давала советы дочери, как себя вести при дворе. Советы эти более походили на инструкции. Про Воронцова герцогиня писала, что находит в нем «человека испытанной преданности, исполненного ревности к общему делу. Я откровенно сообщила ему свои мнения, что всеми мерами надо стараться о соглашении. Он мне обещал приложить к этому свое старание. Соединитесь с ним, и вы будете более в состоянии разобрать эти трудные отношения, но будьте осторожны и не пренебрегайте никем». В конце письма приписка: «Усердно прошу, сожгите все мои письма, особенно это».

Позднее выяснилось, что Иоганна сама передала письмо для дочери Воронцову в надежде, что он отдаст ей в собственные руки. Почему вице-канцлер послал его с обычной почтой, так и осталось невыясненным – по забывчивости, по наивности, по рассеянности доверил дело секретарю, а тот был дурак. Бестужев представил письмо Иоганны Елизавете. Императрица была в бешенстве. Великая княжна получила свое наказание, а Бестужев собственноручно написал депешу в Берлин, в коей от имени императрицы запрещал видаться и самому вице-канцлеру, и супруге его Анне Карловне с герцогиней Цербстской.

После этого случая Елизавета охладела к вице-канцлеру, да и отношения Бестужева и Воронцова очень изменились. Они давно работали вместе и всегда находили общий язык. А теперь между ними кошка пробежала. На первый взгляд, виной тому были их разные политические интересы. Бестужев всегда стоял за союз с Австрией и Англией, упорно твердя, что союз этот завещан самим Петром Великим. Воронцов же был не против дружить с Францией и Пруссией. Я беллетрист, поэтому должна быть скромной, мне не под силу разобраться в этих тонкостях, но Бестужев всегда твердил с важным видом, что дела России для него превыше всего. Но мы знаем, что и себя он при этом не забывал. Семнадцать лет своего правления он одерживал верх над своими политическими противниками, а победителям невольно симпатизируешь, но оставляешь за собой право сомневаться: а может быть, не так уж важна для России бестужевская политика и дружба с Францией пошла бы нам на пользу?

Сошлюсь на авторитет. Вот какую характеристику отношениям канцлера и вице-канцлера дает С.М. Соловьев: «Сильный своим приближением к императрице, родством с ней по жене (Анне Карловне Скавронской), участием в перевороте 25 ноября, дружбою с фаворитом Разумовским, Воронцов естественно играл роль покровителя в отношении с Бестужевыми, что и видно из переписки обоих братьев с ним. Но теперь Алексей Петрович Бестужев стал канцлером, а Воронцов вице-канцлером, покровитель должен был играть второстепенную роль подле покровительствуемого... Воронцову оставалось быть скромным спутником блестящей планеты, но для его самолюбия это положение было тяжело, а тут искушение со всех сторон: враги канцлера ухаживают за вице-канцлером, он теперь их единственная надежда, им необходимо сделать его соперником ненавистного Бестужева...»

Шетарди ушел со сцены, но война с Бестужевым не кончилась, он по-прежнему враг Франции и Пруссии, поэтому Воронцову надо выбрать свою политику, «засветить собственным светом». Пруссия размахивает мечом, и канцлер хочет послать войска для обуздания Фридриха, но в России никто не желает воевать, да и денег нет, казна пуста. И Воронцов за мирное решение вопроса. Он во всем верен государыне, но он также не имеет права забывать о молодом дворе, ведь ничто в мире не вечно, и когда-нибудь им, молодым, перейдет в руки власть.

Все эти рассуждения и заставили Воронцова объединиться с Лестоком и попасть в капкан, который им уже уготовил рьяный канцлер Бестужев. Однажды в разговоре с императрицей Лесток стал ей хвалить Воронцова. Елизавета ответила строго: «Я имею о Воронцове очень хорошее мнение, и похвалы такого негодяя, как ты, могут только переменить это мнение, потому что я должна заключить, что Воронцов одинаковых с тобой мыслей». Это было еще в самом начале карьеры Воронцова в качестве вице-канцлера. Могла ли Елизавета предположить, что была так близка к истине?

Пришло время, когда Елизавета решила отказаться и от медицинских услуг Лестока. К этому подтолкнул ее Бестужев. Когда дело касалось политических интриг, Елизавета всегда находила слова оправдания для бывшего друга. Но однажды канцлер сказал веско: «Я не могу ручаться за здоровье вашего величества». Это и решило дело. Лестоку пришлось «проглотить» и это, но он не унывал. В 1747 году он в третий раз женился – на Марии Менгден, сестре опальной Юлии Менгден, фаворитки покойной Анны Леопольдовны. Невесте была восемнадцать лет, жениху – пятьдесят пять, и он был влюблен. Невеста была прелестна. Императрица обожала свадьбы, и в этой она тоже принимала активное участие, сама украсила волосы невесты диадемой, а грудь – бриллиантами. Это ли не было подтверждением, что Елизавета по-прежнему милостива к нему?

В конце концов, он глава Медицинской коллегии, пора активно заниматься своими прямыми обязанностями. Работы там непочтатый край. Есть Аптекарский остров, еще Петром предназначенный для выращивания лечебных трав. Всех на сбор ромашки лечебной и что там еще... Необходимо провести ревизию госпиталей, проверить уровень мастерства врачей и хирургов. Нужен проект о сохранении народа, для чего пересчитать всех повивальных бабок в Петербурге. Необходимо, чтобы число их было не менее десяти, и чтобы каждая была освидетельствована врачом. Но насмешница судьба готовила для Лестока новую ловушку – он опять ввязался в политические игры.

По просьбе императрицы из России был отозван Мардефельд, «этот интриган и беспокойный человек», и Пруссия прислала в Петербург другого посла – Финкенштейна. Фридрих II воевал, он уже пошел маршем по Европе, уже была принята Ганноверская конвенция, ущемляющая интересы Австрии. Пруссии было очень важно, чтобы в войну не ввязалась Россия. Бестужев был другого мнения, к Рейну был послан корпус из 30 тысяч русских солдат, ввяжется он в войну или нет, пока было не ясно, но в любом случае русские войска представляли угрозу для Фридриха. Воронцов, напротив, был за мирное решение вопроса, но Бестужев утверждал, что корпус послан как раз для сохранения мира в Европе. Это был тупик, из него надо было выбираться, и Фридрих дал указание своему послу найти пути к вице- канцлеру, перетянуть его на свою сторону и разузнать все о дальнейших планах Бестужева.

Но у Воронцова у самого было трудное положение. Он жаловался императрице: «...позволения испрашиваю, как вашему верному рабу донести бедное и мучительное состояние моего сердца, которое от самого приезда моего (из-за границы) денно и ночью столько страждет и печалится, видя дражайшую милость вашего императорского величества к себе отмену». Вот как высокопарно и трогательно писали в XVIII веке! А кто виновник охлаждения ее величества? Имя не написано, но слова сами за себя говорят: «Эта тонкая и хитрая злость только умела неприметно вкрасться и так бессовестно повредить мне у Вашего Величества...» Конечно, это Бестужев.

В Берлин полетели депеши Финкенштейна, и в них фигурировало не имя Воронцова, а его кличка – «важный приятель». Воронцов советовал послу быть в отчетах королю предельно сдержанным, все его депеши прочитываются в «черном кабинете», Финкенштейн не поверил, решил, что «важный приятель» просто трусит. Каково же было удивление посла, когда вице-канцлер пересказал ему содержание последней посланной в Берлин депеши.

Но это не научило Финкенштейна быть осмотрительнее. В его депешах уже появилось новое имя – «смелый приятель». Это был Лесток. В отличие от осторожного Воронцова, этот был на все готов. Посол доносил, что дружба «важного и смелого приятеля очень велика»,

это был залог успеха. Они уже склонили на свою сторону тайного советника Веселовского, а это самый умный в России человек. Лестоку Финкенштейн от имени Фридриха II дал 10 тысяч рублей – одновременно. Воронцову тоже предлагали взятку в 15 тысяч, но тот от нее отказался.

Финкенштейн учил Воронцова, как надо разговаривать с Елизаветой: «Сейчас самое подходящее время раскрыть перед императрицей недостойное поведение ее первого министра... надобно ей внушить, что величайшие государи имели иногда несчастье быть обманутыми безо всякой вины со своей стороны; надобно напомнить ей пример родного отца, который несмотря на свой гений и всю свою деятельность, часто находился в таком положении и избавлялся от него посредством розысков и примерных наказаний»... Цитата взята из депеши посла. Представьте себе лицо Бестужева, читающего эти слова.

Воронцов покивал головой – мол, согласен, но на него посол не мог рассчитывать, поскольку «важный приятель» находился «в душевном расслаблении вследствие обхождения с ним императрицы». Другое дело Лесток. С него всё «как с гуся вода» и никакого «душевного расслабления». Он обещал поговорить с Елизаветой.

О переписке Финкенштейна Бестужев аккуратно докладывал Елизавете. Ее очень раздражала сложившаяся ситуация, и Фридрих ее раздражал. Обострилась старая тяжба о возвращении на родину солдат-великанов, высланных Петром I еще королю Вильгельму – батюшке Фридриха в обмен на кенигсбергский янтарь. В России появилась янтарная комната – чудо из чудес. Анна Иоанновна тоже посылала русских солдат в Пруссию. Но ведь не навечно их туда отправили, пора и честь знать. Фридрих отговаривался тем, что солдаты переженились и ехать на родину не хотят. Елизавета возражала: в Пруссии гренадеры не могут, как должно, отправлять свои православные обряды. А в вопросах веры Елизавета была неумолима и непоколебима.

Лесток не знал, что еще в мае 1748 года императрица сказала Александру Шувалову: «Нужно за ним присматривать». За домом лейб-медика была установлена слежка. Очевидно, летом наблюдателю легче оставаться незаметным, а может, от долгой и нудной слежки агенты стали беспечными. Во всяком случае, секретарь Шапизо только осенью уверенно доложил своему хозяину, что за домом следят. Ах вы, шельмы! Лесток пришел в ярость. Он приказал схватить агента и привести его в дом.

И вот несчастный агент лежит связанный по рукам и ногам на полу подвала, а Лесток стоит рядом с палкой в руках и ведет допрос:

– Кто приказал следить за моим домом?

Неизвестно, сразу ли наблюдатель назвал фамилию своего начальника или упирался по инструкции, но Лесток избил его до полусмерти, а на следующий день полетел во дворец просить защиты у государыни. Государыня его приняла, подробности этого разговора мы не знаем, но вот что пишет Екатерина II: «По вечерам императрица собирала двор у себя в своих внутренних апартаментах и происходила большая игра. Однажды, войдя в эти покои Ее Величества, я подошла к графу Лестоку и обратилась к нему с несколькими словами. Он мне сказал: “Не подходите ко мне”. Я приняла это за шутку с его стороны; намекая на то, как со мной обращались, он часто говорил мне: “Шарлотта! Держись прямо!” Я хотела ему ответить этим изречением, но он сказал: “Я не шучу, отойдите от меня”. Меня это несколько задело, и я ему сказала: “И вы тоже избегайте меня”. Он возразил мне: “Я говорю вам, оставьте меня в покое”. Я его покинула, встревоженная его видом и его речами». Вид у Лестока был не самый лучший, лицо красное, руки тряслись, великая княгиня решила, что он пьян. Два дня спустя камердинер Екатерины Евреинов сообщил ей под страшным секретом, что Лесток арестован. Евреинов умолял великую княгиню и виду не показывать при дворе, что ей что-то известно на этот счет. Елизавета очень косо смотрела на доверительные отношения великой княгини и Лестока. Екатерина пишет: «Лесток был арестован в ноябре 1748 года. Горе, которое я теряла от потери близкого друга, меня очень печалило и, несмотря на все, что мне наговорили о его враждебных планах против нас, так как я ничего доподлинно не видела, то я не могла этому поверить».

Арест Бестужев обставил пышно. Шестьдесят гвардейцев под предводительством Апраксина – друга шел арестовывать – оцепили дом Лестока и препроводили супругов к арестантской карете. В крепости их разлучили. Каждый сидел в одиночке, но не в самой крепости, а в отдельно стоящем доме рядом с Тайной канцелярией. Племянник Лестока, он же его секретарь Шапизо, тоже был арестован.

Потом начались допросы. Опросных пунктов было много, всего двадцать три, каждый пункт имел еще подпункты. Вот главные из них:

– Зачем водил компании со шведскими и прусскими послами?

– Ты в некоторое время ее императорскому величеству самой говорил, что если бы принцесса Цербтская послушала твоих советов, то она б великого князя за нос водила, так объяви, в чем советы твои состояли?

– Ты хочешь переменить нынешнее царствование, ибо советуешься с послами шведскими и прусскими, и они ко дворам своим писали, что здешнее правление на таком основании, как теперь, долго оставаться не может?

– Финкенштейн писал, что для проведения перемены удобным случаем была б ссора между императрицей и великим князем: не учинено ли от тебя каких откровений?

– Во время негоции с морскими державами о перепущении им помощного корпуса ты старался все тайности у вице-канцлера сведать и о всем Финкенштейну пересказывал?

– Шапизо показал, что ты через Мардефельда от короля прусского 10 000 рублей получил – так ли это?

После первого дня допроса Лесток отказался от пищи. Тогда еще не было в обороте термина «объявил голодовку». Просто лейб-медик в целях сохранения здоровья перешел на минеральную воду. Но он также хотел показать своим мучителям, что скорее умрет от голода, чем будет подтверждать их вздорные обвинения.

Был ему задан и такой, с его точки зрения, глупейший вопрос: «От богомерзкого человека Шетардия табакерки к тебе присланы и именно написано было, чтобы оные “герою” отдать: ты ведая, кому он сие имя давал, и будучи сие уже по высылке его отсюда учинено, то сие от него дерзостно сделано, а ты как присяжный человек таку ль верность к государю своему имеешь, что о сем утаил? Любя Шетардия, такого плута на государя своего променял! Не мог ли ты себе представить, что ежели б и партикулярной даме, в ссоре находящейся, кто-либо подарок прислал, то оный ни от кого принят быть не может, кольмиже паче чести ее величества предосудительно».

«Ах ты, ох ты! Спрашивайте по делу! Табакерки вспомнили. Дурак Шетарди не отдал их курьеру в Риге, а переслал их мне с письмом. Неужели вы и впрямь думаете, что я эти табакерки себе присвоил из жадности? В то время само имя Шетарди нельзя было произносить. А явись я к государыне с этими табакерками, что бы было? Шетарди далеко, а я вот он – рядом. Мне бы и всыпали по первое число», – так примерно думал Лесток, глядя в глаза следователю. Он пытался объяснить суть дела, но не был понят. Табакерки – мелочь, серьезное другое: его в заговоре против императрицы обвиняют. А иначе как понимать слова о «перемене нынешнего царствования»? У него и в мыслях не было нанести ущерб государыне, он иуде Бестужеву хотел хвост прищемить. Но Бестужев это и сам отлично знает. Весь этот арест есть театр с заранее придуманным сюжетом. Лесток понимал, дело идет к допросам с пристрастием.

Так и случилось. Дыбу Лесток перенес достойно. Кричал, и не пытаюсь скрывать боль, но в заговоре против государыни не сознался. Ответ был один – он не виновен. Суд приговорил его к смерти, но Елизавета отменила казнь, заменив ее ссылкой. Воронцов, как Бестужев ни старался, арестован не был. Елизавета не отдала судьям своего вице-канцлера.

Всё имущество Лестока было конфисковано в пользу казны. Валишевский пишет: «Напрасно жена уговаривала его сознаться, обещая милосердие императрицы. Он показал ей свои руки, изуродованные пыткой, и сказал: “У меня уже нет ничего общего с императрицей; она отдала меня палачу”. Местом ссылки супругов стал Углич, где они жили под крепким караулом. Затем их перевели в Великий Устюг. И вот ведь насмешка судьбы! Здесь же в

Устюге после наказания кнутом отбывал ссылку бывший соратник Грюнштейн. Вспомнили старые времена, как сажали на трон матушку Елизавету Петровну. Воистину, «революция пожирает своих детей»».

Жили супруги в Устюге в большой нужде, но Лесток не унывал. При своем оптимизме он перезнакомился с охраной, играл с ними в карты, выигрывал, чем облегчал себе жизнь. Рядом всегда есть больные, и хирург пускал кровь для облегчения страданий, и больные платили ему за услуги. Заключение и ссылка длились 13 лет. Освободил их Петр III. Лесток приехал в столицу в жалкой одежде, без рубля в кармане, но полный сил и надежд на будущее. Ему было 69 лет. Дом и конфискованное имущество были ему возвращены. Ему удалось встретить на престоле Екатерину, которая была к нему милостива. Умер Лесток в 1767 году в возрасте 75 лет.

Императрица Елизавета Петровна

Строгий князь Щербатов так пишет об императрице: «Сия государыня из женского полу в молодости своей была отменной красоты, набожна, милосердна, сострадательна и щедра, от природы одарена довольным разумом, но никакого просвещения не имела, так что меня уверял Дмитрий Васильевич Волков, бывший конференц-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров; с природы веселого нрава и жадно ищущая веселий; чувствовала свою красоту и страстна украшать себя разными украшениями; ленива и недокучлива к всякому требующему некоего прилежания делу, так что за леность ее не токмо внутренние дела Государственные многие иногда леты без подписания ее лежали, но даже и внешние государственные дела, яко трактаты по несколько месяцев, за леностью ее подписать имя у нее лежали; роскошна и любострастна, дающая многую уверенность своим любимцам, но однако такова, что всегда над ними власть монаршу сохраняла».

Так вот откуда эти сведения о Великобритании – от Волкова. Каждый пишущий о Елизавете, даже если текст умещается на одной странице, с удовольствием отмечает, что императрица считала, что до Англии можно добраться по суше. Каждый также упоминает об осе, которая села на перо во время подписания императрицей важнейшего документа – договора с Австрией в 1747 году. Оса! ...Крик, ужас, сейчас укусит, не дай Бог лицо... Подписание договора было отложено.

Елизавета была красавицей в юности, осталась таковой и в тридцать два года, когда заняла трон, и в старости – а старость в XVIII веке приходила рано – она была хороша, полная фигура ее была величественна, как у богини, а лицу помогали сохранить красоту ухищрения гримеров и парикмахеров. Но не хочется начинать рассказ о Елизавете с ее гардероба, с тысячи платьев, о которых осуждающе пишет любой, кто рассказывает об императрице.

Начнем с политической роли Елизаветы. Соловьев сообщает, что в 1743 году Сенату, «неизвестно по какому поводу, было запрещено начинать дела по предложениям, письменным или словесным, без письменного указа за рукой императрицы». Очень опрометчивое приказание. Думаю, со временем этот указ был отменен. Заниматься делами, вникать в их суть императрица не любила. Первое время, ощущая свою высокую роль, она старалась: ей присылали доклады и депеши, она их читала, делала пометки, давала распоряжения. Правда, заседать в Сенате и слушать прения не любила. В 1741 и 1742 годах она была в Сенате семь раз, в 1743 году – четыре раза, потом и того меньше. Со временем все эти политические игры ей наскучили. У нее на все было собственное мнение, поэтому прежде, чем подписать ту или иную бумагу, она долго размышляла, а иногда и забывала об этой бумаге. Со временем она поняла, что активное участие ее в управлении государством ничего не меняет, и позволила себе быть менее активной.

Документы готовили Бестужев, Воронцов и другие важные министры, ей только подпись надо было поставить, но и от этого она увиливала всеми возможными способами. Почему? А вот так...Ее обвиняли в патологической лени. Валишевский, пытаюсь разобраться

в ситуации, пишет, что у нее просто не хватало на работу времени. Она бы рада заняться государственными делами, но с утра туалет – часа три, не меньше, а там, смотришь, уже охота, а там в церковь, как же без этого, а вечером бал или свадьба кого-то из родственников или приближенных, и потом у нас, кажется, было намечено ехать с утра в Петергоф... или в Гостилицы... или в Ораниенбаум...

Позднее, где-то в 1750 году, как мы знаем из депеши, Бестужев жаловался графу Бернесу, посланнику Марии-Терезии: «Вы находите, что дела моей коллегии идут плохо, – говорит Бестужев. – Если бы вы видели остальные! Благодаря доверию, которым меня облакает государыня, у меня зло, может быть, до некоторой степени и поправимо. В других областях империя положительно приходит в упадок. Если бы ее величество посвящала управлению страны сотую долю времени, отдаваемую вашей повелительницей (т. е. Марией-Терезией) управлению государства, я был бы счастливейшим из смертных. При настоящем же положении вещей терпение мое истощается, и я решил выйти в отставку через несколько месяцев».

Врет Бестужев, а скорей всего, хитрит, никуда он не ушел и не собирался, а когда канцлерство его хотели отнять силой, он защищался как лев. Бестужеву вторит Воронцов (взято из донесения маркиза Лопиталья): «Вы не поверите, сколько хлопот доставляет мне нерешительность и медлительность ее величества... Хотя бы я и думал, что какое-нибудь дело окончательно слажено в тот вечер, когда я вас вижу, я все же не смею вам это сказать, зная по опыту, что на следующий день все может измениться».

Читаешь эти жалобы, и на ум приходит притча о добром и злом хозяине. «Я бы все сделал для вас, – говорит добрый хозяин просителю, в нашем случае иностранному посланнику, – но я работаю не один, поэтому дождемся лучших дней». Вряд ли Елизавета мыслила таким образом, но что ее ближайшие подчиненные использовали в своих видах эту ситуацию, видно невооруженным глазом. А «плохим хозяином» всегда был Бестужев.

Елизавета была умна, и это ее увливание от государственных дел происходило не только от скуки, возникающей при виде деловых бумаг, и не от немедленного желания броситься в омут развлечений. Очень может быть, что она не любила быстрых решений, не хотела рисковать – пусть бумага отлежится, а там посмотрим. Вдруг завтра будет во вред государству то, что она сделала сегодня.

Екатерина II пишет: «У нее (Елизаветы) была такая привычка, когда она должна была подписать что-нибудь особенно важное, класть такую бумагу, прежде, чем подписать, под изображение плащаницы, которую она особенно почитала; оставивши ее там некоторое время, она подписывала или не подписывала ее, смотря по тому, что ей скажет сердце».

Я думаю, что она подсознательно хотела задержать время. Не надо ничего менять, господа! Будем веселиться, пока молоды! Вот уж когда совсем в Европе будет плохо, тогда и ввяжемся в их дела, а сейчас не надо торопиться. Во всем этом была, конечно, беспечность, но и женская мудрость, все ведь как-то само собой идет, катится в нужном направлении, и чем меньше она будет вмешиваться, тем лучше. Жизнь сама выведет.

Ключевский пишет: «Ленивая и капризная, пугавшаяся всякой серьезной мысли, питавшая отвращение ко всякому деловому занятию, Елизавета не могла войти в сложные международные отношения тогдашней Европы и понять дипломатические хитросплетения своего канцлера Бестужева-Рюмина». Все правильно, но у нее хватило ума терпеть этого канцлера 17 лет, хотя сам он, как личность, был ей очень несимпатичен. И с этим канцлером она победила величайшего стратега Фридриха Великого, взяла (пусть ненадолго) Берлин и умудрилась при всех ее недостатках «стать вершительницей европейских судеб».

Все свое царствование она ощущала себя дочерью Великого Петра, который оставил ей в наследство великую империю. Перед отцом она преклонялась, и именно при ней был создан культ Петра как Преобразователя. Само имя его, несколько полинявшее при Анне Иоанновне, было теперь окружено сиянием и священным трепетом. Но она помнила, как заняла трон, и слово «народ» тоже не было для нее пустым звуком. Она искренне любила Россию, гордилась ею и старалась, как умела, был ей полезной. Мне очень нравится оценка

Елизаветы французским послом д'Альоном: «У нее был только женский ум, но его было у нее много».

В делах, которые она считала своими кровными, она была и внимательна, и работоспособна. Одним из неоконченных дел Петра I было издание Библии на русском языке. Удивительное дело, но в домашнем обиходе в России ходила только Псалтирь польского происхождения «для чтения и пения во славу Бога». Священные тексты – то есть Библия, изданная на греческом или славянском языках, – и читались только в церкви. Вряд ли Петр в 1703 году помышлял о переводе Библии на русский разговорный язык, но помог случай. Переводом Библии на русский занимался известный пастор Эрнст Глюк, тот самый пастор, в доме которого Шереметьев заприметил красивую девушку, ставшую со временем императрицей Екатериной I. Глюк изучил русский, поскольку в Лифляндии жило много русских, особенно бежавших от притеснения староверов. Глюк перевел Новый Завет, но перевод погиб в 1703 году при взятии нашими войсками Мариенбурга. Пастор с семьей переехал в Москву, там, по поручению Петра, основал гимназию и опять стал переводить Библию на русский язык с подлинного текста. В 1705 году Глюк умер. Мы не знаем, завершил ли он свой труд или нет, бумаги его исчезли. Тогда же дело с переводом Библии на русский язык заглохло, Петру было не до этого.

Елизавета решила вернуть этот проект к жизни. В 1743 году по приезде в Москву Синод получил от нее такой приказ: «Понеже дело направления Библии, к напечатанию оной вновь давно уже зачатое, и поныне не завершено, а нужда в том церковная и народная велика: того для сим нашим указом повелеваем, дабы св. Синода все члены в сию святую четыре десятиницу в направлении оной Библии к печатанию оной вновь трудились от получения сего нашего указа каждый день поутру и пополудни, кроме недельных дней, чтоб, ежели возможно, оное исправление окончить к празднику св. Пасхи...» Как мы видим, речь идет не о переводе, а о правке перевода Библии и подготовке его к печати. Но в 1744 году дело не сдвинулось с места. Амвросий Новгородский, который должен был заниматься правкой, попросил уволить его от этого по причине нездоровья, «потому что головой весьма немощен, а дело требует довольного рассуждения».

Елизавета согласилась на отсрочку, тогда голова ее была занята поиском невесты для наследника, но через год она вернулась к этой идее. В ноябре 1745 года Синод опять получил именной приказ издать в этом же году Библию для народного употребления, а если члены Синода не согласны, то пусть дадут письменное «мнение». Мнения были поданы, члены Синода были единодушны – Библию издавать рано, потому что исправление было давно, а без «заручения» тех справщиков «сомнительно есть, нет ли в ней каковой попорчки, чего ради оную без оговорения печати предать опасно». То есть «определили оную с печатью словенскою прочесть и исправить», но ни читать, ни исправлять никто не взялся, и дело заглохло.

Но Елизавета была настойчива. В 1747 году Синод определил вызвать из Киева двух иеромонахов, знающих греческий язык. Те иеромонахи стали исправлять Библию, но дело это было долгое и трудное, и 1 марта 1750 года Синод получил высочайший приказ: печатать без всякого отлагательства. Начали печатать. Библия вышла в свет в 1752 году. Соловьев С.М.: «23 февраля императрица указала публиковать из Сената по всей империи, что начавшаяся исправлением при жизни Петра Великого Библия ныне совсем уже окончена и напечатана, которую продавать велено без переплету по пяти рублей, и чтоб всякий, зная о том, более пяти рублей не платил, чтоб перекупщикам пресечь путь к повышению цены, ибо книг печатается и впредь будет печататься довольно число».

Выправленное и грамотно переведенное Евангелие от четырех авторов на русском языке было издано в России только в 1860 году, через два года опубликовали Деяния апостолов и Апокалипсис. Тогда же начали переводить на русский Ветхий Завет. Первая полная Библия на русском языке была издана в 1876 году.

Елизавета была верующим человеком, не показно религиозна, как Екатерина II, а истинно. XVIII век тоже был заражен вольтерьянством, но Елизавета не поддавалась этому

влиянию. Она постоянно посещала монастыри, постилась, соблюдала все праздники, часами стояла перед иконами, советовалась с Господом и святыми угодниками, как поступать в том или ином случае. Понятно, что она радела о чистоте православия, а слишком большая истовость в этом вопросе в многонациональной стране приводит иногда к серьезным неприятностям. Императрица очень оберегала вновь обращенных, но при этом многие мечети уничтожались, активно она боролась и со староверами. Действие всегда вызывает противодействие, среди старожилов опять появились случаи саможжения. Кроме того, развелось большое количество сект, например, хлыстов, с которыми активно и часто жестоко боролись.

Богомолье императрицы часто превращалось в фарс, но она этого не замечала. У нее были свои искренние и чистые отношения с Богом. На богомолье ходят пешком, а до Троице-Сергиевой лавры от Москвы восемьдесят верст. Такое расстояние не пройдешь за один день, надо где-то ночевать. Постоялые дворы не подходят, там бедность, вонь и насекомые, а потому рубятся в неделю путевые царские дворцы, мебель везли с собой. Не успели подготовить деревянное жилье, разобьем в чистом поле шатры. Во время охоты Петра II обычай этот прочно вошел в обиход царского двора. На богомолье с царицей идет целый штат – тут и статс-дамы, и фрейлины, иногда и министры с женами, тут же слуги, повара и прочие. Застолья в поле широкие, народу много, весело! Иногда на такие путешествия уходило все лето. Понятно, что в этой круговерти заниматься государственными делами нет ни охоты, ни возможности.

Она по-своему любила искусство, впрочем, его каждый любит по-своему. Музыка играла очень большую роль в ее жизни – здесь и церковное пение, и опера, и, конечно, народные малороссийские и русские мелодии, с этого началась ее любовь к Разумовскому. Читать не читала, привычки такой с детства не было, но любила театр, ей важны были тексты, которые доносили до нее актеры. Она любила красивую одежду. Это была ее эстетика, ее отношение к миру.

Теперь о любви к нарядам. Сочиняя наряды себе и другим, разбирая украшения и драгоценные ткани, она находила в этом такую радость, ощущала такую полноту жизни, которую иным испытать не дано. Это был ее художественный поиск, ее потребность. Юдашкин в юбке, при этом не заикающийся, мелкого роста мужчина, а русская красавица со всей полнотой власти. Вот и результат. Она могла жить только так, а не иначе.

Если бы не было в этой заботе о собственной красоте привкуса скандала, то об излишествах императрицы в платьях, чулках и башмаках никто бы и не вспомнил. Вот цифры: во время пожара в московском дворце там сгорело четыре тысячи платьев, после смерти Елизаветы осталось пятнадцать тысяч платьев, тысяча пар обуви, а еще более сотни кусков французских тканей. В чем в чем, а в модах она разбиралась. В порт приходил корабль из Франции. Об этом ей сообщали первой. Она сразу направляла своих людей на борт судна, чтобы ткани или косметика, если таковые имелись, не успели попасть прежде к господам Румянцевой или Нарышкиной, или, не приведи Господь, в модную лавку, в распродажу.

Валишевский пишет, что в 1760 году, то есть за год до ее смерти, посланник Бехтеев в Париже, направленный туда для возобновления дипломатических отношений между нашими странами, был еще всерьез озабочен тем, чтобы привести в Петербург модные шелковые чулки для императрицы. А ведь это было за год до ее смерти! Правда, Елизавете было всего 52 года, мы сейчас это называем деликатно «бальзаковский возраст» (у Бальзака, правда, фигурировала цифра тридцать), а в XVIII веке это был возраст старости. Екатерина в «Записках» называет императрицу этого периода – колода! Понятно, что для молодой женщины интерес старухи к чулкам кажется смешным.

Но я на стороне Елизаветы. Одна моя приятельница, тоже красавица, на каком-то возрастном этапе вдруг сказала грустно: «Знаешь, меня перестали “видеть” в метро». То есть раньше она все время ловила восхищенные взгляды, а потом вдруг словно исчезла, смешалась с безликой толпой. Елизавета не могла этого допустить. Ее, конечно, всегда

«видели», она была императрица, но видеть можно по-разному. Ей важно было ловить не только льстивые и подобострастные взгляды, а восхищенные, удивленные, восторженные. Это вообще свойство красивых женщин, и никуда от этого не деться.

Екатерина II пишет: «...опыт научил меня быть настороже относительно того, что высказывала государыня в гневе». А в гневе Елизавета могла вести себя совершенно непотребно. Здесь и ругань, как в портовом кабаке, и рукоприкладство; правда, отходила быстро. Я уже рассказала о случае с Лопухиной на балу. Такая же история приключилась раньше с княжнами Нарышкиными, только на этот раз не роза была в волосах, а бант, который императрица вырвала вместе с прядью волос.

С фрейлинами Елизавета была строга. Из «Записок» Екатерины мы знаем о каверзном случае, когда все фрейлины ее величества вдруг предстали перед публикой в иссиня-черных париках. Объяснялось все просто. Накануне бала в Петергофе парикмахер Елизаветы покрасил ей волосы, но перетемнил, подкачала французская краска. Императрица признавала только светлый цвет и потому страшно разгневалась. Парикмахер стал колдовать с волосами, но все испортил, они еще больше потемнели. Тогда появилась идея с черными париками – пусть у всех будут темные головы! А где найти такую уйму пристойных париков? В ход пошли старые, косматые и нечесанные, даже детские. Если парик не налезал на голову, несчастную фрейлину стригли наголо. Об этой истории в Петербурге долго судачили.

Теперь о маскарадах. Елизавете шел мужской костюм, она в нем чувствовала себя совершенно естественно со времен охоты с Петром II. Отсюда появилась придумка устраивать маскарады с обязательным переодеванием: женщины, независимо от возраста, – в мужском, а мужчины, соответственно, – в женском. Присутствие на придворных маскарадах по вторникам было обязательным, поскольку императрица сама назначала, кому на них быть. Если сказался больным, но обманул, – узнают и накажут не только штрафом, но и неудовольствием, выговором, а это еще страшнее. Кроме того, на маскараде нельзя было появляться дважды в одном и том же костюме. Чтобы приказ государыни исполнялся неукоснительно, солдаты на выходе ставили на костюме чернильную печать. Не экономь на радости!

Вот как описывает Екатерина один из этих маскарадов. Ей было тогда пятнадцать лет, и она очень веселилась. «...Нет ничего безобразнее и в то же время забавнее, как множество мужчин столь нескладно наряженных, и нет ничего более жалкого, как фигура женщин, одетых мужчинами; вполне хороша была только сама императрица, к которой мужское платье отлично шло; она была очень хороша в этих костюмах. На этих маскарадах мужчины были вообще злы как собаки, а женщины постоянно рисковали тем, что их опрокинут эти чудовищные колоссы, которые очень неловко справлялись со своими громадными фижмами и непрестанно вас задевали». На одном из маскарадов с Екатериной танцевал полонез Сиверс, высокого роста камер-юнкер. Рядом с Екатериной танцевала графиня Гендрикова. На повороте Сиверс подавал Гендриковой руку и не рассчитал – сбил графиню с ног. Падая, она толкнула Екатерину, и та упала прямо под фижмы Сиверса. «Он запутался в своем длинном платье, которое так раскачивалось, и вот мы все трое очутились на полу, и я именно у него под юбкой; меня душил смех, и я старалась встать, но пришлось нас поднять; до того трудно нам было справиться, когда мы запутались в платье Сиверса».

Понятное дело, девочке Екатерине было весело, а даме в возрасте, наверное, было не до смеха. В этом есть оттенок грубой любви в шутовству, который очень свойственен русским дворам того времени. Но Елизавета вряд ли хотела кого-то сознательно обидеть на этих маскарадах. Главное, чтоб было весело! И все смеялись, даже если у иных это был смех сквозь слезы. Но было действительно весело.

Императрице был свойственен хороший вкус, она любила, чтоб было красиво. На нее работали лучшие архитекторы. Дворцы украшала роскошная мебель, правда, ее нещадно били при переездах. Императрица с интересом относилась и к разного рода инженерным игрушкам. Во дворце была установлена подъемная машина, нечто вроде лифта: два мягких дивана поднимали гостей на второй этаж и также благополучно спускали вниз. Кто-то из

дипломатов описывает даже самодвижущиеся экипажи – чудо XVIII века, которое не прижилось, кроме как во дворце.

Балы следовали один за другим, их должны были давать особы двух первых классов. Строго этикета на этих балах не придерживались, все было очень демократично. Хозяева никого не встречали и не провожали, императрица не была исключением. Вначале карты и танцы, потом ужин, на котором царская семья сидела за столом, остальные ели стоя. Поели, и опять танцевать. «Нигде не танцуют менюэт так выразительно и благопристойно, как в Петербурге», – такую оценку дал этим балам французский балетмейстер Ланде. Удивительно, но Елизавета устраивала даже детские балы, то есть разрешала детям появляться при дворе вместе с родителями. На одном из таких балов присутствовало около восьмидесяти детей с родителями и гувернантками, была там и сама императрица. Европа на эти вольности смотрела с осуждением.

Про Елизавету говорят, что ее закрутил «вихрь наслаждений», Державин, напротив, называл ее в стихах «спокойной весной». Весна – это понятно, красавиц всегда сравнивают с весенним праздником, но почему «спокойной»? Наверное, потому, что характер ее был понятен, она была нравственно здоровым человеком, без истерии, без излишней жестокости. Она подражала западным дворам, одевалась по французской моде, но при этом оставалась русской в быту и поведении. Уже пребывая на троне, она осталась верна национальным праздникам, любила святочные игры и Масленицу, щи и гречневая каша не уходили с ее стола. И, скажем еще, она была милосердна, и все это знали. В ее правление был разработан проект уголовного уложения. Комиссия по уложению постаралась, наказания в них были один страшнее другого. Елизавета отказалась их подписывать и потребовала смягчения наказаний.

Она не любила подписывать государственные бумаги, но при этом была хорошим дипломатом. Шуткой, улыбками, приятным обхождением она умела добиться того, что нужно было в данный момент и ей самой, и государству. Иллюстрацией этого являются ее отношения с Шетарди. Екатерина пишет: «Довольно часто случалось, что когда ее императорское величество сердилась на кого-то, она не бранила за дело, за которое бы следовало побранить, а брала предлогом что-нибудь такое, за что никто и не мог бы думать, что она могла рассердиться». Этот опыт переняла и Екатерина II. Валишевский пишет, что Елизавета отличалась большой скрытностью. «Никогда она не была так любезна с людьми, как в ту минуту, когда готовила им погибель. Но это опять-таки принадлежит к области вечно женского». Здесь хочется вспомнить Лестока: она его обнадежила, а потом арестовала.

Когда умерла Анна Леопольдовна, Елизавета плакала долго и искренне. Конечно, ее мучила совесть. И еще она боялась, что с ней самой может случиться та же история, что с несчастным Иваном Антоновичем. Причем страх этот не уходил, а со временем только ужесточился. Во второй половине своего царствования распорядок ее дня, и раньше весьма прихотливый, и вовсе разладился. Она боялась ночи, боялась одиночества, а потому создала вокруг себя некую команду, узкий круг женщин, который насмешливо называли «чесальщицами пяток». Не знаю, чесали ли ей пятки или это только выдумка острословов, но каждую ночь эти женщины сидели рядом с императрицей, разговаривали вполголоса и не давали ей уснуть. Засыпала она только на рассвете. В круг «чесальщиц» входили самые главные дамы государства: Воронцова (в девичестве Скавронская), две Шуваловых (семья эта очень входила в силу) – Елизавета Ивановна, сестра фаворита, и Мавра Егоровна, жена Петра Шувалова; близким человеком была также вдова адмирала Головина по имени Мария Богдановна. Последнюю Елизавета прозвала «хлоп-бабой», можно представить, какой у той был характер. Все эти дамы не только пересказывали императрице последние события и сплетни, но пеклись и о собственном благе. Близость к императрице позволяла им выгодно решать дела собственные и своих мужей.

Про Екатерину I пишут: не то чтобы она была пьяницей, но выпить очень любила. Некоторые обвиняют в наследственной привычке и Елизавету. Это неправда. Любила она легкое пиво и венгерское вино, не чуждалась, если этого требовалось по случаю, и рюмки

водки, но не более. Мардефельд написал в донесении к Фридриху: «Она ни в чем себе не отказывает, как и мать ее Екатерина, только Вахх не принимает в том никакого участия».

О любовных делах императрицы я уже писала, но запамтовала сообщить о дальнейшей судьбе Алексея Шубина. Видно, сильно Анна Иоанновна не любила Елизавету, и очень горячо в ней было желание досадить цесаревне, если она сослала ее возлюбленного аж на Камчатку. Думаю, что сама императрица не знала, насколько это далеко от Петербурга. Туда ссылали только самых опасных преступников.

О возвращении Шубина Елизавета стала хлопотать сразу, как только Анна Иоанновна умерла. Регентша Анна Леопольдовна готова была исполнить просьбу Елизаветы, но это было трудно сделать. В прошлое царствование Тайная канцелярия трудилась на совесть, а так как было много политических дел, то людей часто ссылали, не указывая в бумагах место ссылки, так что их и сыскать было нельзя. Придумана была еще и другая хитрость: подследственным меняли имена или в документах вовсе не указывали имени: мол, сослан туда-то, а кто – неизвестно.

Место ссылки Шубина было известно, но путь на Камчатку мог занять год, а то и больше. Тем не менее его там разыскали. Выяснилось, что он был принудительно женат на камчадалке. Когда Алексей Шубин в 1743 году добрался наконец до Петербурга, Елизавета была уже императрицей. Перед ней предстал не прежний веселый и удалой красавец, а измученный, обиженный, потерявший себя человек. О возобновлении прежних отношений не было и речи, сердце государыни было занято Алексеем Разумовским.

Но Алексей Яковлевич Шубин был вознагражден за свои страдания не только богатством – ему были пожалованы богатые вотчины во Владимирской губернии, – но и чинами. Он стал майором лейб-гвардии Семеновского полка, был также произведен в генерал-майоры и награжден высшим орденом России – Св. Александра Невского. Как он жил по возвращении из ссылки, мы не знаем, известно только, что умер он в 1765 году.

К нашему рассказу следует добавить сведения, которые невозможно проверить. В 1743 году д'Альон писал в письме: «Мне удалось узнать, что императрица воспитывает с большой заботливостью девочку. Ей от девяти до десяти лет, и ее выдают за близкую родственницу императрицы». Посланник стал наводить справки и в дипломатической переписке сообщил уже с уверенностью, что это дочь Елизаветы и Разумовского. Позднее д'Альон с той же уверенностью стал утверждать, что отцом девочки был не Разумовский, а Шубин. Рассказ о дальнейшей судьбе девочки неким отзвуком перекликается с судьбой княжны Таракановой. Валишевский пишет про девочку: «Доверенная вначале мадемуазель Шмит, потом, после ее ссылки, греческому купцу, девочка была этим последним, получившим от Елизаветы 6000 рублей, привезена в Москву. В то же время д'Альон узнал, что она была включена в число почетных дам императрицы. Но вот и разъяснение: в 1740 году дворцовый журнал упоминает мадемуазель Шмит как гувернантку племянницы Разумовского, а мы знаем, что одна из племянниц фаворита, Авдотья, была почетной дамой, начиная с 1743 года». Господину Валишевскому все ясно, а мне так нет. И вообще: «Был ли мальчик», то бишь, девочка? Племянница Разумовского Авдотья стала супругой Андрея Бестужева (сына канцлера), а Алексей Петрович похвалялся кому-то из иностранных послов, кажется Мардефельду, что невестка у него дочь императрицы. Словом, все это смахивает на пустые домыслы.

Калинкинский дом

Елизавета заботилась о нравственности населения. Примером того служит создание так называемого Калинкинского дома. Заведение это, наводившее ужас на прекрасную, но слабую половину человечества, возникло в Петербурге после того, когда императрица именным приказом закрыла скандальное заведение знаменитой Дрезденши, прописанное под названием «Модная лавка». Все на законных основаниях, шьют и продают одежду, а также парики, драгоценности, мушки, туалетную воду и румяна. Заведение процветало, пока не выяснилось, что под прикрытием торговли предприимчивая немка организовала дом

свиданий, который посещали представители лучших семей города, причем не только мужья, но и жены. В девицах, и разумеется, там тоже недостатка не было.

Но соглядатаи не дремали, донесли. До слуха государыни стали доходить пикантные подробности, а потом и скандальные дела. Немку выслали в родной Дрезден, а ее осиное гнездо вытравили в одночасье. Протоирей Дубянский, духовник Елизаветы, очень этому способствовал. По его настоянию учинили комиссию, чтобы найти средство для разыскания гулящих девиц и также «потворных баб», которые «молодых жен с чужими мужьями сваживают». Тайная канцелярия по замыслу комиссии тоже должна была принимать в этом участие, и глава этого органа, Александр Иванович Шувалов, был обеими руками «за», хотя в результате закрытия «Модной лавки» Дрезденши потерял значительную часть своих осведомительниц.

Комиссия предложила бороться с развратом не только на улице, но и в домашних условиях. Доносов было море разливанное. Доносителей не наказывали, потому что каждый второй донос был ложным. Деликатная тема задевала чуть ли не все население Петербурга.

Комиссия заседала в Калининском доме. Это была большая усадьба некоего Калининна, которая отошла к казне в счет долгов. Дом был неказист. Его на скорую руку подремонтировали, обустроили следственную комнату, лекарскую, палаты и стражу. «Пропавшим девицам» предстояло пройти медицинское обследование. В наше время каждая женщина проходит это обследование много раз за жизнь, но в XVIII веке это обследование считалось ужасным и унижительным. После прохождения необходимой процедуры и оформления надлежащих бумаг обитательниц страшного дома направляли на ткацкую или шпалерную фабрики. Слова «услали в “Калинкинский приказ”» стали нарицательными, и со временем стали вызывать у обывателей не только насмешку, но и сострадание. Примечательно, что уличенные в зазорной связи мужчины не привлекались к ответственности и отделывались только назидательным разговором.

Еще раз о фаворитах

Злопыхатели и сплетники определяли в любовники императрицы несчетное количество мужчин. В таковые записывали Ивинского, Панина, Петра Шувалова, братьев Воронцовых – Романа и Михаила, Сиверса, Лялина, Мусина-Пушкина; список можно продолжать. Все это вздор. Елизавета вовсе не была сексуально озабоченной женщиной, она была по-своему добродетельна, а если и грешила, то это было вполне в стиле эпохи.

Но о двух серьезных привязанностях стоит рассказать. О Шувалове Иване Ивановиче, друге и советнике, разговор позднее. Сейчас остановимся на Бекетове. Во время Масленицы Елизавета велела построить в одном из залов дворца театр. В нем кадеты стали разыгрывать русские трагедии Сумарокова. Императрица была очень увлечена этим действием. Вот выдержки из «Записок» Екатерины II: «Среди этих кадетов был один, который отличался столь же своей игрой, сколько своей красивой наружностью; его голубые глаза навывкате бросали взгляды, способные вскружить головы немалого количества придворных дам». Красавец исполнял роль Трувора в пьесе «Синав». Императрица его очень отличала. Она сама заботилась о костюмах кадетов, Трувор уже носил одежду тех цветов, которые любила императрица. Она сама обряжала кадетов, румянила перед выходом на сцену.

«За последнюю неделю Масленицы нас заставили прослушать десять трагедий. Признаюсь, Мельпомена одолевала меня скукой, и я очень часто зевала; однако я захотела узнать фамилию актеров, которые надоели мне до смерти; из уст ее величества я узнала, что красивый Трувор назывался Бекетовым». «Во время поста река стала неустойчива, ходить через нее было трудно, и императрица велела поместить всю труппу кадетов во дворце. У Елизаветы нашлась, смешно сказать, соперница, о которой Екатерина пишет не с издевкой, а с сожалением. Узнай об этом императрица, бедной княжне Гагариной несдобровать».

Никита Афанасьевич Бекетов

Итак, Бекетов (1729–1794) происходил из старинной дворянской семьи, известной с XVI века. Отец, А.А. Бекетов, служил воеводой в Симбирске и вышел в отставку при Екатерине II. Тринадцатилетнего Никиту Бекетова привезли в Петербург в отдаленное обучение в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Корпус давал хорошее образование молодым дворянам: помимо обязательных военных и инженерных дисциплин их учили языкам, танцам и благонравному поведению в обществе. Модное в то время увлечение театром коснулось и Шляхетского корпуса. Молодые кадеты разыгрывали пьесы Сумарокова, исполняя в них как мужские, так и женские роли.

Легенда о «случае» с Бекетовым рассказывает так. Трувор-Бекетов играл очень хорошо, но вдруг среди действия остановился, смутился, словно забыл вдруг свою роль. Дальше произошло и вовсе невероятное: наш герой заснул прямо на сцене. Служащие решили опустить занавес, но императрица остановила их. Она приказала оркестру играть приятную мелодию, а сама с улыбкой любовалась уснувшим актером. Проснулся Трувор уже сержантом.

Весь двор заговорил о новом фаворите. 1751 год, Елизавете 42, Бекетову 19. Через месяц он уже адъютант графа Алексея Григорьевича Разумовского. Говорили, что об этом попросил графа Бестужев, но Алексей Григорьевич сделал бы это и без его просьбы, слово Елизаветы было для него законом – он продолжал ее боготворить.

Бестужев очень оживился в случае с Бекетовым. Сейчас ближе всего к трону стояли Шуваловы, а новый фаворит должен был оттеснить Ивана Ивановича и тем повысить кредит самого канцлера. Бестужев дарил Бекетову дорогие камзолы, украшенные бриллиантовыми пуговицами, драгоценные кольца, часы. Покои молодого фаворита находились рядом с апартаментами императрицы. В мае 1751 года он получил чин полковника. Казалось, что фавор будет надежным и долгим. Но время внесло свои коррективы.

Лето, императрица переехала в Петергоф, Бекетов последовал за ней. Но Шуваловы не дремали. За Никитой Бекетовым велось самое пристальное наблюдение. Никита был музыкален, любил природу, сочинял стихи. Петергоф настраивал его на лирический лад. Он даже организовал хор мальчиков, с которыми проводил спевки на берегу залива. Тут же была пущена сплетня, что молодой полковник равнодушен к мальчикам, и вообще-то надо разобраться, чем они там занимаются под шум волн.

От солнца у Никиты появились веснушки. Петр Шувалов немедленно предложил молодому человеку «чудодейственную мазь» – белила, им самим составленные. Это был коварный, подлый поступок. «Хороший цвет лица» в XVIII веке считался одним из главных украшений, а шуваловские белила изуродовали Бекетову лицо, оно покрылось прыщами и гнойниками. Теперь осталось только «раскрыть глаза государыне». И раскрыли: во-первых, содомский грех, Елизавета относилась к этому с крайней брезгливостью. А теперь посмотрите на его лицо! Может быть, он болен дурной болезнью? А не заразен ли этот красавец? Елизавета в ужасе уехала из Петергофа, запретив Бекетову показываться на глаза.

За этим последовал нервный срыв. Бекетов заболел, дело кончилось бредом и лихорадкой. «За недостойное поведение» он был изгнан из дворца. Но сердобольная императрица не бросила его на произвол судьбы. Она подарила ему имение Отрадное в Астраханской губернии. На время он исчезает из поля зрения, и появляется уже в 1757 году на поле битвы. Он прошел всю Семилетнюю войну. После битвы при Гросс-Егерсдорфе Бекетов стал командиром 4-го гренадерского полка, с этим полком он брал Кенигсберг. Был он также участником жарких битв при Кюстрине и Цорндорфе. Потом прусский плен, где он со многими русскими воинами просидел два года. О битве при Кюстрине и Цорндорфе, а также о том, как содержали пруссаки наших пленных, рекомендую прочитать любопытным в моем романе «Закон парности» (из серии «Гардемарины»). По возвращении на родину Бекетов был произведен в бригадиры.

При Петре III Бекетов получил генеральский чин. На трон взошла Екатерина II. Она благосклонно отнеслась к Никите Афанасьевичу Бекетову и назначила его губернатором в

Астрахань. Вот здесь открылись истинные таланты Бекетова. Он был замечательным администратором, показавшим себя в самых разных областях деятельности: построил Енотаевскую крепость для защиты жителей города от кочевников, которые часто совершали набеги, в заботе об освоении края организовал новые поселения из немецких колонистов, занимался сельским хозяйством. Его, например, очень интересовало шелководство, а также виноградарство. Он улучшил работу рыбных промыслов. Не ухудшая жизнь населения, он смог увеличить поступления в казну, за что был награжден орденом Св. Анны I степени, получил чин генерал-поручика и стал сенатором.

Какая пестрая и разнообразная жизнь! В 1780 году он вышел в отставку, поселился в своем Отрадном и предался опытам по улучшению сельского хозяйства. А вот еще один мазок на картину общего благосостояния. Горчицу в Россию ввозили, я думаю, из Франции. Бекетов решил освоить на родных землях разведение этой культуры и добился своего. «Горчица Бекетова» получила золотую медаль от Вольного экономического общества. А еще он построил церковь в честь Никиты-исповедника. Она была заложена в 1782 году и по сию пору считается самым древним архитектурным памятником Волгограда (бывшего Царицына).

Никита Афанасьевич так и не женился. Связи были, и побочные дочери были, но царственной супругой в его сердце, видно, так и осталась Елизавета. А может, все гораздо проще – не случилось найти подругу жизни, и все дела. Все его огромное богатство осталось дочерям. Еще добавим, что Бекетов пописывал стихи и пьесы. Валишевский пишет, что он «утешал себя в никогда не покидавшей его меланхолии литературными занятиями; плоды их, однако, до нас не дошли». А плоды племянника его, поэта И.И. Дмитриева, дошли. Он написал:

Воспитанник любви и счастья богини,
Он сердца своего от них не развратил;
Других обогащал, а сам, как стоик, жил.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин

Лесток был повержен, но интриги против канцлера Бестужева (1693–1766) продолжались. Шла борьба за власть, за влияние на императрицу, и первейшими противниками Бестужева были братья Шуваловы и примкнувший к ним вице-канцлер Воронцов. Шуваловы были серьезной силой. Иван Иванович был фаворитом, Александр Петрович был главой тайной канцелярии, Петр Иванович, генерал-фельдцейхмейстер, сенатор и делец, был самым богатым человеком России. Иван Иванович Шувалов, двоюродный брат Петра и Александра, появился при дворе в 1747 году, а осенью 1749 года, празднуя в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима свои именины, Елизавета пожаловала Ивана Ивановича Шувалова в камер-юнкеры. Возвышение Ивана Ивановича очень поднимало акции всех Шуваловых. Рассказ о них впереди.

С неожиданной стороны появился и еще один смертельный враг. Им стал старший брат Михаил Петрович Бестужев. Граф Михаил Петрович давно служил по дипломатической части. Карьеру свою он начал еще при Петре I. Благодаря уму и образованию он уже в семнадцать лет начал служить секретарем при нашем посольстве в Копенгагене. В двадцать четыре года он камер-юнкер, а в 1720 году стал нашим резидентом в Лондоне. Дальше он быстро поднимался по служебной лестнице. После заключения Ништадтского мира он был назначен посланником в Швецию и продержался на этой должности до 1741 года. Елизавета Петровна назначила его полномочным министром в Варшаве.

В брак с вдовой Ягужинского, Анной Гавриловной, он вступил в 1743 году. Мог ли он предположить, чем для него обернется эта женитьба? В июле месяце супруга была арестована по лопухинскому заговору. Самого Михаила Петровича к делу не привлекли, но

все время следствия он содержался под караулом в собственном доме. После того как битая кнутом супруга Анна Гавриловна была отправлена в пожизненную ссылку в Якутск, Михаил Бестужев уехал за границу. Через год он уже наш посланник в Берлине.

И тут к дипломату пришла истинная любовь, это в 56 лет! Предметом страсти стала вдова обер-шенка Гаугвиц. Он решил на ней жениться. При живой жене это было непросто, и Михаил Петрович обратился с просьбой о помощи к брату – всеильному канцлеру. Алексей Петрович должен был исхлопотать у императрицы разрешение на развод и вступление в новый брак. Написал письмо, одно, второе. Осенью 1747 года он послал просьбу на высочайшее имя, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Обоженные любовью безрассудны не только в молодости, но и в преклонных летах. Не дожидаясь ответа из Петербурга, Михаил Петрович 30 марта 1749 года обвенчался с обожаемой, и вскоре узнал, что новоиспеченную графиню Бестужеву не признают не только в Петербурге, но и при дворах, где Бестужев был послом. С точки зрения этикета он был двоеженцем, имевшим сожительницу, метрессу, как тогда говорили.

До Михаила Петровича доходили слухи, что в деле о разводе и новой женитьбе младший брат его не только не помощник, но и противник, да, именно он вставляет палки в колеса. Отношения двух братьев были и раньше, как сейчас говорят, «непростыми», а тут уже вспыхнула откровенная ненависть.

Михаил Петрович стал просить помощи у Воронцова, о чем мы узнаем из его письма: «Ваше сиятельство, как уповаю, яко мой милостивый патрон и истинный друг, в сем приключении участие примите, и по искренней своей ко мне дружбе и милости, чинимые иногда паче чаяния против сего невинного моего поступка внушения по справедливости и человеколюбию своему в пользу мою опровергать не оставьте: ибо сие дело не иное, но самое партикулярное, до государственных интересов нимало не касается, и на которое я токмо для успокоения моей совести и для честного жития на свете поступил». Этим письмом Бестужев-старший подтверждал, что переходит в стан противника канцлера. Впрочем, Воронцов ничем не помог Михаилу Петровичу. Помощь пришла со стороны миролюбца Ивана Ивановича Шувалова, который уговорил императрицу признать брак Бестужева законным. В 1752 году Михаил Петрович был призван с супругой в Петербург. Бестужев объявил, что вернется в Россию с единственной целью – отомстить младшему брату и столкнуть его с занимаемой должности. По дороге с Петербург он заболел и приехал в Россию только в 1755 году, в самый разгар интриг. Скажу сразу, что через год он был назначен посланником во Францию, и на этом месте активно интриговал против брата. В 1760 году он умер, по завещанию похоронен в России.

Но до этого еще далеко, вернемся в начало пятидесятых XVIII века. Бестужев по-прежнему противник Пруссии, сторонник Австрии и Англии. Все понимают, что Европа стоит на пороге большой войны. С Францией дипломатические отношения уже прекратились, то же вот-вот произойдет и с Пруссией. Бестужеву надо было искать при дворе союзников против Шуваловых и иже с ними. А где их искать? Вернее всего – среди врагов шуваловского клана. Так у Бестужева появилась идея пойти на примирение с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Примирение состоялось, и это заложило фундамент будущим скорбным для Алексея Петровича событиям. Но прежде чем перейти к ним, следует подробно остановиться на фигуре канцлера, человека «неоднозначного» по своим характеристикам. Бог ты мой, какими только уничижительными характеристиками его ни награждали!

Манштейн в своих «Записках о России» пишет, что Бестужев был человеком умным, трудолюбивым, имеющим большой навык в государственных делах, патриотичным, но при этом гордым, мстительным, неблагодарным и в жизни невоздержанным. Екатерина II тоже отдает должное уму и талантам канцлера, но добавляет, что он был пронырлив, деспотичен, подозрителен и мелочен.

А вот Валишевский о Бестужеве: «Он был безусловно не лишен некоторых личных дарований, из тех, что приносят счастье большинству авантюристов; он действовал с

помощью тонкой хитрости и грубого нахальства, невозмутимого спокойствия и безошибочного инстинкта внешнего декорума, соединяя их с величавостью, которую он умел сохранить в самых унижительных положениях и которой он вводил в заблуждение не только Елизавету, но и всю Европу. Он властным тоном требовал субсидий России и принимал взятки с таким видом, будто оказывал этим великую честь». А мне кажется, что истинный дипломат именно такими качествами и должен обладать. Или я ничего не понимаю в дипломатии?

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин родился в Москве в дворянской семье 20 мая 1793 года. Был он третьим ребенком (сестра Аграфена и брат Михаил). Отец – Петр Михайлович (1764–1743). Матушку звали Евдокия Михайловна.

Но прежде несколько слов о фамилии. По легенде, семья Бестужевых произошла от некоего Гавриила Беста, англичанина из Кента, приехавшего на Русь в 1403 году, то есть еще при Василии I. У Гавриила был сын Яков Рюма, и царствующий тогда Иван III Великий пожаловал этого Рюму в бояре. Отсюда – Бестужевы-Рюмины, которых ни в коем случае нельзя было путать с просто Бестужевыми. Энциклопедия отказывает Бестужевым в английском происхождении, утверждая, что предки их жили в Великом Новгороде и были насильно переселены в Москву Иваном III при разгроме новгородской вольницы. «Бесстуж» по старославянски – «не докучающий ничем». Налицо явное генетическое противоречие. Алексей Петрович всю жизнь только тем и занимался, что опровергал скрытый смысл своей фамилии, докучая каждому, кто подвернется на пути.

А дальше «по тексту». Бывший новгородец Гавриил Бестужев имел сына Якова по прозвищу Рюма. Потомки их верно служили русским государям. Отец описываемого нами канцлера, Петр Михайлович Бестужев, служил у Петра I стольником, тогда же он получил прибавку к фамилии. Государь ему доверял, Петр Михайлович успел побывать и воеводою в Симбирске, исполнял поручения в Берлине и в Вене, а в 1712 году осел в Митаве в качестве гофмейстера при вдовствующей герцогине Анне Иоанновне.

Оба сына Петра Михайловича получили хорошее образование за границей, отлично знали языки. Петр I оценил талант и усердие Алексея Бестужева. В 1712 году император отправил его с русским посольством за границу на Утрехтский конгресс. Курфюрст Ганноверский заметил честолюбивого и толкового молодого человека и взял его к себе на службу в чине камер-юнкера. Когда курфюрст под именем Георгия I взойшел на английский престол, Алексей Бестужев был послан в Россию сообщить императору радостную весть. При этом его назначили посланником Англии в России. Такая служба была вполне в обычае времени, Петр I относился к этому вполне благосклонно.

Но для русской империи надвигались тяжелые времена. Еще в бытность свою камер-юнкером Алексей Петрович решил попытать счастья и отправил бежавшему за границу царевичу Алексею верноподданническое письмо, в котором называл царевича «будущим царем и государем». «Ожидаю только милостивого ответа, чтобы тотчас удалиться от службы королевской, и лично явлюсь к вашему высочеству». Вот такое он совершил безрассудство, но судьба пожалела его, «милостивого ответа не последовало». Дальнейшая судьба царевича Алексея была ужасной. Его вернули в Россию, началось следствие. В бумагах цесаревича письма Бестужева не было, очевидно, он его уничтожил, а на допросах и устно не обмолвился о ретивости Алексея Петровича.

Но натерпелся наш герой страху. Умный батюшка Петр Михайлович решил взять младшего сына от греха подальше под свое отцовское крыло. В 1718 году Алексей Бестужев уезжает в Курляндию на службу к Анне Иоанновне. Там он получил чин камергера, познакомился с Бироном, у них установились близкие, доверительные отношения. Через два года Алексей Петрович отправился в качестве резидента в Данию. Старший брат Алексея Михаил – разница в возрасте у них была в пять лет – успешнее работал на дипломатическом поприще, младший брат завидовал, у них всю жизнь были натянутые отношения.

Умер Петр I, трон заняла его венценосная супруга. Алексей Петрович понимал, что в Дании карьеры не сделаешь. Он принялся «докучать» императрице – конечно, не ей лично, а

окружению. Письма, много писем, в которых он предлагал себя на службу, давал клятвы, не брезговал советами. Но императрице было не до него.

Екатерина I ушла в мир иной. В полной неразберихе с престолонаследием Алексей Петрович сделал правильный выбор: он решил держаться Петра II. Опять письма с предложением собственной персоны. Но по части интриги Бестужеву-младшему трудно было перещегоолять Меншикова. Он чуть было не угодил в опалу по делу Девьера-«отравителя». Бестужевские адресаты один за другим отбыли в ссылки. В числе прочих под стражей отправили в дальнюю деревню и сестру Аграфену Петровну, которая слишком активно боролась за чин гофмейстерины. Но Алексея Петровича не тронули, Дания далеко от России.

Будучи еще герцогиней Курляндской, Анна Иоанновна очень благоволила к семейству Бестужевых-Рюминых. Отец – Петр Бестужев – не только заведовал всеми курляндскими делами, но был и любовником герцогини. Потом его место занял Бирон. Это было понижением статуса, но серьезное поражение Петр Михайлович получил тогда, когда предпринял активную попытку посадить на герцогский курляндский престол Мориса Саксонского. Этого Анна Иоанновна не простила своему бывшему гофмейстеру и любовнику. В 1728 году Анна Иоанновна уличила своего гофмейстера ни много ни мало, как в воровстве. В Петербурге была учинена комиссия, чтобы «считать» Петра Бестужева. Дело кончилось ссылкой.

Корысть отца отразилась и на сыне. Как только Анна Иоанновна заняла русский трон, Алексей Бестужев написал ей «трогательное» письмо: «Я, бедный и беспомощный кадет, житие мое не легче полону, однако я всегда был забвению предан». Вместо возвращения на родину Анна назначила своего «издревле верного раба и служителя», как он себя рекомендовал, резидентом в Гамбург. Алексей Петрович воспринял это назначение как опалу.

Понятно, что Гамбург не Копенгаген, но Алексей провел там время с пользой для себя. Он съездил в Киль, ознакомился с бумагами Голштинского дома и со временем вывез в России много важных документов, в частности духовное завещание Екатерины I.

В 1734 году Алексея Бестужева опять перевели в Данию. Помог случай. В руки Бестужева попал документ, сообщающий о заговоре смоленской шляхты. Алексей немедленно донес об этом Бирону, получил за донос титул тайного советника и получил назначение в Копенгаген. Его имя уже стало популярным в Европе, но не из-за его дипломатических талантов, а из-за аптекарских. Алексей Петрович между делом изобрел весьма популярные в XVIII веке «Бестужевские капли». Свой химический труд он осуществил совместно с химиком Ламоттом – ясное дело, что последний и был главным автором. Но Бестужев умел собирать сливки с любого своего дела. Вот наставления аптекарей: 1 часть полуторохлористого железа растворить в 12 частях спирта с эфиром. Затем жидкость разлить по стеклянным склянкам и выставить на солнечный свет. Держать до тех пор, пока раствор не обесцветится. Потом капли поставить в темное место, со временем они приобретут желтоватый цвет. Пить или мазать – я не поняла, но слово «капли» подразумевает капать, следовательно – пить. Доза не указана.

Все правление Анны Иоанновны Бестужев просидел в Копенгагене, постигая стиль и интриги зарубежной дипломатии, а в 1740 году был вызван в Россию. После казни Вольнского Бирону нужен был верный человек, вместе с которым можно было бы противостоять «козням» Остермана. Здесь Бестужева жалуют титулом действительного тайного советника и назначают кабинет-министром. Ему было сорок семь лет. Сбылась долгая, страстная мечта Алексея Петровича, но опять незадача – серьезно заболела Анна Иоанновна. Бестужев костыми лег, чтобы обеспечить Бирону регентство. Он работает днем и ночью, пишет «определения» в пользу Бирона, сочиняет «Позитивную декларацию». Эта «декларация» десять дней лежала у постели умирающей императрицы. Удалось! Эрнст Иоганн Бирон, герцог Курляндский, – регент при младенце-императоре! А через двадцать четыре дня Алексей Бестужев уже в Шлиссельбургской крепости.

При вступлении на трон Елизаветы Петровны Бестужева опять в чести, оба брата получили графское достоинство. Алексей Петрович был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, получил чин вице канцлера, а через четыре года стал великим канцлером.

Бестужев сам старался сделать Воронцова вице-канцлером, через него он надеялся получить более свободный доступ к императрице; случалось, что месяцы проходили, прежде чем Елизавета принимала своего канцлера. Но преданный Франции Воронцов не стал союзником Бестужева, он перешел в противоположный лагерь. От него надо было избавиться хотя бы на время. Воронцов мечтал о путешествии за границу, и Бестужев ему это обеспечил, а в отсутствие путешественника нашел способ скомпрометировать его перед императрицей.

Отстаивая свою приверженность Австрии и Англии, Бестужев говорил Елизавете, что продолжает политику ее великого отца, этого для нее было достаточно. Редкие встречи с канцлером были обусловлены не только ленью Елизаветы, она не любила общества Алексея Бестужева, он был плохим собеседником: скучен, настойчив, не остроумен, фальшив и еще некрасив. Он был старше императрицы на восемнадцать лет и казался стариком: беззубый, с запавшим ртом, небрежно одетый. Не помню, кто это сказал: «Когда Бестужев смеется, это смех сатаны».

Но Алексей Петрович хорошо изучил привычки и вкусы императрицы. Уловив на лице ее следы неудовольствия, он готов был откланяться, но она сама удерживала его, потому что тот успел между делом сообщить такие пряные подробности о жизни европейских дворов, что разжег любопытство царственной собеседницы. В его руках была вся секретная переписка иностранных посланников, поэтому слово «тайна» постоянно присутствовало в разговоре. А какая женщина удержится здесь от вопросов! А уж если тайна касалась Марии-Терезии, вечной соперницы Елизаветы, то беседа могла надолго затянуться. Между придворными сплетнями канцлеру удавалось вложить в голову императрицы все, что ему требовалось.

И не будем забывать, что канцлера всегда поддерживал Алексей Григорьевич Разумовский (чего нельзя сказать о его брате Кирилле Григорьевиче). Кроме того, государыня уважала его образованность и знание европейской политики – здесь он не знал себе равных. Подавая доклад, канцлер умел выглядеть спокойным, невозмутимым, почти величественным. Его нельзя было любить, но было за что уважать.

Все историки сходятся во мнении, что канцлер брал взятки с иностранных дворов, но у него был свой лозунг: «Я тружусь для себя, это правда, но в первую очередь для России, и только потом для себя». А что такое взятки и пенсия от Австрии и Англии, если сама Елизавета говорит: не обеднеют! От враждебных России государств Бестужев никогда не брал денег. В этом отношении показательно дело с Курляндией, которая находилась под протекторатом Польши. Формально герцогом Курляндии был Бирон, но он находился в ссылке в Ярославле и был лишен всех званий. Меж тем на герцогский трон уже какой раз претендовал Мориц Саксонский. Первую попытку этот незаконный сын польского короля предпринял еще при Екатерине I. Не получилось. Теперь Мориц Саксонский – прославленный генерал, находящийся на службе Франции. Дать Морицу курляндское герцогство было очень выгодно для Парижа, и крайне нежелательно для России.

Бестужев пытался уговорить Елизавету вернуть Бирона из ссылки, восстановить его на курляндском престоле, а сыновей его оставить в России в качестве «аманатов», то есть заложников. Если Бирон будет восстановлен в правах, то Франция оставит свои притязания, а наши отношения с Польшей только улучшатся, да и границы будут защищены. Елизавета даже не захотела обсуждать этот вопрос. Дело происходило в конце 1749 года. Саксонский советник Функ сообщил Бестужеву, что в Петербург приезжает польский граф Гуровский. Сей граф заранее в письме предлагал Бестужеву 25 000 золотых червонцев, если тот поможет Гуровскому заполучить Курляндию.

Бестужев опять вспомнил о Бироне и обратился к Алексею Разумовскому с пространном письмом, в котором объяснял суть дела, а также оповещал о «дерзостно»

предложенной Гуровским взятке. Гуровский не успокоился и обратился за помощью к камергеру Андрею Алексеевичу – сыну Бестужева. Камергеру Андрею Бестужеву он предлагал тысячу золотых червонцев «прямо в руки», а также ежегодный пенсион, если тот повлияет на отца. Но Алексей Петрович остался непреклонен (относительно сына ничего точно сказать не могу, Андрей Алексеевич находился с отцом в самых плохих отношениях, там даже до рукоприкладства дело доходило). Граф Гуровский был выслан из Петербурга, но дело так и осталось на мертвой точке. Елизавета категорично отказалась возвращать Бирона из ссылки.

Нравственный облик канцлера Бестужева многие находили удручающим. По отзывам современников он днем пил, а ночью играл. Играл Алексей Петрович по-крупному. Жена жаловалась, что однажды он в одну неделю проиграл 10 000 рублей.

Бестужев и Екатерина

Как уже говорилось, Бестужев наметил в невесты наследнику Петру Федоровичу принцессу Саксонскую Марианну. С политической точки зрения, это был очень выгодный для России брак, но Елизавета сделала свой выбор. После появления при русском дворе герцогини Ангальт-Цербстской с дочерью Бестужев не раз выказывал свое неудовольствие. Отец невесты состоял на службе у Фридриха II, мать была у того же Фридриха «на посылках». А чего ждать от дочери, когда она подрастет?

На Екатерину Бестужев произвел тоже плохое впечатление. В «Записках» она пишет: «Русский двор был тогда разделен на два больших лагеря или партии. Во главе первой, начинавшей подниматься после своего упадка, был вице-канцлер Бестужев, граф Бестужев-Рюмин; его несравненно больше страшились, чем любили; это был чрезвычайный пройдоха, подозрительный, твердый и неустрашимый, по своим убеждениям довольно-таки властный, враг непримиримый, но друг своих друзей, которых оставлял лишь тогда, когда они повертывались к нему спиной, впрочем, неуживчивый и часто мелочный».

Венчание Петра Федоровича и Екатерины состоялось в августе 1745 года. Именно Бестужев добился того, чтобы мать великой княгини герцогиня Иоганна была выслана из России, а к молодой великокняжеской чете были приставлены «наблюдатели». При его непосредственном участии 10 мая 1746 года была сочинена «инструкция», определяющая поведение молодого двора. Толчком к составлению инструкции послужил случай, что называется, из ряда вон. Петр Федорович устроил в своей комнате театр марионеток и пригласил туда гостей. Одна из дверей его комнаты, соединяющая его покои с покоями императрицы, была заколочена. Занимаясь подготовкой к спектаклю, великий князь услышал раздававшиеся в комнате Елизаветы голоса и смех. «С легкомысленной живостью» он взял плотничный инструмент, прокрутил в забитой двери дырочки и увидел, что тетушка Елизавета запросто, по-домашнему, ужинает с облаченным в шлафрок фаворитом Разумовским. У великого князя загорелись глаза, он пригласил своих гостей насладиться интересным зрелищем. Умная Екатерина отказалась заглядывать в дырочки, а все прочие были в полном восторге. Конечно, история эта дошла до ушей императрицы. Она была в бешенстве и даже напомнила перепуганному наследнику, что сделал с непокорным сыном его царственный дед Петр I. Великий князь и без того получал массу нареканий. Он вел себя «без достоинства», занимался ребячеством, то есть с упоением играл в солдатики, водил дружбу с людьми низкого звания, егерями и солдатами-голландцами. На основании этого Бестужев установил над великим князем как бы опеку, все было расписано по пунктам. Вот выдержка из этого текста: их высочество не должен «являть ничего смешного, притворного и подлого в словах и минах». А в церкви Петр именно «являл», передразнивая не только хромых старух и прочих прихожан, но самого попа. Делал он это столь искусно, что нельзя было удержаться от смеха.

Но главным адресатом «инструкций» Бестужева была, конечно, Екатерина. На Петра Федоровича императрица смотрела как на несовершеннолетнего, глупого мальчишку,

поживет и выправится, а великая княгиня была себе на уме, умна не по годам, а что совсем плохо – не исполнила своей главной обязанности – не родила наследника и даже не выказывала по этому поводу огорчения.

Бестужев представил Елизавете инструкцию для «знатной дамы», которую должно приставить к великой княгине, чтобы побудить последнюю внимательнее относиться к своим супружеским обязанностям, способствуя этим «приращению великокняжеской четы». «Великой княгине должно быть прилежно применяться более покорно, чем прежде, со вкусами мужа, казаться услужливой, приятной, влюбленной, пылкой даже в случае надобности, употреблять, наконец, все свои посильные средства, чтобы добиться нежности своего супруга и выполнить свой долг». На должность «знатной дамы» была определена госпожа Чаглакова, племянница императрицы; позднее в роли соглядатая стал выступать и ее муж.

Второй пункт «инструкций» был не менее оскорбительным для Екатерины – он касался ее нравственности. За ней следовало неустанно следить и пресекать слишком вольное отношение с придворными кавалерами, пажами и даже лакеями. Третий пункт инструкции запрещал Екатерине вмешиваться в «здешние государственные и голштинского правления дела». Ей запретили переписываться с матерью. Она была окружена шпионами Бестужева. Эти оскорбительные условия на долгие годы определили отношения Екатерины с канцлером Бестужевым.

20 сентября 1754 года Екатерина родила долгожданного наследника – Павла. К этому времени отношения Петра Федоровича и Екатерины окончательно испортились. У каждого была своя жизнь. Великий князь заводил любовниц, «одну другой страшнее», как говорила Екатерина. Двор судачил, что отцом младенца Павла был вовсе не великий князь, а возлюбленный Екатерины Сергей Салтыков. Императрица сразу забрала ребенка к себе – он принадлежал государству. Мать могла видеть Павла только с разрешения государыни.

Вопреки ожиданиям Елизаветы, великий князь не «выправлялся». Характер его не менялся, привычки тоже. Мало того, что ума мало, так еще и в рюмку смотрит. По рождению и по воспитанию он был голштинцем, герцогом крохотного княжества. России, огромной и непонятной, он не любил, и горько сетовал, что ему навязали стать со временем ее правителем. Но это пока был вопрос не окончательно решенный. Екатерина знала, что наследовать Россию будет тот, кого назначит сама государыня. А с рождением Павла ей есть из кого выбирать. А каким будет после смерти императрицы место ее, Екатерины? Она понимала, что должна упрочить свои связи при дворе. С этого времени канцлер и великая княгиня медленными шажками направились навстречу друг другу.

Семилетняя война

Война эта является обязательной участницей нашего повествования, потому что она есть свидетельство славы Елизаветы Петровны, а также причиной весьма круто замешанной интриги, приведшей к падению Бестужева. Война в конечном итоге стала малой ступенькой для Екатерины на пути к власти. Не люби так Петр III Пруссию, не профукай все наши победы, смотришь, гвардия и не пошла бы на мятеж во славу императрицы Екатерины.

Любой историк скажет, что европейская политика середины XVIII века основывалась борьбой «за австрийское наследство», то есть за земли распадающейся Австро-Венгерской империи, которой правила Мария-Терезия, но не могла удержать в руках. Естественно, нашелся тот, кто захотел ухватить кусок и побольше. Захватчиком и агрессором показал себя эдакий Наполеон XVIII века – король Пруссии Фридрих II.

Сразу скажу несколько слов об этом значительном, талантливом и противоречивом человеке. Отец – Фридрих Вильгельм I, суровый воин, солдафон в прямом смысле этого слова, мать – Софья Доротея, принцесса Ганноверская. Вильгельм I воспитывал сына как спартанца: пусть он для приличия знает немного из древней истории, немного математики – она нужна для фортификации, и никаких гуманитарных глупостей. Принц должен понять,

что путь солдата есть единственный путь к славе. «Держаться только реального, то есть иметь хорошее войско и много денег, ибо в них слава и безопасность государя», – такая была установка короля.

Фридрих усвоил все отцовские уроки, но при этом тайно от отца завел во дворце библиотеку, с помощью которой очень расширил свои знания. Он стал блестящим полководцем, дипломатом, философом и поэтом. Он дружил с Вольтером, покровительствовал Берлинской академии, в юности стал масоном, имел свои принципы справедливости, он отменил пытку и был веротерпим. Фридрих стал героем нации – ярко выраженный немецкий характер. Его армия была великолепно обучена, вымуштрована, дисциплинирована. Его тактика – стремительность, неожиданность и абсолютная беспринципность к союзникам. Он очень высоко ценил работу тайных агентов и буквально наводнил Европу шпионами. Вопреки желаниям отца, он никогда не строил укреплений и окопов, чтобы его солдаты не были готовы к обороне, а только к наступлению. Фридрих II был замечательный человек, но именно он принес Европе горе, слезы и кровь.

Все началось с того, что Фридрих оттяпал у Австрии Силезию. Потом он занял Дрезден; мы послали в Европу войска. До войны дело не дошло, был заключен Аахенский мир. Но мир этот был ненадежен. Кроме того, из Северной Америки приходили тревожные вести: английские колонисты затеяли войну с французскими колонистами, и это громким эхом отозвалось в Европе. По сути дела, это уже была война между Францией и Англией. В очень короткий срок все политические системы вдруг расстроились, с кем дружили – поссорились, с кем враждовали – помирились. Каждый искал свою выгоду; объединяясь, даже вспомнили об общей вере. Австрия традиционно была противницей Франции, а тут вдруг вспомнили, что обе страны исповедуют католицизм.

Перетасовку карт в колоде и тут начал Фридрих II. Фридрих боялся, что у него отберут уже завоеванную Силезию, а Англия опасалась за свои Ганноверские земли, которые мог завоевать Фридрих. Напомню, что матушка Фридриха была до замужества принцессой Ганноверской, а английский король Георг II являлся курфюрстом Ганновера. 16 января 1756 года он заключил союзный договор с Англией, что было совсем против правил. Ах, так? Франция, искони враг Англии и союзник Пруссии, стала подумывать об улучшении дипломатических отношений с Австрией; начались переговоры. А что делать России? Елизавета если и опасалась за наши, отвоеванные у шведов земли, то совсем чуть-чуть, шведы сейчас не были серьезными противниками. Другое дело Европа. Там нужно было сохранить равновесие сил. Фридриха II она очень не любила и как-то в прессе назвала его «гидрой». Фридрих только посмеялся в ответ: мол, я бы хотел быть гидрой, потому что тогда взамен отрубленных голов у меня тут же вырастали бы новые.

Напомню, что Бестужев всегда стоял за дружбу с Англией и Австрией в противовес Франции и Пруссии. Английский посол в Петербурге Вильямс торопился – ему нужно было продлить субсидный договор России и Англии. Бестужев об этом тоже очень старался. Он написал длинную записку Елизавете, которую она по своему обыкновению сразу не подписала – решила подумать. Но Вильямс был уверен в успехе. В своих депешах в Лондон он писал, что в России все продается и покупается, и уж с Бестужевым он найдет общий язык. И вдруг известие о договоре Пруссия – Англия! Всякий чиновник в Петербурге шкурой чувствовал, когда его поведение соответствует главной линии государства, а когда нет. Когда соответствует, то взятки называются подарком, а если нет, то уже подкупом. После вышеозначенного договора Россия стала неподкупна.

Но не во взятках дело. Для Бестужева этот договор был ударом в спину. Он понимал, как упал во мнении Елизаветы Петровны. Для нее он теперь выживший из ума старик, а спину ему подпирают молодые. Главные враги – Шуваловы. Фаворита Ивана Ивановича, поклонника Франции, любителя прекрасного и вечного пацифиста, он не боялся, но двоюродные братья... Петр Иванович Шувалов такую силу набрал при дворе, что уже откровенно роет могилу ему, канцлеру. Воронцов ненавидит Шуваловых, но ему некуда деться, он поет под их дудку. Как найти правильный путь в сложных тенетах дипломатии,

так чтобы и себя не уронить, и с государыней поладить, и власть удержать? Подписание субсидного договора с Англией повисло в воздухе.

К этому времени относится вспыхнувшая вдруг дружба великой княгини с английским послом Вильямсом и горячая любовь с кавалером из его свиты Станиславом Понятовским (будущим королем Польши). Вильям решил использовать Екатерину в своих целях, но это еще вопрос – кто кого хотел использовать. Время было тревожное, Екатерине нужны были совет, помощь и деньги. Все это она получила.

30 марта 1756 года по рекомендации Бестужева Елизавета собрала конференцию. На ней присутствовали: великий князь Петр Федорович, оба брата Бестужевых, генерал-прокурор Трубецкой, сенатор Бутурлин, вице-канцлер Воронцов, сенатор Михайла Голицын, генерал Степан Апраксин и Шуваловы – Петр и Александр. Конференция постановила: 1. Склонить венский двор, чтобы он вместе с Россией напал на Пруссию, для чего выставить нашу армию в количестве 80 000 солдат. 2. Указать нашим посланникам при иностранных дворах, чтобы с французскими посланниками мягче обходились (дело шло к возобновлению дипломатических отношений с Францией). 3. Польшу склонить к тому, чтобы наши войска по своей территории пропустила. 4. Турок и шведов «держат в спокойствии». 5. «Последуя этим правилам», ослабить короля Прусского, сделав его для России «нестрашным и незаботным».

Россия стала готовиться к войне. Так как в Пруссии нашего посланника не было, под именем курьеров выслали надежных офицеров (читай – шпионов) в Дрезден, Гамбург и Данциг, чтобы они «старались как можно точнее» добыть сведения о приготовлениях в Пруссии. «Важных депеш с ними не посылать, а наставления дать изустно».

2 мая 1756 года Франция заключила договор с Австрией. Теперь дело было за Россией. Петербург сообщил, что мы согласны обменяться с Францией посланниками, но пусть французы это делают первыми. Восемь лет в Петербурге не было французского посла, а ведь они первыми разорвали с нами дипломатические отношения. В конце концов договорились, что обмен послами произойдет в один день. Посланником России в Париже стал Михаил Петрович Бестужев, в Петербурге представителем Франции стал маркиз Лопиталь.

Но Мария-Терезия никак не хотела начинать войну с Пруссией первой, и потому всеми силами пыталась уменьшить торопливость и горячность России. Франция обязалась помогать Австрии по «оборонительному договору». Вот нападет Фридрих II, тогда и будем «обороняться». 2 июля конференция в Петербурге постановила дать знать Марии-Терезии, что ее медлительность беспокоит Россию. Англия в отношении Пруссии «заслуживает нашего справедливого негодования», но и вы нас поймите. Если мы порываем отношения с Англией, то терпим убытки. По субсидному (от слова субсидии) договору мы получали от Англии значительные суммы, а дальше что?

Фридрих не хотел ссориться с Россией, ему хотелось, чтобы она вообще не ввязывалась в европейские дела. Австрия меж тем, боясь вторжения пруссаков через Моравию и Богемию, начала военные приготовления. И тут нервы у Фридриха сдали, а может, он все заранее просчитал. 18 августа прусский посланник сообщил польскому королю Августу III, что Пруссия вынуждена поступками Марии-Терезии (подготовка к войне) напасть на Австрию в Богемии, для чего прусские войска пройдут через Саксонию. 19 августа они уже захватывали арсеналы, магазины, замки и прочее, все, как полагается. Король Август бежал в Варшаву.

Указом от 1 сентября 1756 года Елизавета объявила Пруссии войну. Формальной причиной объявления войны был отказ Фридриха II вернуть в Россию русских солдат, служивших в его армии. Война началась, но до военных действий было еще далеко.

Болезнь государыни

Елизавете сорок восемь лет, опасный для женщины возраст. За здоровьем государыни следили очень пристально, ей нельзя было болеть, потому что при дворе начинается смута в

предчувствии перемены правления. А Елизавета болела часто и много. Как-то лейб-медик Канониди обнаружил, что государыня харкает кровью. Тщательный медицинский осмотр, а он происходил каждый день, отметал мысли о чахотке, но от этого не легче. Елизавета страдала одышкой, у нее отекали ноги, мучила потливость, иногда у нее возникали странные конвульсии, после которых она теряла сознание, а приходя в себя, никого не узнавала.

Собрали консилиум. Канониди и лейб-хирург Буаносье выдали деликатное письменное определение: «По мере удаления от молодости, жидкости в организме становятся более густыми и медленными в своей циркуляции, особенно по тому, что носят цинготный характер». На «цинготный характер» Елизавета и внимания не обратила, а слова «удаление от молодости» ее возмутили. Канониди объяснил: «Греки называют это “klimax”, что значит лестница». Буаносье подтвердил: «Ваша болезнь свойственна всем женщинам и называется климактерией». «Глупости!» – сказала в ответ Елизавета. Она пыталась сохранить привычный образ жизни, но это ей плохо удавалось. Стала мнительной, обидчивой, всех подозревала в каких-то неблагоприятных поступках. Впрочем, у нее никогда не было разумного режима. Ужинала глубокой ночью, сидящие за столом статс-дамы совершенно не знали, как себя вести и о чем разговаривать. О войне говорить было можно, но только в положительном смысле, что тоже было сложно. Армия наша бездействовала, застряв где-то на подходах к Польше.

Главкомандующим армии был назначен генерал Степан Федорович Апраксин. Направляя солдат к нашим западным рубежам, он руководствовался очень расплывчатыми распоряжениями. Сразу после объявления войны Пруссии канцлер Бестужев от имени конференции сочинил инструкцию по стратегии и тактике. Нашей армии надлежало вытянуться вдоль границы, чтобы она «обширностью своего положения и готовностью к походу такой вид казала, что... все равно – прямо ли на Пруссию или влево на Силезию маршировать». Можно предположить, что Бестужев, вместе со всей конференцией, опасался шпионов, но чужая душа – потемки. В инструкции было много пунктов. Историк Д.М. Масловский в книге «Русская армия в Семилетнюю войну» подвел черту под этими пунктами: «В общем выводе по инструкции, данной Апраксину, русской армии следовало в одно и то же время и идти, и стоять на месте, и брать какие-то крепости, и не отдаляться от границы».

А на дворе уже 1757 год. Зиму провели на квартирах, а потом выступили и исчезли, русская армия как бы растворилась в тумане. Бестужев негодовал и писал депеши, Апраксин охотно отвечал другу, а именно таковым Бестужев являлся. Оказывается, в Польше нашу армию ждали великие трудности и «несносные жары», из-за чего реки обмелели, и провиант теперь подвозят не водой, а на обывательских подводах, а это суть сложно, хлопотно, долго и дорого. А вода в реках плохая, и все поголовно страдают животами. Словом, армия больше на месте стоит, чем куда-то движется.

Между тем наши полки, привезенные в Польшу морем, под командой генерала Фермора заняли 18 июня город Мемель – это была первая победа.

Но Елизавета по-прежнему была очень недовольна «положением дел на фронтах»: ну хоть границу с Пруссией фельдмаршалу можно наконец перейти! 18 июля Бестужев писал Апраксину: «Должность истинно преданного друга требует от меня вашему превосходительству хотя с крайним сожалением и в такой же конфиденции не скрыть, что, не смотря на всю строгость изданного в народе в вашу пользу запретительного указа, медлительство вашего марша, следовательно и военных операций, начинает здесь уже по всему городу вашему превосходительству весьма предосудительные рассуждения производить, кои даже до того простираются, что награждение обещают, кто бы российскую пропавшую армию нашел». 20 июля 1757 года армия Апраксина пересекла прусские границы, начались мелкие стычки с неприятелем. Фермор вслед за Мемелем занял Тильзит и шел на соединение с фельдмаршалом. А 19 августа русскими войсками под предводительством Апраксина была одержана блестящая победа под местечком Гросс-Егерсдорф.

Интриги

Но об этом рассказ впереди, вначале надо вернуться на десять дней назад, в 8 августа 1757 года, очень значительный день для предстоящих событий при дворе. Государыня пребывала в Царском Селе. В честь праздника Рождества Богородицы она пошла к обедне пешком. Народу вокруг церкви собралось великое множество. Началась служба. В какой-то момент Елизавета почувствовала себя плохо, а потом вдруг стала задыхаться. Нужен был глоток свежего воздуха. Придворные не заметили, как императрица покинула церковь, потому что во время молитвы она иногда переходила из одного придела в другой.

Елизавета вышла из церкви, сделала несколько шагов по зеленой лужайке и рухнула на землю. Видимо, она потеряла сознание, потому что не подавала никаких признаков жизни. Толпа с ужасом смотрела на лежащую императрицу. Случись такая оказия с обычным человеком, кто-нибудь непременно пришел бы на помощь, но кто рискнет подойти к потерявшей сознание императрице? Наконец заметили отсутствие государыни и выбежали на лужайку. Охи, ахи! Лейб-хирург пустил Елизавете кровь.

Но императрица не очнулась. С великими предосторожностями ее перенесли на принесенную кушетку и понесли во дворец. Народ понял, что государыня жива, и на том спасибо. Наутро «Ведомости» не обмолвились о здоровье императрицы ни одним словом. Тема эта и в те поры, когда ее величество была совершенно здорова, была запрещенной. Любителями посудачить о здоровье императрицы могла заинтересоваться Тайная канцелярия.

Бестужев нашел способ встретиться с великой княгиней и обсудить ситуацию. Встреча произошла в доме гетмана Кирилла Разумовского. При дворе информацию о состоянии Елизаветы собирали по крохам. Лейб-хирург под жутким секретом сказал Екатерине, что государыня очнулась вечером, глаза открыла, а говорить не могла. Оказывается, она, падая, прикусила язык. Потом стала что-то лепетать, но очень невнятно. Екатерина считала, что сознание к Елизавете вернулось, а разум, пожалуй что, нет. Она ругала медиков. Никто не может толком объяснить: Елизавета не может говорить, потому что упала и прикусила язык или говорить ей мешает помутненное сознание? И Бестужев, и Екатерина понимали, что пора обсудить план действий. В XVIII веке переход власти нес за собой неожиданности, и к ним надо было быть готовым.

Но Елизавета вскоре совсем опомнилась от припадка, отлежалась, встала на ноги. Тут и подкатилась к Петербургу радость. 28 августа в четыре часа утра Петербург вздрогнул от пушечной стрельбы. Пушки пальнули сто один раз. Так палить могли только в честь чрезвычайного события. Таким событием была победа нашего славного воинства под руководством фельдмаршала Апраксина на речке Прегель у деревни Гросс-Егерсдорф. С докладом о славном событии прибыл генерал Петр Панин. Он был принят государыней в большом тронном зале, Елизавета была при всех орденах и регалиях. Все ликовали. Панин подробно изложил ход сражения, похвалил изобретенные Петром Шуваловым секретные гаубицы, назвал потери неприятеля: в плен попало более 600 человек, убитыми еще больше. Наши потери Панин решил назвать в самом конце своего рассказа, если, конечно, государыня пожелает слушать, что вряд ли...

Победе под Гросс-Егерсдорфом радовались чрезвычайно – значит, не так страшен Фридрих II, как говорят об этом в Европе. Все пред ним трепещут, а оказывается, его можно победить. Правда, сам Фридрих с главной армией находился на границах Австрии, при Гросс-Егерсдорфе с русскими бились войска под руководством фельдмаршала Левальда. Говорят, что такой жестокой битвы еще не было в Европе. С нашей стороны урон пока неизвестен, только убитых офицеров и генералов успели пересчитать. Теперь путь на Кенигсберг открыт. Вперед!

Но вскоре от Апраксина были получены в Петербурге совсем неожиданные сведения. Указ фельдмаршала, присланный в столицу, был обширен, вот выдержка из него: «Армия наша по претерпении в походе таких великих жаров, каким в здешнем климате примера не

бывало, вдруг повержена была в весьма низкой земле претерпевать четыре недели и паки непрерывные продолжительные дожди». Потери наши огромны, солдаты больны, лошади «изнурены», фуража нет, провиант не подвозят. И потому фельдмаршал «рассудил», что и для России, и для наших союзников полезнее будет сохранить для будущих компаний армию, «нежели подвергать оную таким опасностям, которые ни храбростью, ни мужеством, ни человеческими силами отвращены быть не могут». За депешей Апраксина последовали события невероятные. Армия после героической победы, вместо того чтобы преследовать ослабевшего противника и идти к Кенигсбергу, повернула в противоположном направлении и отступила за Неман, приблизившись, таким образом, к нашим границам.

Отступление Апраксина вызвало в Петербурге бурю негодования. Теперь объяснений потребовали у Фермора – ему больше доверяли. Генералу Фермору послали личную депешу, в которой потребовали «отвечать откровенно», по пунктам, об истинном положении дел в армии и поведении Апраксина. Ответ Фермора от 14 октября начинался словами: «Как перед Богом нашему Императорскому Величеству доношу...» – а далее, прав Апраксин, прав совет, который принял решение об отступлении, потому что «великие грязи», «люди большей частью в великой слабости», падеж лошадей, а в такой ситуации «с желаемым успехом военных операций произвести невозможно». И вывод – армию можно спасти, если разместить ее за Неманом на зимних квартирах.

Все вроде бы ясно, но союзники требовали смещения Апраксина. Иностранные посланники, собственно, и подняли волну. Кажется, мы победили, следовательно, это наше дело, как распорядиться победой. Но оказалось, своим отступлением Апраксин нанес непоправимый удар по Франции и Австрии. Елизавета пошла на уступку. Во главе русской армии встал Фермор. В армии говорили, что это был не лучший выбор, но императрица симпатизировала этому генералу. С его именем были связаны две первые победы в этой войне – взятие Мемеля и Тильзита.

Но союзникам этого показалось мало. Дело не в том, что Апраксин плохой и нерешительный полководец, – подкладкой этих событий безусловно является дворцовая интрига, так считали в Европе. А кто главный интриган? Конечно, Бестужев! Семнадцать лет враги пытаются столкнуть его с должности канцлера, а сейчас, кажется, время пришло.

А что сам Бестужев? Он хорошо понимал трудность своего положения. Управление внешней политикой уходило из его рук. Он не мог в душе своей принять Францию союзницей, а потому всеми французскими делами теперь занимался вице-канцлер Воронцов. Англия теперь наш противник, но он продолжал отстаивать ее интересы. Австрийский посол Эстергази был тоже настроен против Бестужева: почему тот не понимает, что политика в Европе изменилась? Французский посол Лопиталь сам готов был испросить аудиенции у императрицы и «открыть ей глаза».

«Открыть глаза» значило объяснить, что в отступлении Апраксина виноват не кто иной, как Бестужев. Гвоздем интриги, затеянной канцлером, считали припадок императрицы 8 августа. Догадки были такие: конечно, Бестужев дал знать Апраксину о болезни Елизаветы и потребовал, чтобы фельдмаршал повел армию к Петербургу. Если случится смена престола, то армия должна быть под рукой.

А дальше все – потемки истории. Оставшиеся документы выдают конечный результат, а как все готовилось – тайно и исподволь, остается только догадываться. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона пишет открытым текстом: «Тяжкая болезнь постигла Елизавету. Бестужев, думая, что она уже не встанет, самовольно написал генерал-фельдмаршалу Апраксину возвратиться в Россию, что Апраксин и исполнил».

Документов, подтверждающих этот факт, нет, а имеются в наличии письма Бестужева, в которых он как раз рекомендует Апраксину идти вперед «с поспешанием». Да и с чего бы, кажется, канцлеру давать подобные распоряжения, если Елизавета успела выздороветь к Гросс-Егерсдорфской битве? Все решения Апраксин принимал не единолично, а с военным советом, а первым, кто уверенно говорил про отступление и зимние квартиры, был как раз Фермор.

Но остались косвенные сведения о том, что все важные бумаги Бестужев успел сжечь, что великую княгиню Екатерину сумел предупредить, и даже смог посоветовать ей, как себя вести. У них было даже условное тайное место, с помощью которого они обменивались корреспонденцией, и связной был – бойкий и вездесущий ювелир итальянец Бернарди. Так что дыма без огня не бывает.

Далее события разворачивались таким образом. После назначения Фермора Апраксин был отозван из армии в Петербург, но по дороге в Нарве ему было приказано отдать все имеющиеся у него бумаги и письма. Этому предшествовал разговор австрийского посла Эстергази с императрицей. Эстергази сообщил, что имеет точные сведения о переписке Апраксина с великой княгиней Екатериной. Это было очень серьезное сообщение. Эстергази узнал об этой переписке окольным путем. Екатерина послала письмо через Бестужева, а Бестужев из лучших побуждений – де, молодой двор тоже интересуется ходом войны и участвует в общем деле, – сболтнул об этом саксонскому советнику. Если знает один, и этот один болтлив, то знают все. Письмо от Екатерины было найдено в архиве Апраксина, дальше Нарвы он не поехал. А дальше кирпичик к кирпичику, темница готова. Даже Иван Иванович Шувалов, вечный миротворец, считал, что Бестужев взял уж слишком большую власть, а это вредит авторитету Елизаветы в Европе, словно она на вторых ролях. Последней каплей было обращение великого князя Петра Федоровича к императрице. Он пришел к ней по совету Эстергази, пришел поговорить по-родственному, без всякой утайки. Петр каялся в своих грехах и безрассудном поведении, обещал исправиться, а винил в своей «дурости» Бестужева, поскольку всегда исполнял его советы. Елизавету очень растрогал этот разговор, она никогда не была так нежна с племянником.

14 февраля 1758 года Бестужев был арестован.

Предосторожность Екатерины

Об аресте канцлера Екатерина узнала на следующий день утром. Лев Нарышкин принес записку от Понятовского: «Человек никогда не остается без помощи; пользуюсь этим путем, чтобы предупредить вас, что вчера вечером граф Бестужев арестован, лишен всех чинов и должностей; с ним арестованы ваш бриллианщик Бернарди, Елагин и Ададуров». Последние – это все ее люди, к Бестужеву они имели отдаленное отношение. Елагин, бывший адъютант графа Алексея Разумовского, был другом Екатерины и Понятовского, с Ададуровым она тоже была дружна, еще с тех пор, когда он учил ее русскому языку. Она рекомендовала Ададурова Бестужеву, как человека, на которого можно положиться.

Обо всех этих событиях Екатерина рассказывает в своих «Записках». Она испугалась, она была в шоке, но приказала себе делать вид, что ничего не произошло. Вечером при дворе были две свадьбы – Бутурлина и Льва Нарышкина. Обычно государыня бывала на свадьбах своих приближенных; на этот раз ее не было ни на балу, ни на ужине. Во время бала Екатерина подошла к маршалу свадьбы Трубецкому. Рассматривая его маршальский жезл, спросила как бы между прочим:

– Что это за чудеса? Нашли вы больше преступлений, чем преступников, или у вас больше преступников, чем преступлений?

Трубецкой ответил:

– Мы сделали то, что нам велели, но что касается преступлений, то их еще ищут. До сих пор открытия неудачны.

Поговорила Екатерина и с фельдмаршалом Бутурлиным. Вот его ответ:

– Бестужев арестован, но в настоящее время мы ищем причину, почему это сделано.

На следующий день верный канцлеру человек – саксонский советник Штамбке – сообщил Екатерине: «Бестужев наказал передать, чтобы она не имела никаких опасений, что все опасные бумаги он сжег». Екатерина спросила, как он общается с канцлером.

«Он мне сказал, – пишет великая княгиня, – что трубач-охотник передал ему эту записку и было условлено, что впредь будут класть между кирпичами недалеко от дома

графа Бестужева... все, что захотят друг другу сообщить. Я велела Штабке очень остерегаться, чтобы эта опасная переписка не открылась, но хотя он сам казался мне в большой тревоге, тем не менее он и граф Понятовский продолжали переписку».

Сама Екатерина через свою юнгфрау Владиславу (креатура Бестужева) послала записку зятю Владиславовой Пуговишникову с опасным текстом: «Вам нечего бояться, успели все сжечь». Далее Екатерина с очаровательной непосредственностью, чувствуя себя совершенно правой по отношению к Елизавете, рассказывает, чего должен был опасаться переписчик Пуговишников. «Болезненное состояние и частые конвульсии императрицы заставляли всех обращать взоры на будущее; граф Бестужев и по своему месту и по умственным способностям не был, конечно, одним из тех, кто об этом подумал последний. Он знал антипатию, которую давно внушили великому князю против него; он был весьма сведущ относительно слабых способностей этого принца, рожденного наследником стольких корон. Естественно, этот государственный муж, как и всякий другой, возымел желание удержаться на своем месте; уже несколько лет он видел, что я освобождаюсь от тех предубеждений, которые мне против него внушили; к тому же он смотрел на меня лично как на единственного, может быть, человека, на котором можно было в то время основать надежды общества в ту минуту, когда императрицы не станет. Это и подобные размышления заставили его составить план, по которому по смерти императрицы великий князь будет объявлен императором по праву, а в то же время я буду объявлена его соучастницей в управлении, что все должностные лица останутся, а ему дадут звание подполковника в четырех гвардейских полках и председательство в трех государственных коллегиях, в коллегии иностранных дел, военной и адмиралтейской. Отсюда видно, что его претензии чрезмерны». Последней фразой Екатерина дает понять, что ее отношения с Бестужевым по-прежнему сложные. Не любит она его, что и говорить. Если в этих записках Екатерина не подвирает, то Бестужева, грубо говоря, арестовали за дело.

Дальше Екатерина пишет, что не относилась к проекту Бестужева серьезно, считала это глупой затеей (правда, переписывала бумагу несколько раз), но «не хотела противоречить старику с характером упрямым и цельным, когда он вобьет что-нибудь себе в голову». Все советы «упрямого старика» Екатерина выполнила при первой возможности: сожгла все бумаги, письма и даже денежные расчеты и расписки.

Прошло несколько дней. Бестужев по-прежнему находился под домашним арестом, когда пришел Штабке и сообщил, что тайник в кирпичях найден, трубач-охотник арестован, переписка Бестужева и Понятовского попала в руки охраны. Штабке вскоре выслали из России в Голштинию, а со временем и Понятовского отозвали в Польшу.

Следствие

Бестужев был готов к аресту и не боялся его. Самое страшное – лишение должности канцлера – уже случилось, остальное по сравнению с этим – мелочи. Загодя он рассортировал весь свой архив, все бумаги поделил на две части. Правая, весьма обширная, пошла в огонь, левую он решил оставить следователям, в этих бумагах было его оправдание. Он думал, что арест произойдет в его собственном доме, но Елизавета хотела широкой огласки.

14 февраля была суббота, неурочный день, но вдруг явился посыльный с сообщением, что в два часа дня пополудни назначена Конференция из ее обычных членов. Обычно конференция собиралась по понедельникам и четвергам и с большими пропусками. Бестужев решил не ехать. Но в три часа дня опять явился посыльный с депешей, в которой говорилось, что присутствие в Конференции Бестужева обязательно, что из-за его неявки время перенесли на шесть часов и что на сей раз будет присутствие государыни. К посыльному был приставлен офицер, чтобы сопровождать канцлера до дворца. Бестужев оделся со всей тщательностью, надел все регалии и ордена, готовил себя, как к похоронам.

Приехал, все были в сборе, смотрели на него выжидающе и молчали. Государыня,

конечно, не приехала. Первым не выдержал молчания прокурор Трубецкой, главный недоброжелатель Бестужева. Он подошел вплотную и, забыв прочитать необходимый текст, стал в нетерпении срывать с Бестужева ордена, повторяя: «Именем ее императорского величества...» Граф Бутурлин по всем правилам прочитал бумагу об аресте. С Бестужева снимали все полномочия и присуждали до времени содержание в собственном доме под крепким караулом.

Следственная комиссия по делу Бестужева состояла из трех человек: фельдмаршала князя Трубецкого, графа Бутурлина и главы Тайной канцелярии графа Александра Шувалова. Секретарем комиссии был назначен Волков Дмитрий Васильевич. Он же готовил вопросы к следствию, сам их задавал и заносил ответы в опросные листы.

Прошу прощения у читателя, что замедляю развитие сюжета, но не могу отказать себе в удовольствии рассказать о необычайной судьбе этого человека. Это тот самый Волков, впоследствии сенатор, а после смерти Елизаветы тайный секретарь Особого совета, который в правление Петра III сочинил два важнейших документа: первый – «Жалованная грамота дворянству об изъятии его от телесного наказания и об отмене обязательной службы» и второй – «Проект об уничтожении Тайной канцелярии». Два этих проекта составляют славу полугодового правления Петра III, а написал их Волков, согласно легенде, потому что был заперт государем ночью в кабинете с приказом «сочинить что-нибудь государственное». Сам Петр проводил время с любовницей, а «государственными бумагами» был намерен откупиться от ревнивой фаворитки.

Свою карьеру Волков начал в доме Бестужева в качестве домашнего секретаря. Он был образован, знал несколько иностранных языков, владел пером. Секретарь отлично ладил с хозяином, но потом как ножом отрезало. Канцлер в гневе отказал ему от дома. Причину этого никто толком не знал, но догадки строили. Известно было, что Волков влюбился без памяти, наделал кучу долгов, может быть, и бестужевским карманом попользовался. Любовь была безответной, Волков бросил жену и детей и исчез из Петербурга.

Это случилось три года назад. Волков заведовал у канцлера выдачей паспортов, поэтому все были уверены, что он и себе приготовил заграничный паспорт. Кто-то якобы видел его в Берлине с кучей денег, которые он разбрасывал направо и налево. А откуда деньги? Не иначе как король прусский заплатил за разглашение наших тайн. Уже думали назначить команду в Берлин, чтобы выкрасть и примерно наказать предателя.

И вдруг Волков опять постучал в дверь бестужевского дома. Какой там Берлин, какое предательство! Волков выглядел бродягой. Оказывается, несчастный влюбленный все это время скитался по лесам и болотам, питался чем ни попадя и проклинал свою несчастную судьбу. Бестужев его не принял; но что негоже канцлеру, вполне подойдет Шуваловым. Волкова принял Петр Иванович, обласкал его, выхлопотал хорошее место. Карьера Волкова пошла вверх. Бестужева он ненавидел. Их отношения придают особый вкус следствию. Представьте, с каким удовольствием обиженный Волков обращался к Бестужеву «на ты».

Следствие велось долго, больше года, первые вопросы были заданы уже 26 февраля 1758-го, но далеко не все документы сохранились. Опросных листов по первому допросу вообще нет, хотя известно, что Елизавета была очень недовольна этим допросом. Не сохранилось также большинство ответов подследственного, есть только вопросы к нему. Вопросы необычайно длинные, сложные, часто странные.

Допрос 27 февраля начался с заявления: «Ее императорское величество твоими накануне того учиненными ответами так недовольна, что повелевает еще, да и в последнее спросить с таким точным объявлением, что ежели малейшая скрытность и непрямота совести и долга очищение окажется, то тотчас повелит в крепость взять и поступать как с крайним злодеем». Как мы видим, допросы начали с угрозы, но до крепости так и не дошло – видно, шестидесятипятилетнего канцлера решили для начала запугать. Далее последовал вопрос: «Для чего предпочтительно искал милости у великой княгини, а не так много у великого князя и скрыл от ее императорского величества такую корреспонденцию, о которой по должности и верности донести надлежало?» «Такая корреспонденция» – это переписка

Екатерины и Апраксина.

Бестужев отвечал, что милости у Екатерины не искал, что с веденя ее императорского величества вскрывал письма великой княгини, потому что она была предана королю Прусскому, Швеции и Франции, но с год назад или с полторы переменяла совсем свое мнение и возненавидела короля Прусского и шведов. А потому он, канцлер, побуждал ее высочество, чтобы она и великого князя в такое новое мнение привела. Об этом «великая княгиня трудилась, но сколько ему сказывала, что труды ее разрушаются, присовокупляя этому немецкую пословицу: “Что я строю, другие разрушают”». А разрушители главные – состоящие при великом князе подполковник Браун и обер-камергер Брокдорф.

Далее последовал вопрос по поводу реальной улики – тайной, найденной в кирпичках записки: «Советуешь ты великой княгине поступать смело и бодро с твердостью, присовокупляя, что подозрениями ничего доказать не можно. Нельзя тебе не признаться, что сии последние слова особенно весьма много значат и великой важности суть, итак чистосердечное оных изъяснение паче всего потребно».

Ответ Бестужева: «Великой княгине поступать смело и бодро с твердостью я советовал, но только для того, что письма ее к фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительного в себе не содержат». Здесь Яковлев задал совсем простой вопрос: «Через кого ты узнал, что великая княгиня переменяла мысли? Каким образом тебе так много открылось, что именовала тех, кто мешает великому князю переменить мнение?» Наверное, Бестужеву хотелось ответить – мол, у нее самой и спросите, но сдержался, не надо впутывать сюда лишних людей, потому ответил просто: «Узнал у нее самой».

Комиссию очень интересовали конференции (то есть тайные встречи) подследственного со Штамке и Понятовским: «Какие ты на тех конференциях планы измышлял?» Конечно, Волков, да и сам Александр Шувалов, знали о предполагаемой смене наследника, идеи эти носились в воздухе. И понятно, что канцлер должен был приложить к этому руку. Но доказательств не было, была только надежда, что проговорится ненароком. Но Бестужев все отрицал: какие еще тайные встречи? Все явно, все на глазах. А что выхлопотал для Штамке орден польского Белого орла, так о том его просил Понятовский, а что к Понятовскому хорошо относился, так должен быть хоть кто-то из иностранных посольств, кто ему, канцлеру, верен в этом враждебном лагере. Об интригах против себя графа Эстергази и маркиза Лопиталья отвечал подробно и с удовольствием, этих врагов ему не надо было щадить.

Больше всего императрицу злила неискренность Бестужева. По ее указу вновь и вновь возвращались к записке Бестужева, найденной в кирпичках. Против кого «поступать смело и бодро с твердостью», объясни, чего «подозрением доказать невозможно». Бестужев терпеливо объяснял, что дело затеяно по необоснованным подозрениям, которыми ничего доказать нельзя, а великой княгине он советовал сохранять бодрость для избежания подозрений, а не против кого-либо конкретно. Иногда кажется, что не перехвати следствие этой записки у «трубача-охотника», то ему просто нечего было бы предъявить арестованному канцлеру.

Через четыре года, когда Екатерина II была на троне, Бестужев просматривал старые опросные листы по своему делу и даже оставил пометки на полях. Но историки предполагают, что не сам Бестужев уничтожил некоторые следственные материалы. Скорее всего, ненавидящий канцлера Волков просто не записывал часть его оправдательных ответов в опросные листы, а может, просто уничтожил их.

Допросов было много, ответов было много, иногда совершенно непонятных и незначительных: про купленный у Салтыкова дом в Гамбурге, про какие-то закладные, про долги, про сношения с гетманом Разумовским. После существенных вопросов с Бестужева требовали присяги: «На сие имеешь ты объявить сущую правду, так как тебе пред Всемогущим Богом на страшном и праведном суде стоять и приобщаться Святого Таинства тела Его и крови?» Бестужев с готовностью соглашался: «Я показал сущую правду и ни в чем не утаил, в чем утверждаюсь присягаю и Святым Таинством тела Его и крови».

В бумагах остался зачеркнутый вопрос, составленный Волковым, очевидно, он так и не

был задан экс-канцлеру: «Известно тебе, что 8 августа минувшего года в Царском Селе имела ее императорское величество некоторый припадок болезни. А, напротив того, памятно тебе, что Апраксин, стоя под Тильзитом, имел намерение сие место укрепить, так что принятое потом, вдруг 14 и 15 чисел в ночь намерение, все бросая, с поспешанием назад идти, справедливую причину подает не только подозревать, но и несомненно верить, что, конечно, он о помянутом припадке уведомлен был. И потому имеешь ты показать, не ты ли его о сем уведомил, или хотя не ведаешь ли ты, что кто-либо другой это сделал». А кто этот другой, понятно – великая княгиня. Комиссия не позволила Волкову задать этот вопрос, потому что, во-первых, надо судить всех генералов, которые советовали отступление, и в первую очередь Фермора, во-вторых, это вопрос и государыне нельзя было показать из-за слов о ее болезни, и в-третьих – совсем не ясно было, стоило гробить великую княгиню или нет. Государыня на ладан дышит. После каждого ее припадка приближенные начинают старательно посещать молодой двор. А ну как завтра уже будет перемена власти?

До пыток дело не дошло. Елизавета, при всей своей нелюбви к Бестужеву, отдавала ему должное в верном служении России, а что на старости лет с ума сошел, так за это не пытаются. Напоследок ему предъявили золотую табакерку с портретом Екатерины: «Отвечай, откуда сие у тебя?» Бестужев показал, что табакерку подарила ему сама великая княгиня во дворце за несколько месяцев до ареста.

Ночной разговор

Перед Елизаветой стоял серьезный выбор. Что делать: разбираться ли в бестужевском деле до конца и вывести всех на чистую воду, или остановить дело, ограничившись уже известным из опросных листов? Главный вопрос – о престолонаследии – так и не был задан Бестужеву. Одна мысль, что приближенные ждали ее смерти и принимали по этому поводу какие-то действия, была непереносима. Но она была ответственным человеком, она была дочерью Петра Великого, и она понимала, что трон оставить не на кого. Племянник Петруша, кровинка ее, сын любимой сестры Анны, совсем не пригоден для царствования, но зато жена у него умна. Так стоит ли ее выводить на чистую воду?

Огромное влияние на исход дела Бестужева произвел ночной разговор, который произошел между императрицей и Екатериной. Положение великой княгини при дворе было очень трудным. Отношения с мужем были безобразными, он похвалялся, что разведется с ней и женится на любовнице Елизавете Воронцовой, племяннице нового канцлера. Не открыто похвалялся, но при дворе всегда все было известно. Пока это были только слова, но после ареста Бестужева над Екатериной повисла реальная угроза. Если ее привлекут к этому делу, то неизвестно, чем все кончится, может быть, монастырем, а может, и Сибирью.

Для разрешения всех вопросов помог случай. Екатерина через записку договорилась с Понятовским встретиться в театре на русской комедии. Но великий князь не любил русской драматургии, сам не поехал и жену не пустил. Елизавета попробовала настаивать, он запретил давать ей карету. В дело вмешался гофмаршал молодого двора Александр Шувалов. Через него обиженная, плачущая Екатерина передала письмо императрице. В письме она благодарила ее императорское величество за милости, но поскольку ее жизнь с великим князем ужасна, просила позволения уехать домой – в Германию.

Ни ответа, ни привета. Передать государыне письмо великой княгини вовсе не значит, что она его получит. Тут новая напасть. У Екатерины забрали близкого ей человека – дуэнью Владиславу. Доведенная до отчаяния великая княгиня от слез слегла в постель, никого не принимала, ни с кем не общалась. Камер-юнгфера Шаргородская – племянница духовника императрицы Дубянского – предложила ей свою помощь: «Мы все боимся, как бы вы не изнемогли от того состояния, в котором находитесь. Позвольте мне поговорить с моим дядей... обещаю вам, что он сумеет так поговорить с императрицей, что вы будете довольны».

Екатерина согласилась, но продолжала плакать и довела себя до того состояния, что

Александр Шувалов вызвал к ней врача. «Мне нужна исповедь, – сказала Екатерина, – душа моя в опасности, а моему телу врач больше не нужен. Я хочу исповедаться». Она была в таком состоянии, что ей легко было разыграть опасную болезнь. Эти события мной рассказаны со слов самой Екатерины, она подробно описала все в своих «Записках». Пришел протоирей Дубянский, и Екатерина рассказала ему обо всех своих бедах. На исповеди не лгут, протоирей поверил каждому ее слову. О Дубянском Екатерина пишет: «Я нашла его исполненным доброжелательства ко мне и менее глупым, чем о нем говорили. Он сказал мне, что мое письмо производит и произведет желаемое впечатление, что я должна настаивать на том, чтобы отослали, и что наверное меня не отошлют, потому что нечем будет оправдать эту отсылку в глазах общества».

Через день состоялся ночной разговор. На нем присутствовали также Александр Шувалов, великий князь, и, как позднее узнала Екатерина, Иван Иванович Шувалов. Во время всего разговора он сидел за ширмами.

Войдя в комнату, Екатерина сразу бросилась на колени перед императрицей и со слезами стала, как было договорено, умолять отпустить ее на родину. Дальше привожу их разговор дословно. «Императрица хотела поднять меня, но я оставалась у ее ног. Она показала мне более печальной, нежели гневной, и сказала мне со слезами на глазах:

– Как, вы хотите, чтоб я вас отослала? Не забудьте, что у вас на руках дети.

– Мои дети в ваших руках, и лучше этого для них ничего не может быть; я надеюсь, что вы их не покинете.

– Но как объяснить обществу причину этой отсылки?

– Ваше императорское величество скажете, что найдете нужным.

– Чем же вы будете жить у ваших родных?

– Тем, чем жила прежде, до того, как вы удостоили взять меня.

– Ваша мать находится в бегах, она была вынуждена покинуть свою родину и уехать в Париж.

– Я это знаю, ее считают слишком преданной интересам России, и король Прусский стал ее преследовать.

Императрица вторично велела мне встать, что я и сделала, и немного отошла от меня в задумчивости».

Автор тоже переведет дух. Екатерина иногда бывает необыкновенно цинична, но всегда умна. Утопая в слезах, она забыла, конечно, что нетерпеливо ждала смерти этой «колоды», как называла она императрицу. Знала она также, что матушку ее Иоганну ничего, кроме себя самой, не интересует. Какие там «интересы России»? Она только регулярно отсылала дочери счета, которые той предстояло оплачивать.

Екатерина увидела, что на туалетном столике на золотом блюде лежат письма, те самые, которые она писала Апраксину. «Императрица снова подошла ко мне и сказала:

– Бог мне свидетель, как я плакала, когда при вашем приезде в Россию вы были при смерти больны, и если бы я вас не любила, я вас не удержала бы здесь».

Екатерина стала благодарить ее за все милости и доброту и уверять, что воспоминания об этом никогда не изгладятся из памяти.

– Вы чрезвычайно горды, – сказала императрица, – вспомните, что в летнем дворце я подошла к вам однажды и спросила у вас, не болит ли у вас шея, потому что увидела, что вы мне едва кланяетесь, и что из гордости вы поклонились мне только кивком головы.

– Боже мой, ваше императорское величество, как вы можете думать, что я хотела выказать гордость перед вами? Клянусь вам, что мне никогда в голову не приходило, что этот вопрос, сделанный четыре тому года назад, мог относиться к чему-либо подобному.

– Воображаете, что никого нет умнее вас, – проворчала Елизавета.

– Если бы я имела эту уверенность, ничто больше не могло бы меня в этом разуверить, как мое настоящее положение и даже этот самый разговор, потому что я вижу, что я по глупости до сих пор не поняла того, что вам угодно было сказать мне четыре года назад».

Меж тем великий князь шептался о чем-то с Александром Шуваловым. До Екатерины

долетели его последние слова: «Она ужасна злая и очень упрямая». Она повернулась к мужу и сказала:

– Если вы обо мне говорите, то я очень рада сказать вам в присутствии ее императорского величества, что я действительно зла на тех, кто вам советует делать мне несправедливости, и что я стала упрямой с тех пор, как вижу, что мои угождения ни к чему другому не ведут, как к вашей ненависти».

Великий князь попробовал возразить, в разговоре всплыло имя Брокдорфа, который настраивал великого князя против Екатерины, но Елизавета оставила эту тему и вдруг спросила об отношениях Штамбке и Бестужева.

– Сами посудите, – сказала она, словно ни к кому не обращаясь, – как можно его извинить за то, что он имеет сношения с государственным узником?

Екатерина промолчала.

– Вы вмешиваетесь во многие вещи, которые вас не касаются, – здесь императрица обращалась уже непосредственно к Екатерине, – я не посмела бы делать того же во времена императрицы Анны. Как, например, вы посмели посылать приказания фельдмаршалу Апраксину?

– Я! Никогда мне и в голову не приходило посылать ему приказания.

– Как вы можете отрицать, что ему писали? Ваши письма тут, в этом тазу, – она указала на туалетный столик. – Вам запрещено писать.

– Правда, что нарушила запрет и прошу в этом прощения, но так как мои письма тут, то эти три письма могут доказать вашему императорскому величеству, что я никогда не посылала ему приказаний, но что в одном из них я писала, что говорят о его поведении.

– А почему вы это ему писали? – прервала Екатерину императрица.

– Просто потому, что я принимала участие в фельдмаршале, которого очень любила, и просила его следовать вашим приказаниям; остальные два письма содержат только одно – поздравление с рождением сына, а другое – пожелания на Новый год.

– Бестужев говорит, что было много других, – настаивала Елизавета.

– Если Бестужев это говорит, то он лжет, – сказала, как гвоздь вбила.

– Ну так если он лжет, я велю его пытать.

– Вы в полной власти делать то, что считаете нужным.

«Что же касается великого князя, то он проявил во время этого разговора много желчи, неприязни и даже раздражения против меня; он старался, как только мог, раздражить императрицу против меня, но так как он принялся за это глупо и проявил больше горячности, чем справедливости, то он и не достиг своей цели. И ум, и проницательность императрицы встали на мою сторону». Речи Петра Федоровича сводились к тому, что он хотел на месте Екатерины иметь свою любовницу Воронцову, но это не устраивало ни Елизавету, ни весь клан Шуваловых. В последнее время Воронцов уже имел у них меньше доверия.

Рассталась императрица с Екатериной вполне дружелюбно и дала понять, что хотела бы поговорить с ней наедине, без свидетелей. Второй разговор с императрицей состоялся через два месяца. Елизавета опять вспомнила о письмах великой княгини к Апраксину. И та поклялась, что их было всего три. Дальше в разговоре они не касались политики, а говорили только об отношениях Екатерины и великого князя.

Еще раз о Бестужеве

Бестужев просидел под арестом 14 месяцев. В сентенции, составленной Волковым, сообщалось, что «как ни старалась комиссия, преступлений против здоровья и благополучия государыни не нашли». Экс-канцлеру предъявили следующие вины: «1. Клеветал ее императорскому величеству на их высочества, а в то же время старался преогорчить и их высочества против ее императорского величества. 2. Для прихотей своих не только не исполнял именные ее императорского величества указы, но еще потаенными происками противился исполнению оных. 3. Государственный преступник он потому, что знал или

видел, что Апраксин не имеет охоты из Риги выступить и против неприятеля идти и что казна и государство напрасно истощаются, монаршая слава страдает, не доносил о том ее императорскому величеству. Оскорбитель он величества, что вместо должного о том донесения вздумал, что может то лучше исправить собственно собою и вpletением в непозволительную переписку такой персоны, которой в делах никакого участия иметь не надлежало, и через то нечувствительно в самодержавное государство вводил соправителей и сам соправителем делался. 4. Будучи в аресте, открыл письменно такие тайны, о которых ему и говорить под смертной казнью запрещено было. За эти его вины комиссия считала Бестужева достойным смертной казни, но предавала все дело монаршему соизволению и милосердию».

В апреле 1759 года Бестужев был сослан в его село Горетово, что под Москвой в Можайском уезде. Все недвижимое имущество осталось за ним, только были взысканы казенные долги. С другими осужденными тоже обошлись мягко. Ювелиршица Бернарди сослала на житье в Казань; Ададуров получил почетную ссылку, его назначили товарищем губернатора в Оренбурге; Елагина сослала в его казанскую деревню.

В ссылке с Бестужевым находилась жена. Алексей Петрович всегда умел жить полной жизнью. В Горетове он просто упивался своим горем, оно стало смыслом его жизни. В горести сочинил он книгу: «Утешение христианина в несчастье, или Стихи, избранные из Священного Писания». Вернувшись после ссылки в Петербург, он издал этот труд с предисловием, написанным академиком Гавриилом Петровым. Этот же Петров перевел книгу на латынь, затем «Утешения христианина в его несчастье...» были изданы в Гамбурге на немецком, в Стокгольме – на шведском, потом ее перевели и французы.

Бестужев был не чужд и художественной жилки. Еще на заре своей карьеры он начал увлекаться медальерным искусством. 1 декабря 1721 года ему выпала удача – Алексею Петровичу поручили устроить торжества по случаю заключения Ништадтского мира. Тогда-то он и решил отчеканить на датском монетном дворе медали с портретом Петра I. Однако датчане очень критически отнеслись к фразе на медали: «...даровав Северу давножданное спокойствие» и чеканить медали отказались. Их можно понять: Петр Великий многое принес Северу, но только не спокойствие. Бестужев выбил медали в Гамбурге, подарил иностранным дипломатам, датчане тоже должны были принять медаль в подарок. От Петра Бестужев получил личную благодарность.

В Горетове в память своей былой славы он решил вспомнить медальерное искусство. Он отчеканил медаль со своим портретом и с подобающей латинской надписью: канцлер Бестужев. На обороте медали были изображены две скалы в бушующем море, над одной из скал сияло солнце, другая была «громима грозой». Надписи усиливали сюжет: «Semper idem» – «Всегда тот же», внизу «Immobilis in mobili», то есть «В этом изменчивом мире всегда постоянен».

На трон взошла Екатерина II. Она не забыла услуги Бестужева, ему возвратили все награды. Дело его пересмотрели, экс-канцлер был полностью оправдан, но занять прежний пост он уже не мог, это место было занято. 3 июля 1762 года Екатерина в память его бывших заслуг произвела Бестужева в генерал-фельдмаршалы. Он еще пытался играть в политические игры, но безуспешно, время его прошло. Скончался Алексей Петрович Бестужев-Рюмин 10 апреля 1766 года от каменной болезни в возрасте 73 лет.

М.Ю. Анисимов пишет: «И при жизни, и после смерти Бестужев неоднократно удостоивался нелицеприятных оценок. Он был типичным деятелем своего века – признанным мастером закулисных придворных интриг, коварным и хитрым царедворцем. Будь он другим, он вряд ли сумел бы удержаться при елизаветинском дворе, так как не имел отношения к перевороту 25 ноября 1741 г., не пользовался симпатиями императрицы, не был, как Воронцов, женат на ее родственнице».

Но при этом он был умным политиком, способствующим определению положения России в Европе; не забывая собственных выгод, он служил своей стране верой и правдой.

Степан Федорович Апраксин

Родоначальником богатого и известного в России рода Апраксиных был некто Солохмир, крещенный Иоанном. Он выехал из Золотой Орды в 1371 году в услужение князю Олегу Рязанскому, женился на сестре его Анастасии. Одного из правнуков Иоанна прозвали Опрокса, отсюда род и пошел.

Степан Федорович (1702–1760) рано потерял отца и воспитывался в доме дяди, Петра Матвеевича Апраксина, знаменитого адмирала и сподвижника Петра Великого. Мать его, в девичестве Кокошкина Елена Леонтьевна, вышла второй замуж за «страшного и ужасного» Ушакова – главу Тайной канцелярии. В семнадцать лет Степан Апраксин начал службу рядовым Преображенского полка. В царствование Петра II он получил капитанский чин. При Анне Иоанновне, уже в Семеновском полку, он стал секунд-майором.

Дальнейшая его карьера была очень благополучной, в этом способствовали мать и отчим. Степан Апраксин отмечен наградами и высочайшими милостынями, но наградами Степан Федорович обязан не подвигом на поле брани, а игре случая. Воевал под руководством Миниха, утверждали, что не трус, но особыми военными подвигами не отличился. Но повезло! Именно Апраксин привез в Петербург весть о взятии Хотина. За хорошую, долгожданную весть Анна Иоанновна наградила его орденом Св. Александра Невского, высшим в России знаком отличия. Чин генерал-кригс-комиссара он получил тоже не за военные заслуги, а за удачное посольство в Персию к Надир-шаху. Дальнейший его пост – вице-президент Военной коллегии. В 1746 году он получил чин генерал-аншефа и был назначен подполковником Семеновского полка.

С государыней Елизаветой у него всегда были хорошие, дружеские отношения. Он был умен, красив, ловок, славился на весь Петербург богатством и пышными приемами. Князь Шербаков в своей книге «О повреждении нравов в России» пишет, что в Петербурге образовался тесный кружок из трех лиц, «...льстя государыне Елизавете», все льстили и ее любимцу Алексею Разумовскому, который был «человек добрый, но недалекого рассудку, склонен как все черкесы к пьянству». И Апраксин, и Алексей Петрович Бестужев поддерживали с Разумовским самые дружеские отношения. Бестужев, хоть и не был «черкесом», но выпить тоже очень любил. «Степан Федорович Апраксин, человек также благодетельный и доброго расположения сердца, но мало знающ в делах, пронырлив, роскошен, честолюбив, а потому хоть и не был пьяница, но не отрекался иногда в излишность сию впадать». Дочь Степана Федоровича Елена, в замужестве Куракина, пышнотелая красавица, долгое время состояла в любовницах у Петра Шувалова. Об этом судачил весь двор. Апраксин стеснялся, переживал, но умел извлечь из этого выгоду. Скандальная хроника XVIII века не обошла вниманием еще одну деликатную тему, утверждая, что Семен Апраксин во время карточной игры в доме Кирилла Разумовского был замечен то ли в шулерстве, то ли в мелком воровстве, когда прихватывал походя со стола кучей лежащие деньги. Врут, наверное, зависть – штука жестокая. Но в подобной «клептомании» в доме фаворита многих обвиняли. Разумовский знал об этом, но делал вид, что ничего не замечает.

Принцип генерал-аншефа Апраксина состоял в том, что война есть тоже форма жизни, и прожить это трудное время надо как обычно, то есть со всеми удобствами. Знакомый с ним английский посол Вильямс пишет в своих записках, что Апраксин был щеголь и на войну взял с собой двенадцать полных костюмов, словно собирался не воевать, а рисоваться перед дамами. Его личный обоз везли пятьсот лошадей. Он любил роскошные обширные палатки, в которых можно было устроить бал, обожал хорошую кухню. В самое трудное время повара готовили для него обед из многих перемен блюд из продуктов самого высшего качества. И спал он отнюдь не на соломе, на которую обычно укладывают легендарных полководцев, а на роскошных пуховиках. Поэтому понятно, почему в отчетах Апраксина на первом месте описывается ужас перед «великими жарами» или «несносными дождями». Он был искренне уверен, что в такую плохую погоду не воюют.

Гросс-Егерсдорфская победа его буквально оглушила и своей неожиданностью, и

последующими за ней карами. Право, здесь уже не знаешь, гордиться ли военным успехом или проклинать судьбу, что удалось в пух разбить непобедимых пруссаков. В Петербурге его предупреждали: быть осторожным, самому в битву не вступать, особенно когда не знаешь точных сил противника. Апраксин и не вступал, прусский генерал Левальд сам напал на нашу армию, а что нам оставалось делать, как не защищаться? Началась страшная битва, исход которой решили русские запасные полки. Они стояли за лесом и, наскучив там стоять, вступили в битву и выиграли всю баталию.

После знатной победы под Гросс-Егерсдорфом 13 сентября Иностранная коллегия получила с полей сражений указ, в котором сообщалось, что де, наша армия «далее маршировала», надеясь дать вторично баталию, «но неприятель, несмотря на свое весьма выгодное и весьма крепкое за рекою Алом положение, не отважился обождать атаки, но паче скоростижно под пушки Кенигсберга ретировался, оставляя повсюду знаки крайнего и беспримерного свирепства над собственными своими подданными и лишая своих последних пропитания». Кажется, преследуй противника и добей его! Ан нет... «А как потому нашей победоносной армии в дальнейшем марше недостаток в провианте и фураже причинен, да оттого и подвоз оногo труден стал, то наш генерал-фельдмаршал Апраксин за нужное рассудил вместо того, чтоб дальнейшим в разоренную землю вступлением известному голоду подвергнуть армию, повернуться на время ближе к магазинам, лежащим по реке Неману, дабы там, оставя больных и прочие в походе беспокоивающие тяготы, вновь с лучшим успехом продолжать свои операции, как то вскоре самым делом показано будет».

Что тут началось! «Вместо того чтобы преследовать врага, Апраксин отступил. Это измена!» – кричали наперебой союзники. В Петербурге отступление Апраксина объяснили по-своему. Он повернул к русским границам, потому что его упредили о болезни государыни и возможной смене правителя. Но кто упредил? Кто приказал? Общественное мнение указывало пальцем на Бестужева и молодой двор.

Екатерина II в своих записках по-своему объясняет этот феномен. Она пишет, что непонятное отступление Апраксина «было похоже на бегство, потому что он бросал и сжигал свой экипаж и заклепывал пушки. Никто ничего не понимал в этих действиях; даже его друзья не знали, как его оправдывать, и через это стали искать скрытых намерений. Хотя я и сама точно не знаю, чему приписывать поспешное и непонятное отступление фельдмаршала, так как никогда больше его не видела, однако я думаю, что причина этого была в том, что он получил от своей дочери, княгини Куракиной, все еще находившейся из политики, а не по склонности, в связи с Петром Шуваловым, от своего зятя князя Куракина... довольно точные известия о здоровье императрицы, которое становилось все хуже...» В изъятом у Апраксина архиве упомянутых Екатериной писем не оказалось, но от нее были три письма к фельдмаршалу. В последнем письме великая княгиня по просьбе Бестужева заклинала Апраксина «вернуть с дороги и положить конец бегству, которому враги его придавали оборот гнусный и пагубный».

По приказу императрицы из Петербурга было послано письмо к Фермору с приказом объяснить поведение фельдмаршала Апраксина и «отвечать откровенно по пунктам о положении в армии». Фермор ответил с полной откровенностью, что положение армии после баталии было плачевным, опять же «дожди и великие грязи, лошади в полную худобу пришли... и валиться начали», посему решили «армию на зимние квартиры в неприятельской земле расположить, пока неприятельская армия совсем разбита или прогнана не будет, способов представить не можно, кроме предпринятых по крайнему разумению от всего генералитета».

Понятно, что приказ отступать был сделан не Апраксиным лично, а военным советом, но для того, чтобы успокоить союзников, Елизавета должна была пожертвовать своим фельдмаршалом. Петр Шувалов защищал Апраксина из последних сил, Бестужев предал своего бывшего друга и настаивал на немедленной его отставке. Апраксин сдал свои полномочия англичанину графу Фермору – как показало время, толковому инженеру, но неопытному полководцу. Армия искренне скорбела об отставке Апраксина. Особенно

печалились солдаты. В архиве кн. Воронцова сохранилось письмо асессора Веселицкого, который пишет: «Они себе за крайнее несчастье поставляют, что такого главного командира, которого весьма любят и почитают, лишились; они друг к другу сими экспрессиями прямо отзываются: “В кои-то веки Бог нас было помиловал, одарил благочестивым фельдмаршалом, да за наши грехи опять его от нас взял. А от нечестивых немцев какого добра ждать? Ведь одноверцы: ворон ворону глаз не выклюет...”».

Апраксину было предписано выехать в Петербург, но до столицы он не доехал, его задержали в Нарве под домашним арестом. Здесь же у него забрали его архив. В конце декабря он не выдержал неопределенности своего положения и написал письмо императрице: «Последнейший ваш раб, представя бедность моего состояния, в котором я, бедный, чрез шесть недель здесь пребывая, не только совсем своего лишился здоровья и потерял разум и память, но и едва поднесь мой дух сдержаться во мне мог, и поднес едва ногою владеть могу, приемлю дерзновение, не принося никаких оправданий, высочайшего и милосерднейшего помилования просить...» Далее Апраксин именно оправдывается: «...и то могу донести, что во всей армии не было ни одного такого человека, который бы не хотел пролить последней капли своей крови за соблюдение высочайших интересов и во исполнение воли вашего величества...», и главный советчик его был Фермор, и все они решали правильно, а других советов не имели.

Апраксина содержали как пленника, потому что он должен был выступить в качестве свидетеля уже не по поводу Гросс-Егерсдорфской битвы и ее последствий, а по другому, куда более важному вопросу. В январе 1758 года в Нарву приехал начальник Тайной канцелярии Александр Шувалов. Приехал он не для допроса, а для частного откровенного разговора. Апраксин поклялся, что никакой тайной переписки с молодым двором не вел, а отступила армия не по чьему-либо наущению, а из-за крайней необходимости. В феврале был арестован Бестужев, и об Апраксине забыли. Его перевели поближе к Петербургу, в местность, называемую Три Руки. Последние дни жизни Апраксина окутаны туманом. Я не знаю, стали ли снимать с него допрос на мызе Три Руки или отвели в тюремные палаты. Известно только, что, выслушав первый же вопрос, Степан Федорович потерял сознание и через четыре дня умер, диагноз – апоплексический удар. По одним сведениям, это случилось в 1759 году, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона утверждает, что Апраксин умер 26 августа 1760 года.

Народ тут же сочинил о нем легенду. Недовольная медленным ведением дел, Елизавета спросила следователей: «Почему Апраксин уже три года под судом?» Императрице ответили: «Он ни в чем не сознается. Мы не знаем, что с ним делать».

– Ну, так остается последнее средство, – якобы ответила Елизавета, – прекратить следствие и оправдать невиновного.

Комиссия в точности исполнила приказание императрицы. Когда Апраксин на очередное обвинение комиссии ответил отрицательно, ему сказали:

– Ну что ж... Нам остается применить последнее средство...

Услышав эту страшную фразу, Апраксин упал замертво, решив, что его будут пытаться.

Род Апраксиных не пресекался. У Степана Федоровича остался сын – Степан Степанович. Вся его жизнь была отдана армии, он воевал, был награжден, в отставку ушел генералом от кавалерии.

Война

Раз начала рассказ про Семилетнюю войну, надо его довести до конца, хоть он и не имеет прямого отношения к нашему сюжету. Во главе русской армии встал генерал-аншеф Фермор. В начале августа 1758 года он осадил крепость Кюстрин и начал жесточайший ее обстрел. Прусский гарнизон был практически перебит, город горел, но крепость не сдавалась, надеясь на помощь Фридриха II. Король был в Богемии, но, узнав об осаде Кюстрина, поспешил на выручку своим. Фермор, в свою очередь, отступил от Кюстрина и

двинулся навстречу прусской армии.

Битва состоялась 14 августа 1758 года под деревней Цорндорф и была отчаянной, страшной – артиллерия палила, конница скакала, но солдаты то и дело переходили на рукопашный бой. Беда наша была в том, что на правом фланге наши солдаты нашли в обозе вино и перепились; но левый фланг выстоял. Сражение продолжалось весь день, и к вечеру каждый присваивал себе победу. На огромном пространстве лежали вперемешку прусские и наши солдаты, артиллерия тоже поменялась местами, наши пушки очутились у пруссаков, а их орудия – у нас. Стали считать потери и выяснили, что победили все-таки пруссаки, они потеряли 12 000 человек, русские – 20 000.

Но для Фридриха это была пиррова победа. Он не ожидал от русских такого напора и доходящей до безрассудства смелости. Однако в Петербурге решили второй раз поменять главнокомандующего. Вместо Фермора во главе русской армии в марте 1759 года поставили Петра Семеновича Салтыкова. Он начал службу в 1714 году рядовым солдатом гвардии, позднее был отправлен Петром I во Францию для обучения морскому делу. Но море не стало его судьбой. Последнее время он командовал украинской ландмилицией, у него не было возможности показать талант полководца, да его у него и не было. Кроме того, он был стар. Н.И. Костомаров пишет: «Когда он прибыл в армию в Пруссию, то русские смеялись над ним и прозвали его курочкой: это был седенький, низкорослый старичок, ходивший всегда в белом ландмилицейском мундире без украшений и чуждый всякой пышности и церемонности, что русские тогда привыкли видеть у своих главнокомандующих». Не блестящий полководец, что и говорить, но очень Елизавете хотелось поставить во главе своей армии русского полководца.

Задачей Салтыкова было соединиться с австрийской армией, но это ему не удалось. Когда «скоропостижный король» – как прозвали в Петербурге Фридриха – напал на нашу армию, Салтыков успел объединиться только с отрядом генерал-поручика барона Лаудона. Все произошло 1 августа 1759 года при деревне Кунерсдорф. Фридрих начал сражение очень решительно. Внезапность и неожиданность решили дело. Он вытеснил русских из деревни, занял наши батареи, прижал Салтыкова к реке Одере и к вечеру считал, что битва окончена. Он даже успел разослать курьеров с объявлением своей победы.

Но на следующий день бой возобновился. И начался он с того, что австрийский отряд Лаудона отбил русскую батарею. Русские дрались отчаянно и вырвали победу у прусского короля. Во время битвы в него угодила пуля, но ударилась о золотую готовальню, которую он всегда носил с собой, и это спасло ему жизнь. Дальше – больше, он чуть не попал в плен к русским.

Фридрих был раздавлен этим поражением. Вот его письмо в Берлин к его министру: «Наши потери очень значительны. Из сорока восьми тысяч воинов у меня осталось не более трех тысяч, все бежит, нет у меня власти остановить войско; пусть в Берлине думают от своей безопасности. Жестокое несчастье, я его не переживу. Последствия битвы будут еще ужаснее самой битвы: у меня нет больше никаких средств и, сказать правду, считаю все потерянным. Я не переживу гибели моего отечества. Прощай навсегда». Елизавета могла торжествовать. В Петербурге звонили колокола, празднично палили пушки – победа!

И опять мы не смогли воспользоваться победой в полной мере. У Салтыкова не сложились отношения с австрийцами, он отступил в Польшу и вскоре подал в отставку, ссылаясь на болезнь и преклонный возраст. 12 сентября 1759 года он сдал командование Фермору. Тогда же по приказу из Петербурга русский отряд под командованием графа Чернышева и генерал-майора Тотлебена взял Берлин, так что опасения Фридриха были вполне обоснованы. В прусской столице было всего три батальона пехоты и небольшое число конницы, собранной из военнопленных. Фридрих, возмущенный наглостью русских, двинул на помощь своей столице 40-тысячную армию. Русские войска успели взять из побежденного города контрибуцию в полтора миллиона талеров, вывезли большое количество оружия, взорвать два литейных и один оружейный завод и шесть пороховых мельниц на реке. Все пленные, содержавшиеся в Берлине, получили свободу.

Между тем война продолжалась.

Шуваловы

Итак, братья Шуваловы, очень заметная фамилия в царствование Елизаветы. Петр и Александр Шуваловы были родными братьями. Фаворит Иван Иванович Шувалов приходился им двоюродным братом. Отцом Александра и Петра был дворянин Иван Максимович Шувалов-старший. Он служил при Петре I комендантом в Выборге, занимаясь при этом съемкой карт морских и речных берегов и определяя границы между Россией и Швецией. Был он весьма уважаемым человеком, но не слишком богатым, всегда очень занятым, поэтому сыновьям своим не дал блестящего светского воспитания, но сумел пристроить к императорскому двору. Потом оба очутились в качестве пажей при дворе цесаревны Елизаветы Петровны. Это и определило их будущую карьеру. Про Петра Ивановича рассказ будет впереди, а сейчас остановимся на фигуре старшего брата.

Александр Иванович Шувалов

Александр Иванович (1710–1771) состоял при дворе цесаревны Елизаветы, он содействовал ее восхождению на трон, поэтому после переворота на него как из рога изобилия посыпались награды. 1741 год – Александр Шувалов действительный камергер, подпоручик лейб-компания в чине генерал-майора, спустя год два ордена украсили грудь его – Св. Анны и Св. Александра Невского. В 1744 году Шувалов уже поручик лейб-компания с чином генерал-лейтенанта, в 1746 году – граф Римской империи. Далее он становится генерал-адъютантом, затем генерал-аншефом, а в 1753 году награждается орденом Св. Андрея Первозванного, самым высоким орденом империи.

Сказочная карьера! Он никогда не был любовником государыни, он не был на поле брани, и тем не менее за 12 лет правления Елизаветы достиг первых чинов в России. При этом он не обладал какими-то из ряда вон талантами и задатками, он был «человеком без примет». Все дело в том, что помимо формального командования армейской дивизией Александр Шувалов возглавлял страшную Тайную канцелярию. Не могу упустить возможности поговорить об этом органе подробнее. Интересно ведь, что представляла из себя во времена Елизаветы эта «страшная и ужасная» канцелярия.

Я взяла в кавычки эти слова, ни в коем случае не иронизируя, дыба всегда дыба, а если на должности на всю столицу всего два палача, то от этого человеку под кнутом не менее больно, если бы палачей был целый полк, но когда я узнала, что в этом страже государственности, в этом пугале народном – Тайной канцелярии – служило всего одиннадцать человек, то рот открыла от изумления. Я выросла при «торжестве гуманизма, в самой свобододобивой и справедливой стране», то есть при Сталине, чтоб не была земля ему пухом, я знаю, что такое Лубянка (а ведь в каждом городе была своя Лубянка!), а тут одиннадцать человек в небольшом домике, который размещался в Петропавловской крепости!

Для того чтобы читатель не обвинил меня в плагиате, или, хуже того, во лжи, скажу сразу, что знания эти почерпнуты мной из справочников и мемуаров, а в основном из работы Василия Ивановича Веретенникова, изданной в Харькове в 1911 году.

Итак, первая Тайная канцелярия была основана Петром Великим в самом начале его царствования и называлась Преображенский приказ по имени села Преображенского. Первые радетели сыскного дела вели иск против негодяев, которые действовали «противу двух первых пунктов». Первый пункт – злодеяния против особы государя, второй – против самого государства, то есть устраивали бунт.

«Слово и дело» – клич, придуманный еще опричниками. Любой человек мог выкрикнуть «слово и дело», указывая пальцем на преступника – истинного или придуманного. Следственная машина тут же включалась в действие. В мое время громыхали

такими понятиями, как «враг народа», и если учесть, что сталинские следователи никогда не ошибались, то Преображенский приказ был по-своему справедлив. Если вина взятого по доносу не была доказана, то «допросу с пристрастием», то есть пытке, подвергали самого доносителя. Преображенский приказ был упразднен Петром II в 1729 году, честь и хвала мальчику-царю! Но пришла сильная власть в лице Анны Иоанновны, и сыскная контора опять заработала, как хорошо смазанный механизм. Это случилось в 1731 году; называлась она теперь «Канцелярия тайных розыскных дел». Неприметный одноэтажный особнячок, восемь окон по фасаду; в ведении канцелярии находились также казематы и служебные помещения. Заведовал этим хозяйством известный на весь Петербург Андрей Иванович Ушаков.

Карьеру Ушаков начал еще при Петре I на должности тайного фискала, работал честно, потом стал сенатором, а потом возглавил вышеупомянутую канцелярию. Во времена Анны Иоанновны (расцвет сыскных дел) в Тайной работало тринадцать человек. Фактически руководил всеми делами секретарь-регистратор (заместитель Ушакова), далее шли протоколист, регистратор и актуариус, затем секретари, канцеляристы, подканцеляристы и копиисты. Отдельно существовал воинский наряд числом десять человек. Количество осведомителей неизвестно, но думаю, что их было, как всегда, много. Для особо важных дел в помощь Тайной канцелярии учреждали особые комиссии. Так было при суде над Бироном, Остерманом, Минихом и прочими, при «Бабьем заговоре» и т. д. В случае необходимости Тайная канцелярия посылала своих агентов в другие города. В Москве находился постоянно действующий филиал Тайной.

Ушаков трудился на ниве сыска шестнадцать лет. Обыватели боялись его панически, его именем пугали детей: страшный старик! Так оно и было: он начал заведовать Тайной канцелярией в шестьдесят без малого лет. Бантыш-Каменский писал о нем: «Управляя Тайной канцелярией, он производил жесточайшие истязания, но в обществе отличался очаровательным обхождением и владел особым даром выведывать образ мыслей собеседника». Все это правда. Ушаков не был садистом, чрезмерная его жестокость не была вызвана ненавистью к преступникам. Он просто честно делал свое дело, он был добросовестен и бесстрастен. Самый отвратительный вид служаки!

Возраст есть возраст, Ушаков подумывал о замене. Преемником его стал Александр Иванович Шувалов, не сразу, разумеется, вначале входил в дело, учился на допросах и подле дыбы, а потом принял присягу и «вошел во владение». Присягу Шувалов дал в домовый церкви Ушакова, словно дело о замещении главы Тайной канцелярии было семейным. Это случилось в 1746 году, Александру Шувалову было тридцать шесть лет.

Это была идея Бестужева – совместить в одном лице две должности – главы Тайной канцелярии и гофмаршала молодого двора: Александр Иванович по чину должен был наблюдать за молодыми супругами, отслеживать каждый шаг великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны. Екатерина его ненавидела. Вот какую характеристику дает она Шувалову в своих «Записках»: «Александр Шувалов, не сам по себе, а по должности, которую занимал, был грозой всего двора, города и всей Империи; он был начальником инквизиционного суда, который звали тогда Тайной канцелярией. Его занятие вызвало, как говорили, у него род судорожного движения, которое делалось у него на всей правой стороне лица, от глаза до подбородка, всякий раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью». Еще Екатерина называет его человеком нерешительным, мелочным, скупым, неумным, скучным и пошлым.

Жена Александра Ивановича – Екатерина Ивановна Шувалова (в девичестве Кюстюринна, рода незнатного) – тоже была в штате молодого двора. Маленького роста, худая, застенчивая женщина, она, в отличие от многих, совсем не боялась своего грозного мужа. У нее была странная привычка – вдруг впадать в глубокую задумчивость, застывая на месте. Это могло произойти и на маскараде, и на прогулке. Великая княгиня подтрунивала над Екатериной Ивановной и прозвала ее «Соляной столб». В общем, совершенно безобидная была дама. При дворе, опять же с подачи Екатерины, сплетничали, что мадам Тайная

канцелярия не в меру бережлива, нижние юбки зауживает, тратя на них на одно полотнище меньше, на манжеты экономит кружева и одевается ужасно.

Без харизмы были супруги, что и говорить. Во мнениях своих Александр Иванович Шувалов очень зависел от младшего брата Петра Ивановича. Но, руководя страшным органом – Тайной канцелярией, – он не испытывал истового рвения к работе, не был «первым учеником», уже за это ему спасибо. И нервный тик на лице от глаза до подбородка появился, явно сообщая публике, что и у этого человека есть нервы. При нем Тайная канцелярия как бы «усыхала». Выписки из дел, реляции, сами опросные листы стали меньше по объему и скуперее по содержанию, вдохновение ушло в песок. Клятва Елизаветы «не казнить смертию» не была вписана в закон, но соблюдалась неукоснительно. Ушаков велел пытаться в том случае, если не прорисовывалась ясная картина преступления, а так было почти всегда. Шувалов же отказывался признать, что зашел в тупик и пора вспомнить о дыбе, он искал новых свидетелей, устраивал очные ставки, снова и снова перечитывал опросные листы. Для допроса с пристрастием требовалось личное распоряжение Шувалова, а он давал его очень неохотно.

Естественно, что дел, связанных с такими значительными личностями, как Лесток, было очень мало. Чаще всего приходилось заниматься сущей мелюзгой. Главное было решить, «важное» это дело и стоило ли им вообще заниматься. Например, на рынке две торговки подрались из-за непроданного гуся, и одна из торговек написала донос. Здесь канцелярист должен решить – важное ли сие дело или нет. Если просто подрались, хоть до крови, хоть с членовредительством, это дело «неважное», то есть не для Тайной канцелярии, но если одна из торговек «избледала речи, поносившие государыню или трон русский», то это «наше», берем и заводим дело. Запрещенные в государстве дуэли тоже рассматривались Тайной канцелярией. Обвиненного в волшебстве священника судил Синод, но если в его тетрадах с зельями и заклятиями находили что-то «противу двух первых пунктов», то работа предстояла ведомству Шувалова.

Об одном из таких дел рассказывает в своих «Записках» Екатерина II. В поисках куда-то затерявшейся мантильи государыни камерфрау заглянула под подушки в ее кровати. Мантильи не нашла, но под матрасом обнаружила бумагу, в которой были намотанные на какие-то коренья волосы. Елизавета панически боялась колдовства. Все ужасно перепугались, стали обсуждать происшедшее. Заподозрили в «чарах» любимую императрицей Анну Домашевную, жену камердинера Елизаветы. Весь клан Шуваловых недолюбливал эту женщину из-за слишком большого доверия к ней императрицы. За расследование взялась Тайная канцелярия. Арестовали и саму виновницу, и ее мужа камердинера, и двух сыновей от первого брака. Дело вел сам Александр Шувалов. Муж после ареста перерезал себе бритвой горло, Анна Домашевная после многих допросов во всем повинилась, только причина ее поступка была другая – она хотела сохранить любовь императрицы к себе и потому прибегла к чарам. И саму Анну, и сыновей ее сослали.

Шувалов был приставлен следить за молодым двором, часто он становился посредником в отношениях великого князя и императрицы. Вообще Петр Федорович поддерживал к ним хорошие отношения, чего нельзя сказать о Екатерине. Она позволяла себе иногда очень смелые выходки, при этом откровенно смеялась над начальником Тайной канцелярии. Так, однажды у нее в спальне собралась большая компания, в числе гостей Екатерины был возлюбленный Понятовский. Екатерина была нездорова и потому принимала гостей в постели. И вдруг в разгар веселья слуга объявляет о приходе Александра Шувалова. Глава Тайной канцелярии пришел к великой княгине по невинному поводу – обсудить с ней фейерверк на предстоящем празднике, но этого не могли знать ни Екатерина, ни ее гости. Молодежи было некуда деться, и они спрятались в соседствующей со спальней гардеробной, а Екатерина приняла неожиданного гостя. Разговор с Шуваловым получился долгий, Екатерина великолепно сыграла роль утомленной и измученной болезнью женщины, а в соседней комнате «давились от смеха» ее гости. Согласитесь, что в описанной сцене не ощущается ужаса перед главой страшной канцелярии. Екатерина не боялась Шувалова, не

любила, презирала – да, но не ждала от него изощренного коварства и жестокости.

На Шувалова было возложено также другое необычайно важное дело – охрана Брауншвейгской фамилии. Он с ним справился. Иван Антонович жил в Холмогорах, не подозревая, что мать его умерла, что в соседнем доме находятся его отец, братья и сестры. В 1756 году русский двор получил сведения, что Манштейн, когда-то служивший в России и перешедший на службу Фридриху II, собирается освободить Ивана с помощью старообрядцев. В этот же год свергнутого императора увезли из Холмогор в Шлиссельбургскую крепость. Ивану Антоновичу было 16 лет. Из Петербурга пришел приказ Шувалова: «Оставшихся арестантов содержать по-прежнему, еще и строже и с прибавкой караула, чтоб не подавать вида о вывозе арестанта, о чем накрепко подтвердить команде вашей, кто будет знать о вывозе арестанта, чтоб никому не сказывал».

В Шлиссельбурге Иван Антонович жил под крепким караулом под командой офицера Овцына. Задача караула: не только не допустить побега пленника, но не дать ему увидеться с нежелательными людьми. Приказ Шувалова от 1757 года: «...чтоб в крепость, хотя генерал приехал, не впускать; еще и присовокупляется, хотя б и фельдмаршал и подобный им, никого не впускать в комнаты, его императорского величества вел. князя Петра Федоровича камердинера Карновича в крепость не пускать и объявить ему, что без указа Тайной канцелярии пускать не велено». За поведением Ивана Антоновича внимательно следили, аккуратно писали депеши в Петербург об «известной персоне». В отчетах о нем сознательно писали как о помешанном, но по тайному приказу велено было расспросить подробнее, что сам узник о себе понимает. Овцын спрашивал у арестованного: кто он? Иван сказал, что он великий человек, но один подлый офицер то у него отнял и имя переменял. В другом разговоре он именовал себя принцем. Известно также, что Иван знал грамоту и читал Библию.

После смерти Елизаветы Александр Шувалов был обласкан Петром III, он уже генерал-фельдмаршал, но его служба этому государю была недолгой. В перевороте 1761 года Шувалов «не разобрался», не поверил ему, а потому самым бестолковым образом принялся уговаривать гвардию сохранять верность императору Петру. Однако он вовремя опомнился и бросился в ноги к новоиспеченной императрице. Екатерина не была злопамятным человеком. Она его простила, более того, жаловала ему за службу 2000 крепостных душ, но видеть подле себя ненавистного человека не пожелала. На этом служба России для Александра Шувалова окончилась, он был уволен со всех постов, для него началась жизнь частного человека.

Петр Иванович Шувалов

Энциклопедия пишет о нем – значительный государственный деятель. Петр Иванович (1711–1762) был очень разносторонним человеком. Если обязанностью Бестужева были иностранные дела, то Шувалова мы можем считать премьер-министром, хотя он не имел такой должности. Особенно возвысилась его власть после падения Бестужева.

Граф Петр Иванович Шувалов родился в 1711 году. Как уже говорилось, батюшка Иван Максимович пристроил юного Петра ко двору. Должность пажа Петр Иванович выполнял вначале при дворе герцога Голштинского и его супруги Анны Петровны. В обязанности пажа входило обслуживание высочайшей особы, а именно – участие во всех церемониях, балах, путешествиях, охоте и т. д. Должность эта, простая, но утомительная, длилась обычно пять-шесть лет и была трамплином для дальнейшего повышения по службе – штатской или армейской.

После свадьбы чета герцогов Голштинских отправилась в Киль, с ними в составе двора отбыл и Петр Шувалов. В 1728 году герцогиня Анна Петровна, родив сына, умерла. По завещанию, ее должны были похоронить на родине. Останки герцогини повезли морем, Шувалов был в составе лиц, сопровождавших гроб.

В 1731 году Анна Иоанновна определила Шувалова камер-юнкером при дворе

цесаревны Елизаветы Петровны, где уже служил его брат Александр. Переворот 25 ноября 1741 года определил дальнейшую судьбу братьев Шуваловых. Петр был назначен подпоручиком лейб-компанейского полка (чин этот приравнивался к генерал-майору в армии) и действительным камергером двора ее величества. В 1742 году он женился на Мавре Егоровне Шепелевой, очень близкой Елизавете особе. Вся дальнейшая карьера Петра Ивановича базировалась на том, что Елизавета ему доверяла, как человеку, помогшему ей взойти на трон, – это во-первых, а во-вторых, ему была обеспечена могучая поддержка в лице жены и двоюродного брата Ивана Ивановича Шувалова – фаворита императрицы.

В 1742 году Петр Иванович становится кавалером орденов Св. Анны, Белого орла и Св. Александра Невского. В 1744 году Шувалов получает чин генерал-лейтенанта и назначается сенатором. В Сенате решаются важнейшие законодательные, судебные, исполнительные и хозяйственные дела государства. В 1745 году Шувалов уже генерал-поручик. В 1746 году он получает графский титул, а в 1748-м – чин генерал-адъютанта. Чин этот считался при дворе очень почетным, но не имел никакого отношения к гвардии и к армии вообще. В обязанности генерал-адъютанта входило доносить до Сената приказы и указы государыни. Петр Иванович должен был также осуществлять охрану ее величества, то есть назначать караульную службу гвардейцев и в петербургском дворце, и при путешествиях. Еще он отвечал за устройство военных парадов и прочая, прочая...

Петру Ивановичу тридцать пять лет, сил непочатый край, он готов служить где угодно на пользу себе и отечеству. К 1745 году относится его первый внесенный в Сенат проект – о подушной подати и борьбе с недоимками. Чуть ли не все проекты, поданные в Сенат, принадлежат именно Петру Ивановичу Шувалову. Он был необычайно энергичен, чем страшно раздражал Бестужева. Многие из шуваловских проектов были толковыми и своевременными, и в каждом из них автор получал денежную выгоду.

В январе 1752 года Петр Иванович подал в Сенат письменное предложение о государственном межевании земель. Все помнят симпатичный рассказ Чехова, где влюбленный жених и страстно желающая брака невеста никак не могут договориться, кому из них принадлежат Воловьи лужки. Но если там разговор кончился ссорой, да и то недолгой, то в XVIII веке из-за подобных «лужков» дело кончалось дракой, а то и кровопролитием. Пойдут крестьяне сено косить по приказу своего барина, а обиженный сосед, уверенный, что луга принадлежат ему, захватит тех крестьян и «убьет их, зверски замучив». Или другая картинка, выдержка из старых документов: «Для размежевания земель в Новгородском уезде послана была команда на 50 человек, но, когда стали межевать, монастыря Антонии Римлянина келарь Евдоким, служитель Михайлов, староста и выборный всеми крестьянами монастырской вотчины человек более 1000, явились с дубьем, кольем и топорами и межевать не допустили, крича, что если станут межевать, то будут бить до смерти. Останавливали солдат, хватили их за ружья».

Закон был принят, размежевание начали с Московской губернии. Велено было «публиковать во всем государстве, чтоб все, кто за собой деревни и земли имеет, на эти земли всякие крепости заблаговременно приготовили... чтоб межевщикам в том омежевании земель нималого препятствия и остановки последовать не могло, а в Вотчинную коллегию послать указ: иметь с писцовых и межевых книг копии...»

Очень важную роль в торговле государства имела соль. Шувалов создал новые прииски, увеличил добычу соли, а это было серьезным прибытком казне.

Ключевский пишет: «В Елизаветинском сенаторе графе П.И. Шувалове воскрес деятельный петровский прибыльщик-вымышленник. Финансист, кодификатор, землеустроитель, военный организатор, откупщик, инженер и артиллерист, изобретатель особой секретной гаубицы, наделавшей чудес в Семилетнюю войну, как рассказывали, Шувалов на всякий вопрос находил готовый ответ, на всякое затруднение, особенно финансовое, имел в кармане обдуманый ответ. Пустая казна, значит, повысим цену на соль и вино. В разгар Семилетней войны, когда денег уже совсем не было, Шувалов предложил чеканить медную монету вдвое легче ходившей. Он уже и подсчитал, что на этом можно

будет заработать три с половиной миллиона рублей, но правительство отказалось от этого финансового преобразования.

В 1753 году Шувалов предложил упразднить внутренние таможи со всеми пошлинами и сборами, от которых очень страдали и производители, и торговля, уж очень много на тех таможнях было злоупотреблений. У самого Шувалова было несколько «железоделательных» заводов, которые, кстати, отлично работали. Железо надо было развозить по стране, а тут на каждой заставе поборы. Взамен внутренних таможен Шувалов предложил увеличить пошлину на цену ввоза и вывоза. Вывозила Россия в основном сырье, которое только у нас и производилось, а ввозились в основном предметы роскоши, поэтому пошлина на ввоз ложилась в основном на богатые слои населения. Ключевский пишет, что «это была самая удачная и едва ли не единственная удачная финансовая мера на протяжении шести царствований после Петра». В этом же году Петр Иванович получил орден Св. Андрея Первозванного.

При содействии Шувалова «промыслы морских зверей стали процветать в Белом море», так писали в старых документах. Может, они только на бумаге процветали, но ведь обратил сенатор Шувалов взор свой на север и, как мог, способствовал улучшению промыслов, «морские звери» были важным звеном в нашей торговле с Европой. А дело все в том, что Шувалов обладал монополией на рыбные и тюленьи промыслы не только на Северном, но и на Каспийском море. Он сам активно торговал лесом, ворванью и салом. В руках Петра Ивановича был также откуп на табак, он с выгодой для себя устроил винные подряды и поставлял вино на весь Петербург.

Важны также его преобразования в армии. Речь идет о наборе рекрутов. Он рекомендовал поделить Россию на пять полос и из каждой «полосы» набирать рекрутов с интервалом в пять лет.

В своем проекте об уничтожении внутренних таможен Шувалов высказал здравую и новую для того времени мысль, что «главная государственная сила состоит в народе, положенным в подушный оклад». Это как надо понимать? Дворянство и духовенство не есть главная сила в государстве, потому что «они ничего не производят», а деньги в казну через налоги подают именно крестьяне.

В своих проектах Шувалов выступает иногда как мыслитель, обращающий внимание на главные язвы государства. Так, он представил Елизавете проект, в котором указывал на большую пользу государству в «свободном познании мнения общества». Такие простые слова и как много за ними стоит! В стране, где все жилось под страхом произвола, пугались даже шепотом произнести критические слова о правительстве, идея интересоваться свободным мнением общества была почти революционной. 250 лет с того времени прошло, а проблема осталась. При Елизавете не было внятных законов, при Екатерине II сочиняли уложение, да так и не досочинили. У нас во главе угла стоит закон, но с экрана телевизора мы готовы обсуждать что угодно – образование, дороги, сельское хозяйство, ЖКХ, коррупционеров, которые, как град или снег, не имеют ни лица, ни фамилий, но никому даже в голову не придет сказать критические слова в адрес президента или премьер-министра. Народ подкоркой чувствует, что можно, а что нельзя. А почему? Потому что живем под страхом произвола. Так что не будем удивляться, что проект Шувалова о пользе свободного познания мнения общества «обрел вечный покой в архивах Сената».

На пороге была Семилетняя война, и конечно, Шувалов принял активное участие к ее подготовке. Звание генерал-аншефа он получил в 1751 году, а это значит, что он теперь командовал дивизией. В 1755 году он был назначен фельдцейхмейстером, теперь в подчинении его стал находиться инженерный корпус и вся артиллерия. С 1756 года он член Конференции, главного правительственного органа в стране, что позволило ему взять под свой присмотр все военное ведомство. Он занимается комплектованием армии, обучением офицеров и солдат, обмундированием войск и создает специальный Обсервационный корпус из тридцати тысяч человек под командой генерала Брауна. Корпус должен был действовать самостоятельно, то есть подчиняться непосредственно Петру Шувалову. Эта резервная армия

предназначалась вначале для действий в пределах России. Но уже 9 июня 1757 года Обсервационный корпус в составе шести полков, укомплектованный в большом количестве артиллерией с новыми образцами огнестрельного оружия, начал движение к границам. Об успехах этого корпуса в Семилетней войне сведения разные – кто-то пишет о его великой пользе, кто-то считает, что он только вносил в военные действия большую неразбериху. Одно точно: со временем Обсервационный корпус пришлось расформировать.

Теперь о «новых образцах огнестрельного оружия», знаменитом изобретении Петра Ивановича, – особой гаубице. Перед Шуваловым стояла задача – «армию достаточной артиллерией снабдить и достойными артиллеристами и инженерами наполнить». Задумал Шувалов свое изобретение за несколько лет до войны. В 1753 году он подал в Сенат очередной проект о создании «новой гаубицы с овальным калибром». Сенат проект одобрил, но дело к завершению двигалось медленно. Судя по документам, неутомимый Шувалов тринадцать раз поднимал вопрос о своей гаубице в Сенате. Вначале в Москве отлили две пробные пушки, их испытание дало вроде бы положительные результаты.

Вот выдержка из специальной статьи: «За три года до Семилетней войны Шувалов выдвинул идею гаубицы нового типа, предназначенной для борьбы с пехотой и конницей. Разработку ее поручили майору Мусину-Пушкину и мастеру Степанову, и уже в 1754 году эти орудия стали поступать в полки. Первое время их держали под большим секретом, и вне лагерей прислуга должна была укрывать дульную часть чехлами, дабы излишне любопытные иностранцы не проведали тайны их устройства. Артиллеристам было что скрывать – канал ствола к дулу расширялся по горизонтали до трех калибров. Поэтому при выстреле картечь разлеталась веером, поражая плотно сомкнутые батальоны и эскадроны противника. В 1756 году на “секретных гаубицах” заменили металлическим механизмом вертикальной наводки деревянный клин, подкладывавшийся до тех пор под ствол. Первоначально секретные гаубицы имели цилиндрические зарядные камеры, а с 1758 года они изготавливались с коническими камерами».

Впервые гаубицы Шувалова использовали в битве при Гросс-Егерсдорфе. Поражали они «плотно сомкнутые батальоны и эскадроны противника», все так. И секретность была обеспечена. Гаубицы оберегали от чужих глаз, как в нашу Отечественную войну ракетную установку «катюшу». За разглашение секрета новой пушки Шувалова положена была смертная казнь. Беда только, что вскоре выяснилось, что новая гаубица мало отличается от старых, то есть стреляет картечью все равно плохо, но еще при этом из нее нельзя стрелять бомбами и ядрами. После битвы при Цорндорфе шуваловская тайна раскрылась. Фридрих II получил несколько новых гаубиц в качестве трофея и выставил их на улицах Берлина с обидной надписью: «Большой секрет русских». Но сам Петр Шувалов был очень высокого мнения о своих гаубицах, их удалось снять с вооружения армии только после его смерти.

А вот безусловно доброе дело. В 1758 году при содействии Шувалова в России была создана первая объединенная школа подготовки офицеров для артиллерии и инженерных войск.

П.И. Шувалов в моем очерке выглядит прямо как человек Возрождения И все бы хорошо, если бы сам он не был коррупционер и взяточник. Жил широко, ел вкусно, в оранжереях ананасы разводил, кареты его возили английские лошади, грабил направо и налево, а умер, оставив казне долг в миллион. Широкая натура, ничего не скажешь.

Критиковали Петра Ивановича многие люди, и за дело, но особенно ярко обрисовал «порочную фигуру» князь Щербатов. Ему и предоставим слово:

«...Петр Иванович Шувалов был человек умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, был женат на Мавре Егоровне Шепелевой, женщине, исполненной многими пороками, а однако любимице Императрицы...»

«Тут соединяя все, что хитрость придворная наитончайшего имеет, т. е. не только лесть, угождение монарху, подслуживание любовнику Разумовскому, дарение всем подлым и развратным женщинам, которые были при Императрице (и которые единые были сидельщицы у нее по ночам, иные гладили ей ноги)... проникнул он (то есть Шувалов), что

доходы государственные не имеют порядочного положения, а Императрица была роскошна и сластолюбива; тогда как сенат, не имея сведения о суммах где какие находятся, всегда жаловался на недостаток денег, сей всегда говорил, что их довольно, и находил нужные суммы для удовольствия роскоши Императрицы».

«Откупы, монополия, издоимство, торговля, самим заведенная и грабительство государственных имений не могли однако его жадность и сластолюбие удовлетворить; учредил банк... Но кто сим банком воспользовался? Он сам...» – и добавлю – ближайшее окружение Шувалова.

«Властолюбие его равно как и корыстолюбие пределов не имело».

«Между многих таковых развратных его предприятий, начаты были однако два по его предложениям – генеральное межевание и сочинения нового уложения». Межевание Щербатов в общем одобряет, но относительно составления Шуваловым новых законов князь пишет с яростным неодобрением, потому что к составлению уложений были привлечены люди глупые, ленивые, праздные, порочные. «Такие люди, такое и сочинение... Наполнили его неслыханными жестокостями пыток и наказаний, так что, когда по сочинению оное было... поднесено к подписанию Государыне, и уже готова была сия добросердечная Государыня не читая подписать, перебирая листы, вдруг попала на главу пыток, взглянула на нее, ужаснулась тиранству, и не подписав, велела переделать. Так чудесным образом, избавилась Россия от сего бесчеловечного законодательства». Елизавета тогда сказала про новые законы: «Они кровью пахнут».

Не оставляет вниманием Щербатов и шуваловскую гаубицу, и ее «эллипсической канлибер, что разметисто на близко картечами стреляли». Новое орудие автор очень не одобряет из-за глупой секретности, из-за спеси Шувалова, который свои гербы на нем велел вылить, а главное – за то, что плохо стреляет и при этом имеет очень длинный откат, «...отдача назад голбиц может самим действующим им войскам вред нанести и расстроить их порядок». Это так и есть, шуваловскую гаубицу пробовали разместить на флоте, но именно слишком длинный откат не дал возможности этого сделать.

Ну что тут скажешь? С одной стороны, что написано пером, не вырубишь топором, а с другой – бумага все стерпит. Это традиция такая, мыслящие современники всегда очень строги к своему правительству и вполне лояльны к самим себе.

А вот отзыв более мягкого современника: «Делая вред, уверял того человека с набожным видом, возводя глаза свои: что он ему доброжелательствует, умел изменяться в лице: казался веселым и печальным, дарил приятную, благосклонную улыбку, или принимал вид гордый, делался недоступным; употреблял все средства, чтобы достигнуть предположенной цели».

Петр Иванович пережил жену всего на три года. Петр III отнесся к нему вполне благосклонно, пожаловал его генерал-фельдмаршалом. Шувалов готов был работать, желаний было много, но сил уже не было. Болезнь уложила его в постель. 4 января 1762 года он умер. Похоронили его на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре.

Несколько слов о Мавре Егоровне Шуваловой, в девичестве Шепелевой (1708–1759). Графиня, статс-дама Елизаветы, очень близкий ей человек, она происходила из уважаемого рода, дед ее был окольным боярином. Еще девочкой она стала камер-юнгферой при цесаревне Анне Петровне, старшей дочери Петра I. Ее полюбили при дворе за веселый, бойкий нрав, она никогда не унывала. После свадьбы Анна Петровна взяла ее с собой в Голштинию. Сохранилась переписка Мавры Егоровны с Елизаветой, из писем видно, какие у них были теплые и доверительные отношения.

После смерти Анны Петровны Мавра Егоровна вернулась в Россию и заняла подобающее место рядом с Елизаветой. Она обладала ясным умом, была остроумна, верна, едка на язык, словом, всегда умела развлечь императрицу. Она была хранительницей ее тайн и умело управляла женским, окружавшим Елизавету, двором. При этом была мала ростом, некрасива, иные из современников говорили о ее внешности – «довольно отвратительная».

В 1742 году (уже перестарок, тридцать четыре года) она вышла замуж за Шувалова.

Конечно, не пылкая страсть соединила этих двух людей. Шувалов, говоря нашим языком, был бабник, он изменял жене несчетное количество раз, но брак их оставался крепким. Фундаментом их семейной жизни была не любовь, а добывание богатства, славы, власти, и в этом, отлично понимая друг друга, супруги вполне преуспели.

Чтобы удержаться рядом с императрицей, надо знать все обо всех, и Мавра Егоровна собирала компромат, плела интриги и даже готова была на подлость – вспомним мазь, которой она снабдила доверчивого Бекетова. Мавра Егоровна не имела никаких государственных должностей, но многие государственные решения были приняты по ее наущению.

Как уже говорилось, долгие годы у Петра Ивановича Шувалова был роман с дочерью Апраксина. Елена Степановна была очень красивой и очень легкомысленной дамой. Легкой ножкой она прошлась по дворцовым покоям, оставив следы в самых разных местах. Когда Петр III запер Волкова в своем кабинете, чтобы тот для отвода глаз сочинил какой-нибудь документ, – а отвести глаза надо было у фаворитки Воронцовой, – то «предметом», из-за которого разгорелся весь сыр-бор, была Елена Степановна. Увидев красавицу, император вспылал к ней страстью, которой только на одну ночь и хватило.

У Петра Шувалова был и другой соперник, куда более удачливый – Григорий Орлов, будущий фаворит Екатерины. У Орлова с Еленой Степановной завязался бурный роман, об этом узнал Шувалов и сослал молодого негодяя на фронт, благо уже началась Семилетняя война. Шувалов поклялся отомстить Орлову, но не успел – в 1762 году он скончался.

Иван Иванович Шувалов

Шувалов И.И. (1727–1797) родился в Москве 12 ноября 1727 года. Отец – Иван Максимович Шувалов, дворянин, капитан гвардии, умер в 1741 году. Мать, Татьяна Родионовна Ратиславская, пережила мужа на пятнадцать лет и умерла в 1756 году. У Ивана Ивановича была сестра Прасковья Ивановна, в замужестве Голицына.

Шувалов получил домашнее образование. С детства он показал прилежание, он любил учиться. По некоторым сведениям, активно занимался изучением языков, знал французский, немецкий и даже латынь. Сейчас таких зовут «ботаник».

Двоюродные братья Шуваловы – Петр и Александр Ивановичи – определили его ко двору, он стал пажом. Особенно в этом постаралась шустрая Мавра Егоровна – супруга Петра Ивановича. Уже тогда Екатерина заметила умного юношу, который несколько раз в качестве пажа сопровождал ее на охоту, неся ее ружье. Вот что она пишет в своих «Записках»: «Я вечно находила его в передней с книгой в руках, я тоже любила читать, и вследствие этого я его заметила, на охоте я иногда с ним разговаривала; этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться; я его укрепила в этой склонности, которая была и у меня, и не раз предсказывала ему, что он пробьет себе дорогу, если будет приобретать себе знания. Он также иногда жаловался на одиночество, в каком оставили его родные; ему было тогда восемнадцать лет, он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава. Он внушал мне участие, и я с похвалой отозвалась о нем его родным, все любимцам императрицы, это привязало его ко мне – он узнал, что я желала ему добра, они стали обращать на него больше внимание; кроме того, он был очень беден».

Далее Екатерина пишет, что она первая его заметила и первая способствовала его сказочной карьере. Это, конечно, не так. «Еще в Ораниенбауме, он стал ухаживать за княжной Анной Гагариной, которую я очень любила в то время; через год он дошел в этой привязанности до желания жениться на ней; он бросился к ногам своих родных, чтобы получить их согласие, но последние и слышать об этом не захотели». Екатерина недоумевает – почему? Княжна Гагарина была очень выгодной партией. Причин может быть несколько. Одна из них – Мавра Егоровна уже тогда подумывала о другой карьере для племянника, другая – в документах как-то глухо говорится, что Ивана Ивановича хотели женить на

Нарышкиной Наталье Александровне, сестре Льва Александровича Нарышкина. Но обе свадьбы не состоялись. Ивана Ивановича ждал его «случай».

В 1749 году во время пребывания императрицы в Москве намечалась свадьба Николая Федоровича Голицына и Прасковьи Ивановны Шуваловой – сестры Ивана Ивановича. 23 августа в честь посещения императрицей усадьбы Голицына Черемушки там был дан роскошный бал. Вот тогда-то Мавра Егоровна и представила ненароком государыне своего двадцатилетнего племянника – красавца-пажа Ивана Ивановича. Дежурный генерал-адъютант сделал в журнале запись: «Ее императорское величество соизволили иметь выход на Воробьевы горы; в расставленных шатрах обеденное кушанье изволили кушать, а оттуда шествие иметь соизволили в село Черемоши – к господину генерал-майору князю Голицыну, где благоволили вечернее кушать, и во дворец прибыть изволили в первом часу пополудни».

Через неделю Елизавета отправилась в Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим) и там 5 сентября, в день своего ангела, объявила Ив. Ив. Шувалова камер-юнкером. Для двора это был знак – появился новый фаворит. Разница в возрасте восемнадцать лет, но кого и когда это смущало! Придворные были уверены, что «случай» продлится очень недолго. Кто же мог предположить, что во все последующее двенадцать лет, а именно столько осталось царствовать Елизавете, юный Шувалов станет для нее самым близким и родным человеком.

Иван Иванович был необычайным фаворитом. Он не был политиком и дипломатом, но, видимо, был силен в науке под названием человековедение, при этом был добр, бескорыстен и честен. О нем трудно писать, потому что нельзя поручиться за даты в его биографии в молодые годы, за его родственные связи. Например, сведения о первой встрече его с государыней очень противоречивы. Про деревню Черемушки я прочитала в очерке Анны Головановой «Любезный мой Шувалов»; современники Ивана Ивановича, скажем, князь Щербатов, совсем не так описывают эту встречу. Слишком много разночтений, но это полбеда. О нем трудно написать увлекательно. Раньше какие были «действующие лица» – хороший и плохой, а сейчас у нас – хороший и сложный. Иван Иванович безусловно относится к «хорошим», в этом беда беллетриста-историка. О «сложных» всегда интереснее и писать, и читать, потому что каждая интрига или сделанная ближнему гадость, предательство или подлость описывается современниками в мемуарах, в письмах, в записках всегда подробно и и красочно. Про доброе дело или не пишут вообще, или пишут одной фразой, благодарят, конечно, но обычно даже не упоминают – за что.

Нельзя сказать, что у него не было врагов. Тот же Бестужев его ненавидел, но вся эта ненависть уходила в песок. Екатерина в записках пишет о Шувалове в общем благодушно – подсмеивается, острит, ерничает, но терпит. Интрига против него при дворе велась постоянно. Иван Иванович был молод, хорош собой, как известно, «всегда с книгой», даже вежливость его раздражала. Однажды «общество», то есть двор, всерьез обиделось на Ивана Ивановича за то, что императрица решила выдать замуж старшую сестру Льва Нарышкина – Наталью Александровну – за нелюбимого ею Сенявина. Кажется, Шувалов-то здесь при чем? А при том, что он когда-то собирался жениться на Наталье Нарышкиной, а это с точки зрения «общественности» значит, что императрица задним числом ревнует к ней своего фаворита и мстит несчастной Нарышкиной.

Вторая предполагаемая невеста – княжна Гагарина – все время получала выговоры от государыни: то она не так одета, то ведет себя слишком раскованно. И опять Шувалов виноват. На него ополчились все фрейлины. Особенно возмущала всех его полная невозмутимость. Екатерина пишет: «Его всюду отталкивали и дурно принимали; все женщины смотрели на него, как на чуму, от которой надо было бежать». Скучно жилось фрейлинам, что и говорить, а здесь такое развлечение.

А вот история с белым пуделем. Екатерина пишет об этом с удовольствием. Великий князь подарил ей маленькую собачку. Ухаживать за собачкой поручили истопнику Ивану Ушакову. Вдруг все слуги стали называть пуделька Иваном Ивановичем, кличка прижилась. Пудель ходил на задних лапках, сидел со всеми за столом, очень аккуратно ел, фрейлины

шили ему одежду, все забавлялись, как могли. Наконец по Петербургу распространилась сплетня, что при дворе теперь модно иметь белых пудельков, и все женщины, враги Шуваловых, имеют таких собачек, одевают их в одежду белых тонов и зовут всех Иванами Ивановичами. «Дело дошло до того, что императрица велела сказать родителям этих молодых дам, что она находит дерзким позволять такие вещи. Пуделю тотчас переменяли кличку... В сущности это была клевета, только одну собаку так называли, да и то она была черной и о Шувалове не думали, когда давали ей эту кличку». Конечно, эта женская «фронда» была более направлена на слишком активных двоюродных братьев фаворита, Петра и Александра. Сам Иван Иванович не способствовал тому, чтобы братья слишком активно продвигались по служебной лестнице, но окружение не надо просить, оно само знает, кому надо оказывать услугу, а кому нет. Да мы и сейчас встречаем подобное. На фаворите держалось благополучие всей семьи.

Все наскоки на Ивана Ивановича вполне безобидны, и только в письме к Понятовскому от 2 августа 1762 года Екатерина словно срывает с лица маску. А может быть, Иван Иванович ей под горячую руку попал? Она уже на троне, уже императрица. Бывший любовник рвется из Польши в Москву. Она запрещает ему приезжать. В письме от 2 августа Екатерина подробно описывает героев недавнего переворота – все они прекрасные, честные, мужественные люди, и вдруг фраза: «И.И. Шувалов, *самый низкий и подлый из людей*», говорят, написал тем не менее Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменяла правительство этой империи, выведите, пожалуйста из заблуждения этого великого писателя». Речь идет о юной Екатерине Дашкове. Девятнадцатилетняя «революционерка», «Екатерина маленькая», как ее тогда называли, была заметной участницей переворота, она скакала рядом с императрицей в военном мундире на вороном коне! Она «руководила заговором» и несколько ночей не смыкала глаз... Судя по ее книге, Дашкова всю жизнь верила, что посадила императрицу на трон. Наивно? Да! Но что уж так злиться по поводу слухов о письме Шувалова к Вольтеру? «Самый низкий и подлый из людей»!

А дело в том, что Иван Иванович своим письмом обесценивал победу Екатерины. Шувалов придает перевороту случайный характер, более того, он позволил себе насмешку, и с кем – с самим Вольтером! С самой первой минуты своего правления Екатерина взялась доказывать миру, что она законно заняла это место, что сам справедливый и ликующий народ отдал ей престол, отнятый у идиота мужа. А тут на тебе! Понятно, почему Иван Иванович 14 лет прожил за границей.

А что пишет Валишевский? Он не то чтобы недолюбливал Ивана Ивановича Шувалова, но он не отдает должного ему места в истории, пишет о нем с некоторой «снисходительностью». «Меня спросят, как я согласую свою оценку личности Шувалова с широким размахом его просветительской деятельности. Полагаю, ему благоприятствовала судьба. Жизнь порождает иногда одни обстоятельства, возвышающие человека, и другие, уничтожающие его. На вершине, куда вознесла его прихоть женщины, временщику оставалось лишь отдаться течению, увлекавшего его в страну к горизонтам сравнительной свободы и света, в том великом дне, который занимался в России на краю цивилизованного мира, ему дано было подготовить бледную, но полную обетований зарю для восходящего солнца – Ломоносова». Ну, знаете, Казимир Феликсович, это как посмотреть. Бирон тоже ходил в фаворитах, но он не университеты организовывал, а казни.

Не преминул Валишевский и сообщить отзывы о Шувалове иностранных посланников. Бретейль (1760), после беседы с Шуваловым: «Камергер не обнаружил в этом разговоре того ума, о котором мне говорили. Я нахожу его легкомысленным, в сущности мало образованным, но стремящемся показаться таковым». Австрийский посол д'Аржанто пишет в 1761 году: «Это человек среднего калибра, и главный его талант заключается в том, что он скрывает свои недостатки под личиной рвения, деятельности и любви к родине, о которой он имеет до смешного высокое мнение». Все эти посланники, естественно, хотели, чтобы Шувалов повлиял на императрицу в их собственных интересах, и неудачу списывали на незначительность собеседника. «Он ничего не понимает в делах!» – воскликнул в сердцах

Эстергази. А может, он как раз понимал, просто действовал в интересах России, о которой был «до смешного высокого мнения».

Так в чем же необычность этого фаворита? Официально он не занимал никакой значительной должности при дворе. Камергер – это все, так его и звали. Камергером он стал в 1757 году. Тогда же вице-канцлер Воронцов представил государыне проект. По этому проекту Иван Иванович получал графский титул, становился сенатором и владельцем 10 000 крестьянский душ. Шувалов отказался. Он и так был богат, а чины его не интересовали. Вот его слова: «Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности».

Но жить-то фавориту где-то надо? И это должно быть подобающее его положению помещение. В 1749 году началось строительство дворца для Шувалова. Место нашли рядом с Аничковым дворцом, в котором обитал Алексей Григорьевич Разумовский. Территориальная близость двух любовников императрицы никого не смущала, таковы были нравы. Екатерина не оставила без внимания новый дворец Шувалова и довольно едко написала о нем в своих «Записках»: «Принца Саксонского поместили в доме камергера Ивана Шувалова, который был только что отделан и в который домохозяин вложил весь свой вкус, несмотря на что дом был устроен без вкуса и довольно плохо, но, впрочем, очень богато. В нем было много картин, но большей частью – копии, одну комнату отделали чинаровым деревом, но так как чинара не блестит, то ее покрыли лаком и через это комната стала желтой, но очень неприятного желтого цвета; отсюда вышло то, что ее сочли некрасивой и, чтобы этому пособить, ее покрыли очень тяжелой и богатой резьбой, которую посеребрили. Снаружи этот дом, большой сам по себе, походил своими украшениями на манжетки из алансонского кружева, так много было в нем резьбы». В бытность свою в этом доме Ив. Ив. Шувалов приобрел славу мецената. Конечно, были среди его картин и копии, какая коллекция обходится без копий, но были там и полотна Тициана, Рубенса, Тинторетто, Веласкеса, со временем они станут основой коллекции Эрмитажа. В доме также была роскошная библиотека.

Отношение императрицы к Шувалову понятно. Каждой немолодой женщине приятно рядом иметь молодого человека, модно одетого красавца, при этом умника и хорошего собеседника. И любовь там была. Любовь приходит и в сорок, и в пятьдесят лет, и Шувалов отвечал взаимностью, недаром он потом так и не женился. А после смерти Елизаветы ему было всего тридцать четыре года.

Но, видимо, основой их отношений было взаимное доверие. Почти все годы фавора Иван Иванович фактически являлся связующим звеном между правительством и императрицей. Он был вхож к ней в любое время, все, касаемо государственных дел, было обговорено, а потому он готовил указы, встречался с иностранными посланниками. Последним он стал заниматься тогда, когда Бестужев был близок к опале и все дела по сношениям с Францией попали в руки Воронцова и Шувалова. А Иван Иванович очень любил Францию.

Свидетельством тому была его активная помощь в написании труда Вольтера под названием «История Петра Великого». Вольтер еще в 1745 году задумал стать почетным членом Российской академии – тут и жажда славы, почестей и денег, наконец. Великий писатель стал хлопотать через посланника д'Аламбера. Вольтер был избран. Тут же он предложил Российской академии написать книгу о Петре I, с условием, что ему предоставят необходимые документы и материалы. Этому воспротивился Бестужев. При чем здесь французы? Уж если писать про Петра Великого, то это должен сделать русский автор. Вольтер даже собрался посетить Петербург, но Кирилл Разумовский, президент академии, воспротивился этому.

В 1757 году Иван Иванович Шувалов уладил это дело. Вольтер стал писать историю Петра. Но где взять необходимые для работы материалы? Шувалов обратился к Ломоносову. «К сему делу, по правде, г. Вольтера никто не может быть способнее, только о двух обстоятельствах несколько подумать должно, – отвечал в письме Ломоносов. – Первое, что

он человек опасный и подал в рассуждение высоких особ худые примеры своего характера. Второе, хотя довольно может получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему знакомый, великого труда и времени требует». Далее Ломоносов пишет, что делать надо все быстро ввиду «престарелых лет Вольтеровых» и по толковому плану.

Вольтер потребовал историю дипломатических отношений при Петре. На этот раз Шувалов обратился к Мюллеру. Историк ответил, что это сложно, если весь материал изложить, то «надо написать громадную историю в фолиантах, что, кажется, не по гению г. Вольтера». Кроме того, посольские дела, если они писаны недавно, есть вещь секретная. Шувалов стал фактическим цензором высылаемого Вольтеру материала.

В 1759 году вышла первая часть «Истории Петра Великого», она не понравилась русским читателям. Коли взялся за такой ответственный труд, так пиши подробно и внятно. Вольтеру посылали материалы и о самозванцах, и о стрелецких бунтах, также о житии царей Михаила, Алексея и Федора, а автор все сократил и много места отвел своему личному мнению и пространным рассуждениям. С.М. Соловьев пишет, что книга эта, «несмотря на все ее недостатки», была нужна Европе и России и «стоила тех шуб, которые были отправлены ее автору». Фридрих II (а ведь уже шла война) писал Вольтеру с раздражением: «Скажите мне, пожалуйста, с чего это вы вздумали писать историю волков и медведей сибирских? И что вы еще можете рассказать о царе, чего нет в жизни Карла XII? Я не буду читать историю этих варваров, мне бы даже хотелось вовсе не знать, что они живут на нашем полушарии». «История Карла XII» уже была написана Вольтером. Фридриха можно понять, он натерпелся от русских и при Гросс-Егерсдорфе, и при Цорндорфе. Но Вольтера это только забавляло. Он был очень рад, что получил благодарность за свой труд от самой императрицы Елизаветы.

Теперь переходим к главным делам Ив. Ив. Шувалова. В 1775 году в Москве Ломоносовым при самом активном содействии Шувалова был основан университет. Фразу можно переиначить: «Шувалов основал университет при огромном содействии Ломоносова». Отношения этих двух людей, при их столь разном социальном положении, смело можно обозначить словом «дружба». Шувалов преклонялся перед гением Ломоносова, как мог, способствовал продвижению его идей, защищал в борьбе «с немцами», помогал деньгами и выручал в скандальных ситуациях, в которые попадал наш великий ученый и поэт из-за своего буйного характера.

Ломоносов горд, непокорен, обидчив. Приведу в пример его письмо к Шувалову, оно мне нравится и по стилю, и по содержанию, потому что отлично характеризует их отношения. «Никто в жизни меня больше не избодил, как ваше превосходительство. Призвали вы меня сегодня к себе. Я думал, может быть какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям. Вдруг слышу: “Помиришь с Сумароковым”, то есть сделай смех и позор. Свяжись с таким человеком, который ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое ритмичество выше всего человеческого знания ставит. Я забываю все его озлобления и мстить не хочу никоим образом, и Бог не дал мне злобного сердца; только дружить и обходиться с ним никоим образом не могу, испытав через многие случаи и зная, каково в крапиву... Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание, только вас уверяю, что в последний раз... Будь он человек знающий и искусный, пусть делает он пользу отечеству, я по малому таланту так же готов стараться, а с таким человеком обхождения иметь не могу и не хочу, который все прочие знания порочит, которых в духу не смыслит. И сие есть истинное мое мнение, кое без всякие страсти ныне вам представляю. Не токмо у стола знатных господ или у каких земских владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет...»

Вот такую вечный миротворец Иван Иванович получил отповедь. Эту цитату «но ниже у самого Господа Бога дураком быть не желаю» очень любили цитировать при советской власти, иллюстрируя этим величие Ломоносова и подлость царизма. А когда представишь Бога, который предлагает Ломоносову помириться с русским драматургом, видным

представителем классицизма, а великий ученый и поэт говорит, что все это «смех и позор», грустно, но не более. Правда, мы не знаем, какие у Шувалова в доме были «знатные кавалеры», но вряд ли хозяин решил покуражиться над своим ученым гостем. Шувалов любил Ломоносова и все ему прощал. Они были соратники.

Московский университет был открыт «для всех сословий», куратором при нем был назначен Ив. Ив. Шувалов. И к созданию университета, и к дальнейшему его существованию он относился, прямо скажем, трепетно. Шувалов составил устав, покупал книги и учебные пособия, организовал при университете собственную книжную лавку и типографию. В этой типографии помимо учебников и книг печатались «Московские ведомости», созданная Шуваловым газета. Университет имел собственную библиотеку, которая «была отворена для студентов» каждую среду и субботу от 2 до 5 часов. Шувалов добился автономии для своего новорожденного учебного заведения, то есть университет не зависел от московских властей. И Ломоносов, и Шувалов очень хотели, чтобы преподавание велось на русском языке, чтобы преподаватели были русскими. Но пока будущим преподавателям самим надо было учиться у иностранцев. В первые годы русских профессоров было только двое – Поповский и Барсов, прочих приглашали из-за границы.

При университете были организованы две гимназии, в которых преподавали 36 учителей, из них 16 русских и 20 иностранных. Замечательный наш драматург Денис Иванович Фонвизин учился как раз в гимназии, об учениках которой говорили как о студентах, – учиться в университете, а дальше понимай, как хочешь. Это Фонвизин оставил нам рассказ о гимназических неучах, у которых Волга впадала то в Белое, то в Черное море, и об учителе, у которого на кафтане пять пуговиц – по количеству склонений, а на камзоле – четыре, по количеству спряжений. На экзамене ученику комиссия задает вопрос – смотри, за какую пуговицу учитель держится, и смело давай ответ. Это не анекдот, это быль, но уже то, что подобные рассказы появились, говорит об успехах в деле просвещения. Раньше не было ни университетских гимназий, ни смешных о них рассказов.

Московский университет был основан 25 января, в день Св. Татьяны, Шувалов сам выбрал этот день в честь своей матушки Татьяны Родионовны. Сейчас на территории России 25 января отмечают как день студентов.

Но самым любимым детищем Ив. Ив. Шувалова была основанная им Академия художеств. Об ее учреждении в 1755 году Московский университет подал прошение в Сенат: «Щедротю ее императорского величества под ее покровительством науки в Москве приняли свое начало, и тем ожидается желанная польза от их успехов, но чтоб оные в совершенство приведены были, то необходимо должно установить Академию художеств, которой плоды, когда приведутся в состояние, не только будут славою здешней империи, но и великую пользою казенным и партикулярным работам, за которые иностранные посредственного знания, получая великие деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сие время ни одного русского ни в каком художестве, который бы умел что делать, и т. д». Президентом Академии трех знатнейших художеств – живописи, скульптуры и архитектуры – стал Шувалов.

Академию учредили в Петербурге, потому что преподаватели, художники и архитекторы, отказались ехать в Москву, правильно полагая, что все их заказы будут получены от двора, да и жизнь в Северной столице казалась более обеспеченной. Для размещения академии Шувалов отдал собственный особняк. Вся жизнь он собирал произведения искусства – живопись голландская, итальянская, французская. В 1758 году значительную часть из своего собрания Шувалов подарил Академии художеств – ученикам нужно было учиться и копировать подлинники.

Начали с малого, в первом наборе было всего 16 человек, потом набрали учеников в Петербурге, через четыре года в академии уже училось 68 человек. Шувалов сам отбирал первых учеников. Главное, чтобы они обладали талантом и желанием учиться, сословие не играло роли. Первыми учениками стали Антон Лосенко, Федот Шубин, Федор Рокотов, Василий Баженов, Иван Еремеев, Иван Старов. Лучших учеников потом отправляли учиться

за границу.

Ив. Ив. Шувалов много сделал для создания русского театра. В октябре 1756 года «ее императорское величество изволила указать для умножения драматических сочинений, кои на российском языке при самом начале справедливую хвалу от всех имели, установить российский театр, которого дирекция поручена бригадиру Сумарокову». Основателем русского театра справедливо считают ярославских купцов – Федора и Григория Федоровых, при восшествии на трон Екатерина II присвоила им дворянское звание.

«Русский для представления трагедий и комедий театр» – первый публичный, открылся в Головинском особняке на набережной Васильевского острова. Актрис, актеров и прочих работников для театра набирали вначале через Московский университет, давали объявление в «Московских ведомостях». С 1761 года «знающих грамоте девиц, желающих определиться в службу ее императорского величества при придворном театре» стали набирать и в Петербурге. Директор Московского университета сам возил лучших своих воспитанников в Петербург, чтобы представить их куратору Шувалову. Среди этих лучших был и Фонвизин Денис Иванович. Шувалов весьма покровительствовал будущему драматургу.

В «Записках» Л.Н. Энгельгарда я нашла забавный анекдот, правда, он относится уже к екатерининскому времени. Фонвизин был «облагодетельствован» Иваном Ивановичем, но, «увидя свои пользы быть в милости у светлейшего», то есть у Потемкина, который был в отвратительных отношениях с Шуваловым, драматург «перекинулся к князю». Чтобы угодить Потемкину, Фонвизин рассказывал об Иване Ивановиче много смешного; кроме того, он умел замечательно копировать людей, изображая их походку, повадки и речь. Однажды после очередной потехи Потемкин сказал в сердцах: «Как мне надоели эти подлые люди!»

– Так зачем вы их в дом пускаете? – отозвался Фонвизин. – Велите им отказать.

– Завтра так и сделаю, – бросил Потемкин.

На следующий день швейцар не пустил Фонвизина в дом. Тот возмутился:

– Ты, верно, ошибся и принял меня за кого-то другого.

– Нет, – отвечал слуга. – Я вас знаю. Именно вас его светлость приказал одного не пускать по вашему же совету.

Может быть, анекдот чистой воды выдумка, но он характеризует отношения людей XVIII века.

Сумароков стоял во главе театра до 1761 года. Характер у драматурга был трудный; какая-то в театре случилась история – по свидетельству современников, он поссорился с актрисами. С помощью Ив. Ив. Шувалова дело замяли. Придворная контора отчиталась перед Сенатом следующим письмом: «В сообщении, присланном от Ив. Ив. Шувалова, написано: ее императорское величество изволила указать г. бригадира Сумарокова, имеющего дирекцию над российским театром, по его желанию от сей должности уволить, жить ему, где пожелает, а за его труды в словесных науках, которыми он довольно сделал пользы, и за установление российского театра производить жалованье, каковое ныне имеет. Г. Сумароков, пользуясь высочайшей милостью, будет стараться, имея свободу от должностей, усугубить свое прилежание в сочинениях, которые столько ему чести, столь всем любящим чтение удовольствия приносить будут». То есть Сумарокова, как мы теперь говорим, «отправили на вольные хлеба», но с сохранением оклада, что в наше время уже не делается.

Умерла Елизавета, трон занял Петр III. Ив. Ив. Шувалов остался не у дел. Существуют две взаимоисключающих легенды. Первая – Шувалов вручил императору миллион рублей – последний подарок фавориту от Елизаветы. Вторая – Шувалов много времени проводил за карточным столом, проиграл миллион (все тот же!) рублей и вынужден был продать часть своего имущества. То ли ты украл, то ли у тебя украли...

На престоле Екатерина II. Шувалов не сразу уехал за границу, два года еще прожил в Петербурге в отчуждении от двора. Императрица не могла ему простить независимости; кроме того, она ревновала Ив. Ив. к популярности его среди европейской элиты. Отъезд

Шувалова за границу был обставлен вполне гуманно: формально он ехал лечиться, при этом за Шуваловым сохранялось звание куратора Московского университета. Но Академия художеств была отдана в управление Бецкому. Перед отъездом в Европу Ивану Ивановичу действительно пришлось продать часть дома и некоторые любимые картины Рубенса и Рембрандта.

Известно, что поехать с Шуваловым в Европу мечтал Державин. Он был тогда солдатом в гвардейском полку, с Шуваловым он познакомился еще в Москве, а потому решил подать ему прошение, чтобы он взял его в Европу для пополнения образования. Не сомневаюсь, что Шувалов помог бы талантливому юноше, но вмешался случай. У Державина в Москве жила родная тетка, которая имела влияние на молодого человека. Тетка была уверена, что Иван Иванович Шувалов масон, по понятиям того времени – враг рода человеческого. Прощение так и не было написано.

За границей Шувалов прожил 14 лет. Об этой поездке он давно мечтал, а потому много ездил, жил в Риме, Флоренции и в Париже. В Италии он распорядился снять для Академии художеств «формы лучших статуй» и выслал их в Петербург, побывал в Помпеях на раскопках, покупал живопись, гравюры и другие произведения искусства. При этом он переписывался с лучшими умами Европы, посетил Вольтера.

В Россию он вернулся в 1777 году. Некоторые источники сообщают, что Екатерина так и не простила Шувалову его былой славы. Но это не так. Екатерина не была злопамятна, в 1777 году у нее родился первый внук Александр, положение ее на троне было столь прочным, что чужое мнение уже не волновало. Шувалов был приближен ко двору, получил звание обер-камергера и стал частым собеседником Екатерины II, она любила разговаривать с умными, образованными мужчинами. В своих «Записках» Энгельгард пишет, что Шувалов Ив. Ив. сопровождал императрицу в 1787 году в ее эпохальной поездке на юг – в Крым и прочие «новообретенные земли». Шувалов ехал с императрицей в одной карете.

Всю жизнь Иван Иванович поддерживал дружеские отношения с сестрой Прасковьей Ивановной. В 1780 году супруг ее князь Голицын умер, и Шувалов предложил ей поселиться в Петербурге рядом со своим, уже описанном ранее, домом. Прасковья Ивановна ненадолго пережила мужа. После смерти матери дочь Варвара Николаевна (1766–1812) переехала жить к дяде Ивану Ивановичу. Впоследствии Варвара Николаевна вышла замуж за Головина. Она оставила очень интересные «Мемуары», где пишет, что «дядя отдал ей всю свою любовь». Живя в доме Шувалова, юная Варвара составляла описи его коллекций, гравюр, картин и рукописей. Безусловно, Шувалов оказал большое влияние на ее нравственное и художественное мировосприятие.

Жизнь в Петербурге у Шувалова была очень активной и насыщенной. Он организовал первый в России литературный салон. Скажи мне, кто твой друг... – говорили древние. Вот неполный список друзей: Гаврила Державин, Осип Козодавлев, Иван Дмитриев, будущий директор Публичной библиотеки Александр Оленев и т. д.

Иван Иванович Шувалов умер в 1797 году, уже при Павле I. Его похоронили в Малой Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Провожать его катафалк вышел весь просвещенный Петербург. Благодарные потомки уже в наше время поставили ему памятник во дворе Академии художеств.

Переговоры о мире

Наконец энтузиазм воюющих с обеих сторон начинал ослабевать. Фридрих II понимал, что войну он проиграл, и сам первый заговорил о мире. Он решил, что вначале надо договориться с Россией. В Петербург был послан тайный агент Баденгаупт. В России жил брат агента, он был врач, а потому вхож в лучшие дома столицы. Именно через него Фридрих хотел склонить к переговорам братьев Шуваловых, предложив им огромную взятку – миллион талеров. Главное, чтоб русские не воевали, так думал король, а с остальными он справится. Сделка не состоялась.

С противоположной стороны первой о перемирии заговорила Франция. После победы под Кунерсдорфом позиция России в Европе очень укрепилась. В течение всей войны французский король Людовик XV вел тайную переписку с Елизаветой. В государственном и политическом отношении эта переписка ничего важного не представляла, это был всего лишь обмен комплиментами, но тем не менее Франция предложила России роль посредницы в будущих мирных переговорах между Австрией и Пруссией. Воюющие страны расстелили перед собой карту Европы и принялись ее перекраивать. России за участие в войне намеревались предложить Восточную Пруссию с Кенигсбергом. Но Европа была против усиления России. Переговоры зашли в тупик.

Теперь с французской армией воевал принц Фердинанд, против австрийцев – брат Фридриха Генрих, а сам Фридрих II решил разделаться с русскими. После длительной осады русские войска в ноябре 1781 года взяли город Кольберг, но императрица Елизавета уже не узнала об этой победе. Она была смертельно больна.

Смерть Елизаветы Петровны

С возрастом характер Елизаветы очень изменился. Исчезала красота, появлялись болезни, а с ними раздражительность, мнительность. Она не дожила до того возраста, когда смерть перестает пугать, а потому очень боялась умереть. Новый Зимний дворец еще не был достроен, старый был деревянным, а она панически боялась пожара, поэтому очень любила жить в Царском Селе.

Жизнь там была невеселой. Екатерина подробно описывает времяпровождение императрицы в Царском. Елизавета привозила с собой весь штат – дам и кавалеров. В каждой комнате жило по четыре-пять дам, при них находились горничные. Любое общежитие – это склоки, и придворные дамы преуспели в этом больше других. Развлечение единственное – карты. Императрицу видели редко, она уединенно жила в своих покоях, иногда не показывалась на людях по две-три недели. Уезжать в город придворным не разрешалось, принимать у себя гостей или родственников – тоже.

Императрица занимала первый этаж, покои ее выходили в сад, в котором строжайше было запрещено появляться кому бы то ни было, даже придворным лакеям. Несколько оживляли жизнь обеды или ужины императрицы, на которые приглашали дам и кавалеров – самый близкий круг. Беда только, что никто не знал, когда состоятся эти званые обеды или ужины. Елизавета совершенно сбила себе распорядок дня и чаще всего ужинала глубокой ночью. Придворных будили; кое-как приведя себя в порядок, они приходили к столу. Надо было о чем-то разговаривать, но каждый боялся открыть рот, чтобы не огорчить ее величество. Твердо знали, что нельзя говорить «ни о прусском короле, ни о Вольтере, ни о болезнях, ни о покойниках, ни о красивых женщинах, ни о французских манерах, ни о науках; все эти предметы разговора ей не нравились». Императрица сидела хмурая, озабоченная. «Они любят только быть в своей компании, – с обидой говорила Елизавета, – я их так редко зову, да и то они только и делают, что зевают и нисколько не хотят развлечь меня».

После известного обморока 6 августа 1757 года здоровье Елизавета выправилось, но все равно внушало опасение медикам. Слишком много забот легло на ее плечи. Война затянулась, требовала денег, а где их взять? Отставка Бестужева не улучшила, а ухудшила состояние дел. Великая княгиня затеяла интригу, а ведь не поймаешь! Да и стоит ли ловить, если трон оставить некому, племянник Петруша очень ненадежен. Бутурлин оказался худшим из четырех главнокомандующих армии, он попросту стар. Канцлер Воронцов явно не справляется со своими обязанностями, куда ему до Бестужева! Уж как Михаил Илларионович хотел занять это место, а теперь жалуется на болезнь и просится в отставку. Последнее совершенно невозможно, надо было раньше думать, а не восстанавливать ее против Бестужева! Петр Иванович Шувалов тоже вышел из игры, болезни его замучили. А на кого положиться? Один свет в окне – Иван Иванович Шувалов, но он всех проблем не

решит.

За всю зиму 1760–1761 года Елизавета всего один раз была на празднике в честь Св. Андрея Первозванного. Про балы, приемы, театры и думать забыла, потому что ноги отекают, не лезут в туфли, и еще незаживающие язвы, и еще обмороки, а главное – тоска, тоска жжет грудь. Теперь большую часть дня Елизавета проводит в постели, здесь и министров своих принимает, если становятся слишком настойчивы.

17 ноября 1761 года вдруг опять начались припадки, но врачам удалось их снять. Елизавете показалось даже, что она победила и болезнь, и тоску. Она вдруг решила заниматься государственными делами, проверила, что за это время успел сделать Сенат, и пришла в гнев. Сенаторы спорят по каждому пустяку, обсуждениям нет конца, а пользы от этого никакого. Еще 19 июня дала она через генерал-прокурора задание Сенату «употребить старание, чтоб в новостроящемся зимнем дворце хотя б ту часть, в котором ее императорское величество собственный апартамент имеет, как наискорей отделать», и все никак. Для полной отделки дворца архитектор Растрелли запросил 380 тысяч рублей, а для собственного оговоренного апартамента надо 100 тысяч рублей, и тех не нашли. Объяснение налицо – пожар на Малой Неве. Сгорели склады с пенькой и льном, сгорели барки на реке, убыток купцов более миллиона рублей. Пришлось помогать погорельцам, здесь уже не до императорских апартаментов.

12 декабря Елизавете опять стало плохо. Рвота с кашлем и кровью совсем ее доконала. Медики пустили кровь, состояние больной говорило о каком-то сильном воспалительном процессе. И опять ей стало лучше. Императрица немедленно послала в Сенат именной указ об освобождении значительного количества заключенных, велела также понизить пошлину на соль для облегчения жизни бедняков. Елизавета всю жизнь давала обеты и выполняла их. Но на этот раз акт милосердия не помог ей справиться с болезнью.

22 декабря 1761 года у нее опять началась рвота с кровью, медики сочли своим долгом объявить, что здоровье государыни в крайней опасности. Елизавета выслушала это сообщение спокойно, на следующий день исповедовалась и причастилась, 24 декабря соборовалась. Духовник читал отходные молитвы, Елизавета повторяла их слово в слово. Около постели умирающей неотлучно находились великая княгиня Екатерина и великий князь Петр.

Смена правления – очень ответственное время в любом государстве. «Король умер, да здравствует король!» – лозунг английского дома. Казалось и в русском доме должно быть все ясно, вот он – наследник, давно объявлен, ан нет. Екатерина ждала любых неожиданностей. На это указывал опыт предыдущих царствований. Гвардия Петра Федоровича не любила. Толки о престолонаследии в обществе ходили самые разнообразные.

Мудрая Екатерина пишет в своих «Записках»: «Счастье не так слепо, как его представляют». Во всех случаях жизни она умела «подстелить соломки». Вот «Наставление для императора Петра III». Оно написано самой Екатериной очень загодя и сохранилось в ее бумагах.

«Представляется очень важным, чтобы вы знали, Ваше Высочество, по возможности точное состояние здоровья императрицы, не полагаясь на чьи-либо слова, но вслушиваясь и сопоставляя факты, и чтобы, если Господь Бог возьмет ее к себе, вы бы присутствовали при этом событии.

Когда это будет признано свершившимся, вы (отправясь на место происшествия, как только получите это известие) покинете ее комнату, оставя в ней сановное лицо из русских и притом умелое, для того, чтобы сделать требуемые обычаем в этом случае распоряжения.

С хладнокровием полководца и без малейшего замешательства и тени смущения вы пошлете за канцлером...»

И так пятнадцать пунктов. Екатерина ждала неожиданностей. Но все произошло без сучка и без задоринки. 25 декабря дверь из спальни Елизаветы отворилась, и в приемную, где собрались высшие сановниками государства и придворные, вошел старший сенатор князь Никита Юрьевич Трубецкой и объявил, что императрица Елизавета Петровна скончалась и

государствует теперь его величество император Петр III. Это был самый безболезненный переход власти за все правления в XVIII веке. Правда, Павел тоже очень естественно занял трон, но и отец, и сын кончили свое правление очень трагически.

Послесловие

Время недооценило правление Елизаветы. Оно как-то спряталось между Великими Петром и Екатериной. Елизавета правила двадцать лет, и правление ее было увенчано успехами и победами. Уже столько написано о «птенцах гнезда Петрова», столько говорено и так и эдак, такие они все были замечательными, но стоило умереть Хозяину, и все пошло прахом. «Птенцы» переругались в борьбе за власть, занятые только собственной выгодой, забыли о пользе отечества, а кончили тюрьмой и ссылкой, каждый топил друг друга.

«Птенцы гнезда Екатерины II» тоже были яркими личностями, но зачастую путь к вершине власти шел через спальню императрицы. О них тоже говорили и писали много и с азартом. А сподвижники Елизаветы всегда оставались в тени. О них писали либо с негодованием, либо со снисходительностью, помня в первую очередь их корыстолюбие, взяточничество и интриги.

Если бы не было на троне Елизаветы, если бы ее правление не было таким, каким оно было, то не возник бы екатерининский «золотой век». При Елизавете выросло новое поколение молодых людей – не битых кнутом, не пытаных, не пуганных угрозой казни. Эти молодые люди успели забыть жестокости Петра I и Анны Иоанновны, но помнили великие преобразования Петра Великого, а дочь его поддерживала эти чувства в людях и дала раскрыться их талантам.

Много было недочетов, погибал созданный Петром флот, захирела созданная Петром промышленность, страну держало за горло вечное безденежье, многие начинания Петра были забыты и заброшены, но иначе и быть не могло. Петр задал очень высокую планку, люди работали из последних сил. «Прежде думай о родине, а потом о себе» – так нас учили в песнях. Все это красиво и патриотично, но очень часто то, что хорошо государству, губительно для людей. А Елизавета дала людям перевести дух, и при этом сохранила для страны то положение, которое завоевал для России Петр Великий.

Соловьев пишет: «На западе, где многие беспокоились при виде новой могущественной державы, внезапно явившейся на востоке Европы, утешали себя тем, что это явление преходящее, что оно обязано своим существованием воле одного сильного человека и кончится вместе с его жизнью. Ожидания не оправдались именно потому, что новая жизнь русского народа не была созданием одного человека». Да, веселая, да, беззаботная, да, любящая танцы больше всего на свете, но время шло, жизнь учила, приобретался опыт. Соловьев: «Наследовав от отца умение выбирать и сохранять способных людей, она призвала к деятельности новое поколение русских людей, знаменитых при ней и после нее... При этом, разумеется, большую службу служила ей осторожность, заставляющая ее не вдруг решать дела по внушению того или иного лица, но выслушивать и других, соображать их мнения, думать, и долго думать».

Семилетняя война унесла много русских жизней, стоила стране огромной суммы денег. Кажется, зачем вязались в европейские дела? «Где усадьба, а где пруд?» Неужели Елизавета бросила нашу армию в эту бойню только потому, что не любила Фридриха II и была уязвлена его шутками на свой счет? Нет, все не так. Главным было сохранить равновесие сил в Европе, а поскольку Россия вышла из разряда азиатских стран, это ее напрямую касалось. Войны XVIII века – это борьба за испанское наследство, вся Европа вела кровавые войны, и Россия по своему статусу не могла не принимать в них участия.

Смерть Елизаветы спасла Фридриха от полного поражения. Уже в апреле Петр III подписал мир, возвратив прусскому королю все завоеванные русской армией земли. Гвардия не простила Петру этого постыдного мира, который в первую очередь и послужил причиной его свержения.

На этом официальная часть моего послесловия кончилась. Теперь несколько слов от души. Сорок лет назад, а может, чуть меньше, словом, в «оттепель», Москва зачитывалась журналом «Москва», помнится, № 6. Писатель, назовем его С., подробно и старательно написал о религиозной и бытовой культуре Индии. В то время мы об Индии знали в основном по Афанасию Никитину в исполнении несравненного Олега Стриженова, было такое кино. Так что журнал стал бестселлером.

Дело вкуса, конечно, но мне труд писателя С. не понравился. Автор радостно рассказывал об обычаях, характере, вере индусов, объяснял, какие они хорошие, а все вместе это как-то напоминало навязший в зубах «Моральный кодекс строителей коммунизма». С. любил Индию, но что он в ней понял, это вопрос. Он просто опустил великую мировую культуру до своего уровня и заявил читателю – верьте, так оно и есть.

Я не хочу сказать моему читателю – верьте, так оно и было в XVIII веке, потому что все это только наши догадки. Со свойственной жителю XX века снисходительностью мы – такие умные и научно образованные! – спускаем (не поднимаем) до своего уровня полнокровную и живую русскую историю. А как они там жили на самом деле – Бог весть. Но я думаю, что не хуже, чем мы, а может быть, и лучше. Это во-первых.

Есть еще и во-вторых. Проклятье России – ее пространства и дороги. А отсюда и время в этом пространстве по этим, не скажешь – дорогам – направлениям, течет по-своему. Россия страна с непредсказуемым прошлым – эта фраза стала пословицей. Словом, мне нужен якорь, нужно закрепиться в конкретной временной точке. Я перекинула мостик в XVIII век зимой 2010 года, а как будет выглядеть царствование Елизаветы, скажем, лет через тридцать, судить не берусь.

Иллюстрации

Императрица Екатерина I, мать Елизаветы Петровны. Гравюра XVIII в.

Портрет Елизаветы Петровны ребенком. Художник И.Н. Никитин

*Царевна Елизавета Петровна (1709–1761) в детстве. Михайловский замок.
Художник Л. Каравак*

Царевны Анна Петровна и Елизавета Петровна. Художник Л. Каравак

*Выезд императора Петра II и царевны Елизаветы Петровны на охоту.
Художник В.А. Серов*

Император Петр II. Неизвестный художник

Арест правительницы Анны Леопольдовны цесаревной Елизаветой Петровной в ночь на 25 ноября 1741 г. Гравюра XVIII в.

Цесаревна Елизавета Петровна и преображенцы в кордегардии Зимнего дворца в ночь на 25 ноября 1741 года. Художник Е.Е. Лансере

*Церемония публикации перед коронацией Елизаветы Петровны в 1742 г.
Гравюра XVIII в.*

Вид Соборной площади Московского Кремля во время коронационных торжеств Елизаветы Петровны. Художник И.А. Соколов

Медаль «В память восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны. 1741»

Императрица Елизавета Петровна в маскарадном costume. Художник Г.-К. Гроот

Ф.Я. Дубянский – духовник императрицы Елизаветы Петровны. Художник А.П. Антропов

И.-Г. Лесток, лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны. Неизвестный художник

Портрет генерал-фельдмаршала А.Б. Бутурлина. Неизвестный художник

С.К. Нарышкин. Неизвестный художник

А.И. Остерман. Гравюра XVIII в.

Б.-Х. Минин. Неизвестный художник

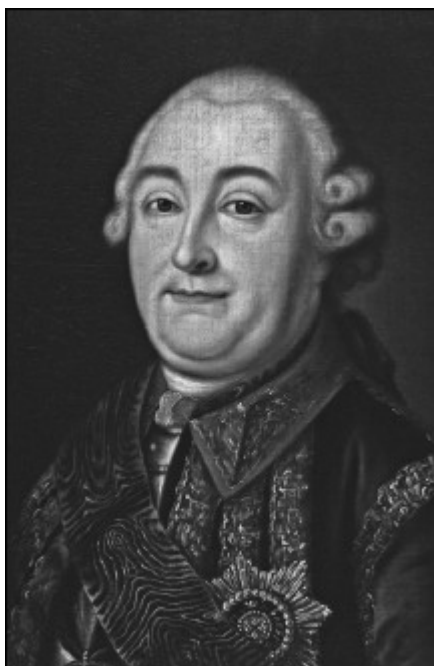
Елизавета Петровна на коне в сопровождении арапчика. Художник Г.-К. Гроот

А.Г. Разумовский. Гравюра XVIII в.

А.П. Бестужев-Рюмин. Неизвестный художник

С.Ф. Апраксин. Неизвестный художник

И.И. Шувалов. Художник Л. Виже-Лебрен

Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе. Художник Е.Е. Лансере

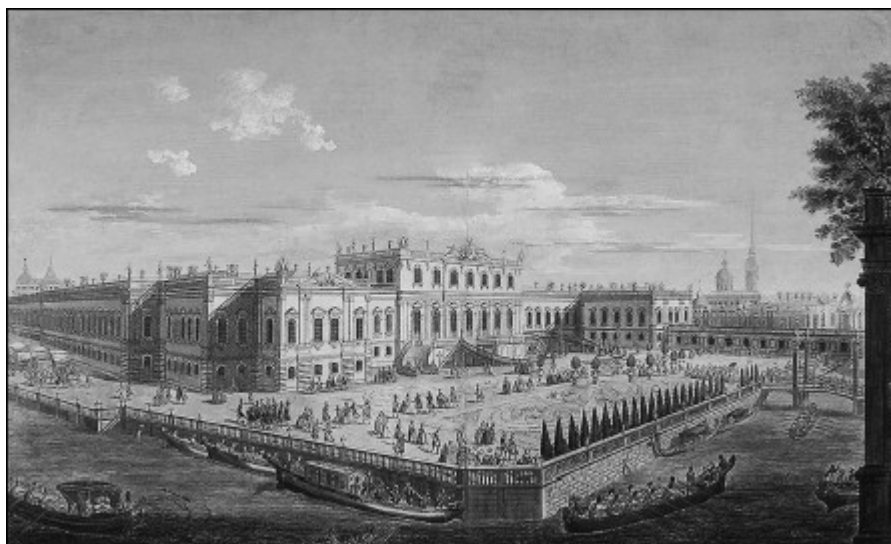
*Прогулка Елизаветы Петровны по знатым улицам Санкт-Петербурга.
Художник А.Н. Бенуа*

Императрица Елизавета Петровна. Фрагмент. Художник К.Г. Преннер

Императрица Елизавета Петровна. Художник В. Эриксен

Вид на Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны. С рисунка М.И. Махаева

Настольная медаль на смерть императрицы Елизаветы I. 25 декабря 1761 года

*Петропавловский собор. Надгробия Петра I, Екатерины I, Елизаветы I.
Современный вид*